

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

4/2020

Содержание

ПРОЗА

Денис ГЕРБЕР. Терма ума. Рассказ.	4
Андрей ФЕДОТКИН. Зверек. Рассказ.	20
Анна КОСТЮКЕВИЧ. Идеальная ловушка. Рассказ.	36
Ярослав КУДЛАЧ. Переиграл. Рассказ.	54
Елена ЩЕТИНИНА. У каждой женщины есть прошлое. Рассказ. ..	65
Татьяна БЛЕЙЗА. Кольцо Света. Рассказ.	76
Наталья ТАРАСОВА. Требуется хранитель. Рассказ.	97
Наталья РЕВКОВА. Попутчик. Рассказ.	105

ПОЭЗИЯ

Ольга АЛТУХОВА. Место для маневра. Стихи.	31
Ольга ДОМРАЧЕВА. Говорила река. Стихи.	62
Евгений ВИТЧЕНКО. Из цикла «Зимние стихи». Стихи.	93
Александр ПРАВИКОВ. О синицах. Стихи.	109

ДРАМАТУРГИЯ

Игорь НАЗАРОВ. В гостях у сказки. Административно-фантастическая быль.	112
--	-----

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Геннадий ПРАШКЕВИЧ. Грезы о Земле и небе. Размышления фантаста о советской фантастике.	136
--	-----

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Андрей ШАПОВАЛОВ. Шаманский космос в музейной витрине.	153
--	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Михаил ХЛЕБНИКОВ. Реалии отечественной фантастики.	168
Филипп ХОРВАТ. Большая литература: смена курса или трансформация?	180

Картинная галерея «Сибирских огней»

Андрей КУЗНЕЦОВ. Неизвестный Художник Юрий Артюшкин.	187
--	-----

Авторы номера	191
---------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Сибирь — фантастический край, необычайно богатый всем, включая таланты. Этот номер журнала познакомит вас, дорогие читатели, с яркими представителями современной фантастической прозы, живущими в Сибири или связанными с ней фактами биографии.

Нельзя сказать, что такое случается впервые. Скорее, фантастика на наших страницах — это традиция. В «Сибирских огнях» почти сто лет назад печатался рассказ Вивиана Итина «Открытие Риэля», из которого вырос первый в Советской России фантастический роман (на несколько месяцев опередивший «Аэлиту» А. Толстого) — «Страна Гонгури». Здесь на суд читателей были в разные годы представлены повести «Луговая суббота» Геннадия Карпунина, «Голос вечности» Аллы Коновой, «Ошибка создателя» Давида Константиновского, «Прозрачник» Аскольда Якубовского, сценарий Александра Казанцева «Гость из космоса», рассказы Михаила Михеева, романы и повести Геннадия Прашкевича... На страницах журнала выходили рецензии на книги Владимира Обручева, Ивана Ефремова, Станислава Лема, Рэя Брэдбери, Роберта Шекли, Евгения Велтистова, Сергея Снегова, Виктора Колупаева и многих других. В общем, с жанром фантастики «Сибирские огни» знакомы давно и хорошо.

А вот идея посвятить ему целый отдельный номер возникла недавно. В августе 2019 года в Ордынском районе, в селе Новопичугово, проходило очередное, уже Третье совещание сибирских авторов, организованное в том числе и силами «Сибирских огней». На этот раз на совещании, кроме обычных худлитовских секций прозы и поэзии, работала еще и секция фантастики. Там и родилась мысль сделать апрельский номер журнала полностью фантастическим, «гагаринским». Так что сейчас вы, можно сказать, держите в руках плод смелого эксперимента.

Даже если вы прохладно относитесь к фантастике, полистайте эти страницы — и обязательно найдете что-то интересное. Ведь для большинства авторов фантастические допущения или необычный антураж — лишь художественный прием, чтобы осветить знакомые всем проблемы с новой, необычной стороны.

В представленных здесь рассказах есть все: и драматические нотки, и юмор, и глубокие, но ненавязчивые размышления о жизни, и тонкие переживания. Герои, кем бы они ни были — космическими дальнобойщиками, чародеями, охотниками за бессмертием или обычными людьми, благодаря таланту авторов становятся на время нашими близкими друзьями, которым хочется посочувствовать, дать толковый совет или просто сказать слова поддержки.

Среди авторов номера — уже знакомые постоянным читателям Денис Гербер (Ангарск) с «мускулистым» и одновременно философским рассказом «Терма ума» и Ярослав Кудлач (Ганновер) с короткой мистической драмой «Переиграл». Однако большинство авторов публикуются у нас впервые. Это жители нашего города и области Андрей

Федоткин с историей «Зверек», написанной в лучших «космических» традициях, Анна Костюкевич с драматичным и очень красивым рассказом «Идеальная ловушка», Наталья Тарасова с грустной мистической историей «Требуется хранитель». Это писательницы из Барнаула: Татьяна Блейза — с рассказом «Кольцо Света», который обязательно понравится любителям жанра фэнтези, и Наталья Ревкова — автор с тонким чувством юмора, способный создавать шедевры на грани хулиганства, как в случае с ее новеллой «Попутчик». И, конечно, это Елена Щетинина из Омска, рекомендованная по итогам Третьего совещания сибирских авторов к приему в Союз писателей России. Ее рассказ «У каждой женщины есть прошлое» можно без колебаний назвать образцом легкой, юмористической фантастики.

В пьесе кемеровчанина Игоря Назарова «В гостях у сказки», которую вы найдете в разделе «Драматургия», автор предлагает посмотреть на возникновение и функционирование мифологии под довольно необычным углом. Там есть и над чем посмеяться, и о чем задуматься. В рубрике публицистики и критики мы собрали материалы, где наши постоянные авторы — Геннадий Прашкевич и Михаил Хлебников, а также Филипп Хорват рассуждают о фантастике вообще и о сетевом ее сегменте в частности.

Ну как, вы готовы встретиться лицом к лицу с этим остросюжетным и многогранным жанром — фантастикой? Тогда — «поехали»!

Вячеслав Шалыгин,
писатель-фантаст

Денис ГЕРБЕР

ТЕРМА УМА

Р а с с к а з

1.

Очередного ангела они отыскиали в китайском квартале, долго бежали за ним через дворы, загнали по пожарной лестнице на крышу, затем через подъезд — в квартиру. Ангел сопротивлялся, пытался ткнуть Хила тупым столовым ножом. Пришлось застрелить.

Тяжело дыша, Рикер смотрел на распростертое тело. Ангелу было лет шестьдесят на вид. Мужчина с семью усами, в мешковатых брюках и рубашке, одним краем выползшей из-под ремня. «Старая уловка», — подумал Рикер. Смой седину, сними стариковскую одежду — и с завистью посмотришь на молодое тело. Наверняка ходил в спортзал, правильно питался, делал прививки. А сейчас лежит среди разбитой посуды, и красное ангельское мясо торчит из огромной дыры в груди.

Хил все никак не мог успокоиться, с пистолетом в руке он осматривал квартиру, заглядывал в шкафы, под кровати, даже холодильник распахнул.

— Ты говорил, что этот необычный, — с легкой укоризной сказал он Рикеру.

— Я не говорил «необычный». Я говорил «не одиночка». Он связан с группой.

— Вот и я про то, — буркнул Хил.

Похоже, он надеялся отыскать группу прямо здесь, в квартире.

Рикер поднял опрокинутый табурет, уселся рядом с застреленным ангелом и подозвал Хила.

— Давай-ка посмотрим, чему тебя учили на инструктаже. Что за вид?

Хил наконец-то убрал пистолет в кобуру и несколько раз обошел тело.

— Ну... дай подумать. Похоже, хаома. Да, наверняка. — Он склонился и закатал ангелу рукав. — Уверен, хаома.

— Почему?

— Следы укулов на руке.

— Хаому колют в вену, а это — другое.

— Амрита? Амброзия? Что?.. Да не знаю я!

Рикер сел на корточки и оттянул ангелу верхнюю губу:

— Видишь багровые пятна на деснах?

— А-а, пятна! — Хил выпрямился и с досады хлопнул себя по бедру. — Значит, вирус Рудаки! — и ошеломленно повторил: — Вирус!

— Точно, вирус. А следы на руке — от прививок и витаминов, он глушил побочные эффекты.

Хил оглядел тело с неким уважением, возможно — с завистью.

— Первый раз вижу экземпляр с настоящим вирусом. Черт, а я его застрелил!

Ангел с вирусом Рудаки и вправду был редкостью. Даже Рикер встречал таких лишь несколько раз. Ископаемые версии. Носители первородного бессмертия. Вирус Рудаки замедлял процессы старения на девяносто девять процентов. Он поддерживал своего носителя и крайне неохотно покидал тело. Все остальные препараты — хаома, амрита, амброзия — были синтетическими аналогами тех веществ, что выделял вирус. Был еще кощей — жуткая гормональная дрянь, превращающая людей в струльдбругов*, помнящих последние два-три года жизни, не более.

Хил оценивающе осмотрел Рикера.

— А ты сам никогда не хотел?..

— Стать ангелом?

— Бессмертным.

— А ты не хотел стать наркоманом? Или президентом?

Хил опять присел и сунул палец прямо в дыру на груди у ангела.

— Вирус уже погиб, не надейся, — сказал Рикер с презрением.

— Ты чего? — Хил вздрогнул.

— Ничего. Давай вызывай бригаду и включай компьютер. Будем искать связи.

Пока Хил возился с компьютером, Рикер осмотрел квартиру. В углу спальни он обнаружил небольшой алтарь, уставленный иконками и фигурками буддийских божеств. Божества были многоглазые и злые. С вбитого в

* Струльдбруги — бессмертные существа из книги Джонатана Свифта «Путешествия Лемюэля Гулливера». Струльдбруги так же подвержены старению, деменции и болезням, как обычные люди, но не могут умереть и обречены мучиться вечно.

стену гвоздя свисали сандаловые четки и побрякушки с инь-ян. Доброжелательно глядел с портрета девятнадцатый далай-лама.

Ангел, без сомнений, был тем самым, о котором говорил наводчик. Но теперь из этого ангела и слова не вытянешь.

— В ящике все зашифровано, — доложил Хил. — Хороший признак!

— Но расшифровать-то сможешь?

— Только в отделении. Софт нужен помощнее.

— Копируй все и поехали.

Не дожидаясь приезда бригады, они вышли из квартиры и побрели сквозь дворы и переулки к брошенной возле банка машине. Китайский квартал благоухал лапшой и специями. Из переулков несло псиной. Улыбчивые азиаты кивали Рикеру и Хилу. Здесь ненавидели чужаков, а охотников за ангелами — особенно.

— Долго потрошить будешь? — спросил Рикер напарника.

— Там данных — как жен у Соломона, — кисло ответил Хил. — Полночи просижу.

— Как расшифруешь, звони мне... А сколько их было?

— Жен у Соломона? — Хил пожал плечами. — Семьсот или восемьсот.

— Счастливчик!

— Несчастный человек.

2.

Сон у Рикера отшибло. Лежа в постели, он думал об убитом ангеле. Странно, обычно они так не сопротивляются. Зачем лишаться жизни? Да, арестуют, надолго поместят в лагерь. Да, подвергнут деактивации, но потом-то можно опять попробовать. Шанс есть, и каждый третий вновь пытается стать бессмертным.

Рикер вспомнил глаза ангела. За мгновение до того, как Хил выстрелил, в них мелькнула надежда.

«Надежда, — повторил Рикер одними губами и мысленно написал это слово на потолке. — Не исключено, что этот ангел еще и в посмертную жизнь верил. Обычно они вывешивают религиозные символы для маскировки, но этот явно верил».

Пискнул телефон. На линии был Хил.

— Слушай, это Грааль, черт его побери! — возбужденно тараторил он в телефон. — Зуб крокодила! Клевер четырехлепестковый!

— Задняя лапа кролика, — мрачно поддержал его Рикер и сел, опустив ноги на пол. — Давай поспокойнее. Что нашел?

— Во-первых, ангел не засвеченный. В базе он отсутствует.

— Совсем отсутствует? — глупо спросил Рикер.

— Как пупок у Адама. Во-вторых, у него есть адреса двух контор, где клепают перламутров.

Перламутрами называли ангелов, сделанных при помощи генной инженерии. К человеческим генам присоединяли ген европейской жемчужницы — двустворчатого моллюска, обладающего «пренебрежимым старением». По своей сути жемчужница была бессмертна. Разрастающаяся раковина делала ее громоздкой, нога не могла удерживать вес, жемчужница падала на бок и умирала от голода. От голода, а не от старости. Такой исход за-

программировала природа. Ученые открыли около сотни видов животных с «пренебрежимым старением» — медузы, киты, землеройки, но к человеку клеился только ген жемчужницы. Пятьдесят лет назад перламутров создавали в секретных лабораториях Северного Союза, а теперь с этим легко справились инженеры подпольных контор. В прошлом месяце две «перламутровые» конторы выявили в Гонконге, еще одну — в Йоханнесбурге.

— Где они находятся? — спросил Рикер, придавая голосу спокойствие.

— Да бог с ними, с конторами! Это еще не все. У этого ангела приглашение на конгресс!

— Конгресс?

— Ангелы слетаются к нам сами! Можем накрыть целую стаю! Знаешь, я понял, зачем он побежал домой. Хотел уничтожить улики. А когда не успел... сам напросился на пулю. Надеюсь, наверное, что мы не расшифруем.

— Надежда, — повторил Рикер.

— Что? Слушай, приезжай. Надо бы план разработать.

Некоторое время молчали. Правая нога у Рикера затекла до неприятного онемения, но это его не волновало.

— А в записях не упоминается слово «терма»? — спросил он.

— Терма? В смысле — температура?

— Нет. Это из буддизма. Что-то вроде закладки, тайника.

— Не обратил внимания, но тут много всякой чепухи религиозной.

— Хорошо, я сейчас приеду.

Пока Рикер изучал расшифрованные данные, Хил беспрестанно зевал, каждый раз добавляя после зевка «о-ой-жи-жи».

Конгресс был назначен на послезавтра... Рикер взглянул на часы: теперь уже на завтра. Ангелы собирались в конференц-зале отеля «Парацельс». Символично придумали. Надо же чем-то заполнять бесконечную жизнь, вот и раскрашивают ее всякой философией, придают смысл.

— Нужны две бригады спецназа, — поделился соображениями Хил. — Эти тоже остервенелые будут, я уверен. Отстреливаться начнут.

— Большинство ангелов — трусы, — возразил Рикер. — Цепляются за свое бессмертие. Считают, им есть что терять.

— А нам, скажешь, терять нечего?

Рикер почесал подбородок. Давненько — пять, десять лет? — он не размышлял о таком. С какой жизнью проще расставаться? С бесконечной или с короткой, отмеренной? Смерть все уравнивает.

— Надо операцию планировать, — поторопил Хил. — В конференц-зале полторы сотни мест. Что, если битком набьется?

Рикер выключил планшет с расшифрованной информацией и убрал к себе в стол.

— Что ты делаешь? — недовольно протянул Хил.

— Никакой операции, никакого спецназа. Я пойду туда один.

— Почему один?

— Приглашение же на одного.

Хил сдвинул брови.

— Почему ты? — спросил он. — Ангела уколошил я. И данные вскрыл.

Рикер не ответил. Он знал, что напарник хорохорится. Дай ему указание внедриться, так отнекиваться начнет.

— Утром переделай приглашение на меня, — сказал Рикер, вставая. И сменил тему: — Как там звали этого ангела?

— Локк.

— Имечко!

Хил нахмурился еще сильнее.

— Слушай, это нарушение всех инструкций, — сказал он.

В голосе прозвучала угроза.

Рикер остановился в дверях, повернулся и осмотрел напарника. Темные пятна под глазами у Хила напоминали сползшие солнцезащитные очки. Щетина — почти неприличная.

— Никому не сообщай, ладно? — попросил Рикер. — Я должен попасть туда один.

— Зачем один?

— Не могу сказать.

— Я хоть и младший, но напарник, — сказал Хил с обидой.

— Да, конечно... — Рикер вернулся и сел на место. — Я позже все объясню, клянусь. Жаль, что пропуск один. Будь их два — обязательно бы вместе пошли.

— Сопли не разводи, не куплюсь.

— Ладно, что ты хочешь?

Хил неопределенно покачал головой:

— Ничего. Хочу... чтобы тебя не убили. Ну, и ангелов этих накрыть было бы здорово. — Он вдруг склонился к Рикеру и озорно блеснул глазами: — Я буду там, рядом с отелем. Прикрою тебя, если что пойдет не так. Это мое условие. Как тебе?

— Идет. Только не выдавай себя и ко мне не приближайся.

3.

Отель «Парацельс» походил на огромную, поставленную на ребро таблетку. Наверное, это было связано с названием. По вертикальной разделительной полосе вверх и вниз скользили кабины лифта.

Рикер попросил номер ближе к конференц-залу и протянул документы одетому в бордовый костюм портье. Тот клацнул клавишами, заглянул в монитор и вдруг напрягся.

— Вы уже сняли номер, мистер Локк, — сказал он с казенной улыбкой и вернул документы. — Три дня назад забронировали, все оплачено. Номер двести тринадцать, подалее от конференц-зала.

Рикер мысленно обругал Хила. Да и сам виноват, нужно было трижды проверить. Он поднялся по лестнице на второй этаж и огляделся. Двести тринадцатый номер — слева, вход в конференц-зал — справа, в самом конце коридора. На потолке — камеры.

Делая вид, что отыскивает номер, Рикер дошел до конференц-зала и бегло осмотрел контакты над дверью. Они указывали, что на входе имеется детектор оружия. Скорее всего, он был встроен в дверной проем.

«Придется отложить пистолет», — с огорчением подумал Рикер и пошел к себе.

Номер с экологическим классом «ААА». Много полезной ерунды: ионизатор воздуха, массажные кресла, минеральная ванна, какой-то подключенный к розетке «сапог».

Рикер завалился на кровать не снимая обуви. Даже не верилось, что вокруг полно ангелов. В этом отеле их — около сотни. За пятнадцать лет службы он столько не изловил. Зато повидал всяких. Видел лощенных богатеев — обладателей непозволительно дорогих перламутровых генов, струльдбругов с памятью как у бабочки, работяг, откладывающих половину зарплаты на ежемесячную дозу амриты. Видел избранных самой судьбой ангелов — тех, кто живет на чистом вирусе. Но существовал еще один вид, который ни разу не попадался. Рикер верил, что он существует. Надеялся.

Вечером он заказал ужин в номер. Поев, открыл программку конгресса. Официально была заявлена тема: «Футурология и инвестиции». Среди докладчиков значился Фрэнсис Локк. Рикер достал планшет, открыл расшифрованные документы и начал читать текст доклада. Локк, похоже, постарался, чтобы слушатели заскучали. Прочитав несколько страниц, Рикер не заметил, как уснул.

Открыл глаза уже за полночь. Над кроватью горел свет, планшет валялся в ногах, на столике подсыхал недоеденный ужин — остатки капустного салата, половина синтетического стейка.

Рикер поразмыслил, как завтра появится в конференц-зале. Вряд ли ангелы знают в лицо Фрэнсиса Локка. Они крайне редко встречаются вживую, скрытны, постоянно меняют внешность. Но охрана все-таки будет. И охрана серьезная.

Он включил планшет и запросил в системе план отеля «Парацельс». Судя по схеме, из конференц-зала имелся другой выход. Короткий коридорчик вел на пожарную лестницу, по которой можно было спуститься к автомобильной стоянке или подняться на крышу — к вертолетной площадке. Так ангелы и будут удирать, если что.

Рикер запросил ключ от запасного выхода, минуты две ждал, пока сгенерится санкция. Планшет мигнул синим, тут же вздрогнул магнитный ключ в кармане брюк. Доступ разрешили.

Снаружи он увидел очередной пример символизма дизайнеров — кусты вокруг отеля «Парацельс» были посажены в виде химических формул. Неоновой подсветкой мерцали бордюры. Где-то неподалеку чирикала птичка — возможно, настоящая. Людей не наблюдалось. Надпись над входом гласила: «Все — яд, и ничто не лишено ядовитости; лишь доза делает яд лекарством». Чуть ли какая-то. Рикер два раза глубоко вздохнул и, придав себе задумчивый вид, побрел направо по дорожке вдоль фасада. Он обогнул здание и остановился в тени дерева. На парковке было тихо. Из двери одного автомобиля выглядывала женская ножка — дама протираала салфеткой запачканную туфельку.

Рикер отыскал пожарную лестницу и взошел по черным металлическим ступеням на площадку второго этажа. Брыкнулся ключ в кармане, дверь послушно отворилась. Коридорчик был не таким коротким, каким выглядел на схеме, и довольно узким.

Рикер открыл вторую дверь и проник в конференц-зал. Луч фонарика высветил прямоугольное помещение с рядами синих кресел. Ряды напольными

друг на друга полукругами, как зубы в пасти акулы. На сцене стояла кафедра с пятерней микрофонов и стол — тоже с микрофоном.

«Где-то нужно спрятать пистолет».

Он дошел до своего места в третьем ряду. Кресло трансформировалось так и сяк, но места для тайника не нашлось. Не положишь ведь пистолет на пол. Скотч к бархату не приклеится. Рикер вышел на сцену и осветил изнутри кафедру. На уровне пояса там выпирала дополнительная подставка для бумаг, между ней и корпусом имелась щель шириной с кулак. Рикер облепил пистолет скотчем и прикрепил к внутренней стороне полки. Теперь у докладчика Фрэнсиса Локка в случае чего найдется весомый и неожиданный аргумент.

Вернувшись в номер, Рикер вздрогнул. Внутри находился кто-то еще. Рука машинально дернулась к кобуре и тут же опустилась — кобура-то порожня. Он увидел Хила. Напарник стоял у окна, разглядывая собственное отражение.

— Как вошел? — спросил Рикер и тут же догадался. Тот сделал запрос в системе, и все — дверь открыли.

Хил смотрел на него из отражения в окне. Каким-то он был слишком серьезным.

— Скажи честно, напарник, зачем туда идешь?

Рикер не ответил. Так они и стояли, глядя друг на друга как через зеркало. Кондиционер имитировал шум листьев в саду.

— Я тут твой ужин доел, — сказал Хил и повернулся. В руке у него была открытая бутылка пива из мини-бара. — Кишки гудели как тромбон.

Он опустился в кресло, вытянул ноги и отхлебнул из зеленого горлышка.

— Я ведь могу хоть сейчас спецназ вызвать, — сказал он. — Не дергайся только. Я знаю, что у тебя нет оружия.

Рикер взял в мини-баре другую бутылку и сел в кресло напротив. Вкус пива ему не понравился. Безалкогольное, отдает лимонной цедрой.

— Ты вчера спрашивал, не хочу ли я стать ангелом, — напомнил он.

— Ну.

— Я ведь уже был им.

Хил замер с бутылкой у рта.

— Был?

— Отец подсадил на амриту, когда мне было двенадцать.

— Отец... — ошеломленно повторил Хил и поставил бутылку на пол. — Как это случилось?

— Недалеко от нашего дома находилась церковь неогностиков. Однажды я взобрался на высокое окно и заглянул внутрь. Мне было лет десять, и я хотел почувствовать «запах Бога» — так мы, мальчишки, называли ладан. — Рикер снова с отвращением глотнул пива и обтер губы большим пальцем. — В окно я увидел толпу скорбящих. Оттуда несло холодом и запахом трупа. Я покрылся мурашками. Мне показалось, что сейчас меня заморозят, втащат внутрь и станут отпевать. С тех пор я жутко боялся всего религиозного. Увижу крест или полумесяц — и чувствую трупный запах. Психолог сказал, что это танатофобия — боязнь смерти.

— И папаша решил сделать тебя ангелом?

— Он считал, будто это все исправит. Но я стал бояться еще сильнее. Мне казалось, что все здания построены на костях. Запах мертвечины повсюду...

Рикер замолчал. Он вращал в руках бутылку, не решаясь отпить еще.

— Что было дальше? — спросил Хил.

— После амриты я перешел на амброзию. Кошмой два раза принимал.

Когда мне исполнилось шестнадцать, инспекторы отсканировали мой возраст и догадались. Меня поместили в лагерь и дезактивировали.

— Ну и дела! Значит, ты из бывших...

— Потому и нахожу ангелов.

Хил поднялся с кресла и вновь заглянул в окно, словно пытался убедиться в существовании окружающего мира.

— А как же танатофобия? Как ты справился?

— В лагере был центр неогностиков. Я проходил там курс реабилитации. Неогностики мне в итоге и помогли.

— Клин вышибло клином?

— Что-то вроде того.

Хил прошелся по номеру, поднял бутылку с пола, бессмысленно посмотрел в горлышко.

— Слушай, это понятно, — сказал он. — Мне говорили, что среди охотников есть бывшие. Мало, конечно, верилось, но... Черт, скажи мне, зачем ты лезешь на собрание? В одиночку всех арестуешь?

— Скажу, когда все закончится. Пока я сам не уверен.

— Уверен в чем?

— После конгресса, — твердо ответил Рикер.

— Ладно... — протянул Хил недовольно. — Завтра я буду в машине на парковке. Возле пожарного выхода.

4.

Утром двери конференц-зала были открыты. Над входом появилась вывеска: «Международный конгресс “Футурология и инвестиции”. Организатор — Объединенный блок инвесторов Северного и Южного Союзов. Вход по приглашительным билетам».

Часть публики уже находилась в зале. Другие участники толпились у входа. Охранники с железобетонными улыбками пропускали их по одному, сканировали документы, услужливо указывали место в зале.

Когда очередь подошла, Рикер скорчил вежливую мину и протянул приглашение охраннику. Он внутренне сжался, услышав писк сканера — показалось, что его документ пискнул громче остальных.

Большинство ангелов в зале имели респектабельный вид. Всем около сорока, одеты в костюмы, некоторые — в старинных галстуках.

«Должно быть, этим галстучным лет по сто, — подумал Рикер, проходя на свое место. — Никак не могут избавиться от привычек молодости».

За столом на сцене уже восседала модератор — чернокожая женщина с дредами, как у Горгоны. Она переключала бумаги, время от времени поднимала взгляд, следила за наполнением зала. Другая дамочка в белой блузке и черной мини-юбке разгуливала у кафедры, прижимая плечом телефон. Руки у нее были заняты бумагами и планшетом.

Когда участники конгресса расселись на места, охранники прикрыли двери. Свет чуть померк. Женщина с дредами осмотрела зал, выдержала минутную паузу и сказала в микрофон:

— Доброе утро! Меня зовут Дени, я возглавляю отдел коммуникаций Объединенного блока инвесторов Северного и Южного Союзов. Рада приветствовать вас на Международном конгрессе «Футурология и инвестиции». Сразу попрошу участников придерживаться установленного регламента. Надеюсь, все понимают, что я имею в виду?

По залу прошел одобрительный гомон. Никто не возражал против легкой конспирации.

— В программе заявлено двенадцать докладов, — продолжала Дени. — Прошу не начинать прения, пока докладчик не закончит выступление. Общее время не регламентировано, так что самые важные вопросы мы успеем обсудить. Через час будет перерыв, я приглашу вас в банкетный зал. Есть вопросы? — Несколько секунд она глядела на присутствующих, потом прочитала с листа: — Предоставляю слово Мерабу Пятигорскому. Прошу докладчика пройти на сцену.

«Слишком часто говорит “прошу”», — отметил Рикер.

С первого ряда поднялся лысеющий ангел в сером костюме. Глядя себе под ноги, взошел на сцену и разместился за кафедрой.

— Я буду говорить неформально, вы уж простите, Дени, — первым делом предупредил он и продолжил, обращаясь к залу: — Я сам не инвестор, чего уж скрывать, но многим помог найти верное решение. Уверен, помогу и с вложениями в технологии бессмертия.

Зал зашумел, услышав нарушающее конспирацию слово. В то же время многие расслабились. Здесь собрались деловые люди, времени на лишний политес у них не было.

— На сегодняшний день существует пять известных нам технологий бессмертия, — продолжил Пятигорский. — Начнем по порядку. Хаома. Статистика показывает, что ее принимает более пятидесяти пяти процентов ангелов. Если бы не побочные эффекты, могло бы быть девяносто. В настоящее время в Южном Союзе есть два центра по выработке нового препарата на основе хаомы. Оба нуждаются в финансировании. Разработчик заявляет, что препарат может появиться через два года, побочные эффекты снизятся на двадцать — двадцать пять процентов. Не бог весть как много, но даже это вызовет серьезные изменения на рынке. Фьючерсы уже пляшут самбу, вы знаете. Так что те, у кого солидные вложения в хаому, могут начинать шевелиться.

Рикер слушал и думал о том, как рассмотреть сидящих в зале. Впереди одни затылки, и оборачиваться не станешь.

«Увижу лица, когда буду стоять за кафедрой», — успокоил он себя.

Был и другой шанс. Возможно, тот, кто ему нужен, сам выйдет на сцену.

— Кошечка и прочую кустарную ерунду я в расчет не брал, — говорил тем временем Пятигорский. — Надеюсь, в зале немного людей, занимающихся этим бизнесом. Они должны понимать, что дело это бесперспективное и мало общего имеет с бессмертием.

Когда Мераб Пятигорский закончил выступление, ангелы зааплодировали. Послышались вопросы.

— Вы не затронули еще две технологии: трансплантацию и перенос сознания, — сказал мужской голос с последних рядов. — Каковы прогнозы?

— С точки зрения бизнеса? — уточнил Пятигорский.

— Любые! — крикнул кто-то, и по залу прокатился смех.

Пятигорский отложил бумаги и принял задумчивый вид.

— Перенос сознания — это утопия, — сообщил он со скорбью. — Он появится не раньше, чем ученые научатся конструировать человеческую душу. Романтикам лучше инвестировать в поиск неземного разума... ну или в вечный двигатель вложиться.

Снова смех в зале.

— Что касается трансплантации органов... По моему скромному мнению, такой технологии бессмертия не существует. Это фикция. По существу, трансплантация происходит непрерывно у каждого человека, только на клеточном уровне. Клетки отмирают, заменяются новыми. За два месяца обновляется кожа, а за семь лет — весь организм. Сбои происходят на другом уровне — функциональном — и в обмене веществ. Замена органов не решает эти проблемы, а лишь оттягивает старость, помогает с нею бороться. Это — медицина.

В зале нашлось много несогласных. Воспользовавшись возникшим оживлением, Рикер разглядывал лица, но нужного не находил. Неужели его нет? Не может такого быть!

Вдруг кто-то произнес:

— Вы не сказали про так называемое алмазное бессмертие. Почему?

Рикер повернулся на голос, но определить владельца не успел.

— Простите, я не анализирую фольклор, — ответил Пятигорский. — Если вопросов больше нет, то мой доклад закончен.

Модератор Дени сказала в микрофон:

— В нашей программе изменения. Один докладчик отсутствует. Я прошу подняться Фрэнсиса Локка. — Она оглядела зал. — Вы готовы, мистер Локк? Вам слово!

Рикер встал с кресла и, зажав планшет под мышкой, пошел на сцену. Спускавшийся в зал Пятигорский похлопал его по плечу, как давнишнего коллегу. Рикер встал за кафедрой и оглядел собравшихся.

Зал был почти полон. Приглушенный свет размывал лица, все они казались одинаковыми, лишь усы и бороды выделялись из общей массы. Но разве усы с бородой — примета?

— «Дурная бесконечность» — должно быть, вы слышали этот термин, — начал Рикер, подглядывая в записи Локка. — Когда Гегель ввел это понятие, о бессмертии только мечтали. Тем не менее именно Гегель определил нравственные проблемы, с которыми человечеству пришлось столкнуться спустя несколько веков. Что имел в виду философ? То, что бесконечность нивелирует конечные величины. Разве есть разница между двойкой и миллионом, если впереди миллиарды миллиардов, а за ними триллионы триллионов? Гегель полагал, что бесконечность вынуждена делиться на отдельные конечные циклы, чтобы обрести смысл.

Рикер поглядывал в зал. Понимания на лицах было не много: на конгресс собрались бизнесмены, а не философы. Рикеру даже стало жаль покойного Фрэнсиса Локка, обидно за него.

— Даже алхимики, создавая свои эликсиры, отыскивали дверь в бесконечность разума, а не тела... — Рикер замолк на полуслове. Речь прервал тревожный гудок детектора.

Он повернулся к дверям и обомлел, увидев Хила, стоящего посреди прохода в окружении красных мигающих ламп. Детектор продолжал гудеть. Хил такого явно не ожидал. Он смотрел в зал с сидящими ангелами, а те уже все поняли. Хил попытался отыскать взглядом Рикера и совсем растерялся, заметив напарника на сцене за кафедрой.

Рикер не видел, как охранники выхватили оружие. Просто раздались выстрелы — пять или шесть подряд, — и Хила отбросило к стене. Падая, он достал пистолет и дважды выстрелил.

— У него граната! — завопили у входа.

Ангелы вскочили с мест, хотя должны были лечь на пол. Отталкивая друг друга, крича и перепрыгивая через синие кресла, они побежали к пожарному выходу. Двое сцепились в проходе, отнимая друг у друга коричневый портфель. Их сшибли, портфель улетел на ступеньки. Один из борющихся пополз за добычей, а второй плюнул на все и устремился к выходу вместе со всеми.

Граната взорвалась через несколько секунд после того, как Хил испустил дух. Свет, грохот, струи газа, осколки — все разом пронзило конференц-зал. Несколько кресел у входа вырвало с корнем, у соседних снесло спинки. С десяток ангелов разлетелись, точно бумажные фигурки от сильного порыва ветра. Во время полета они распались на куски и приземлились кто где — на полу, на стенах, на бархате кресел.

Рикера отбросило к столу модератора. Одуревший, потерявший слух, он заполз обратно на кафедру, отдышался немного и сунул руку за полку. Пистолета на месте не оказалось. Липкие следы от скотча были, а оружия — не было.

Опять началась стрельба. Видимо, ангелы падали друг в друга. И где только взяли оружие? Рикер сел на пол, прислонившись спиной к внутренней стенке кафедры. Затылок неудобно упирался в злополучную полку для бумаг. В ушах все еще звенело — то громко, то тихо, будто бы кто-то вертел настройки.

Включилась пожарная сигнализация, и с потолка хлынул дождь. Рикер вытянул нижнюю губу, ловя брызги и стекающие по лицу струйки.

«Все пропало, — подумал он. — Пятнадцать лет поисков псу под хвост».

Эта единственная мысль гулко перекачивалась в голове, как бильярдный шар.

Скоро все стихло. Толпа ангелов просочилась в узкий коридор. Рикер представил, как они, мокрые и взъерошенные, бегут по лестничным пролетам, затем — к машинам, спешат на вертолетную площадку, толкаются и матерят друг друга. Бессмертные ничтожества.

5.

Когда вода прекратила литься, Рикер высунулся из-за кафедры и осмотрелся. Дамочка в белой блузке лежала на сцене. Теперь блузка была красной. По всему залу валялись куски человеческого мяса — свежие заготовки для трансплантологии. Один из охранников был застрелен (отлично, Хил!), другой трепыхался с оторванной рукой. Тела напарника Рикер не разглядел: должно быть, его разметало взрывом.

А в центре конференц-зала (шестой ряд, место восемь — зачем-то подсчитал Рикер) сидел мужчина в пиджаке с воротником-стойкой. Единственный ангел, который не пытался удрать. Он сидел спокойно, поправлял массивные очки на лице, хотя все вокруг было усеяно кусками тел, планшетами, телефонами и папками.

Рикер спустился со сцены и подошел к ангелу. Тот был весь мокрый. Дорогой костюм пошел разводами на плечах и рукавах. Капли переливались на оправе очков, линзы уже были протерты. Ангел указал на место рядом с собой, и Рикер сел.

— Меня зовут Чейз, — представился мужчина. — Вам это известно?

— Было бы известно — нашел бы вас раньше.

Почти минуту они оглядывали раскуроченный зал. Здесь будто бы состоялось грандиозное футуристическое представление с впечатляющим финалом. Осталось только крикнуть «браво» и стоя поаплодировать.

— Скверная организация мероприятия, — сказал Рикер. — С конспирацией проблемы.

— Уверены? — усмехнулся Чейз. — А у вас, значит, проблем нет?

Он достал из кармана сигару и прикурил от серебряной зажигалки. Рикер первый раз видел курящего ангела, если не считать двух спятивших струльдбругов в лагере дезактивации.

— Я сочетаю несколько технологий, — пояснил Чейз. — Во-первых, качественные перламутровые гены. Во-вторых, трансплантология — мне часто меняют легкие и сердце. Плюс кое-что из препаратов.

— Наверное, мечтаете о вирусе Рудаки?

Ангел впился зубами в сигару, потом затянулся так сильно, что впали щеки. Подержав дым в себе, он с сожалением выдохнул.

— У меня был вирус Рудаки, — сдержанно произнес он и стряхнул пепел на спинку впередистоящего кресла. — Но каким-то образом я его потерял.

— Случайно приняли антибиотик? — издевательски пошутил Рикер.

Чейз не улыбнулся. Видимо, для него это было больной темой. А как же еще?

— Вы интересный тип, — процедил Чейз сквозь зубы.

— Что вы знаете про терму ума и алмазное бессмертие? — спросил Рикер.

— Вы считаете, они существуют? — теперь издевался Чейз.

— У нас мало времени. Скоро здесь будет полно агентов.

Ангел продолжал сосредоточенно курить, будто бы докуривал последнюю сигару в жизни. По залу уже витало едкое табачное облако.

— Откуда вы о них знаете? — поинтересовался он. — Расскажите, пожалуйста.

— Я был в лагере неогностиков, проходил реабилитацию. Среди дезактивированных у меня нашелся друг по кличке Мазох. Он был из буддистов. Мазох рассказал о том, что ламы давно открыли истинное бессмертие — алмазное. Для его достижения необходимо отыскать терму ума.

— И вы ему поверили?

— Неогностики отлично умеют подсаживать на веру. И развивать чутье.

— Где находится эта терма, он, конечно, не сказал.

— Перед дезактивацией Мазох четыре года сидел на кошке, он уже мало что помнил. Говорил про некую секту ангелов... и много чего еще. Однажды он с выпученными глазами ворвался ко мне в комнату, включил телевизор и указал на вас.

— На меня?

— Вы стояли рядом с президентом Северного Союза, слева от него.

— И вы решили отыскать меня?

— Отыскать... — Рикер усмехнулся. — Я сделался охотником за ангелами, чтобы на вас выйти! Убил четырнадцать человек. Сколько отправил на дезактивацию, и не упомнить.

— И что теперь, когда нашли?

— Вы расскажете мне про терму.

Чейз захохотал, потом выбросил остаток сигары в проход между вторым и третьим рядом.

— С чего вы решили, что я знаю? Поверили какому-то струльдбругу?

— Тогда я вас убью.

— Задушите или выдавите глаза? Я знаю, вы без пистолета.

— Убью! — прошипел Рикер. — Или отведу на дезактивацию.

Чейз не испугался. Он вынул из бонбоньерки какую-то сладость и бросил в рот, чтобы перебить запах табака. Потом извлек из стоящего рядом портфеля пистолет и протянул Рикеру.

— Возвращаю его вам, — сказал Чейз. — А дезактивация мне не страшна. Я выйду прежним из любого лагеря, поверьте. Скажите лучше, почему вы хотите уничтожить ангелов? Зачем убиваете?

— Вы знаете, — выдавил из себя Рикер. — Бессмертие вне закона.

— Да, но почему? Мне интересно узнать ваше мнение.

— Бессмертие загоняет человечество в тупик. Мы перестали эволюционировать. Все великие свершения — в науке, искусстве, спорте, — все были совершены смертными людьми. А потом смысл утратился. Если бы Эйнштейна или Сальникова довели до бессмертия, они бы больше ничего не открыли. Это доказано. Даже гении превращаются в бесполезный хлам.

— Довели до бессмертия... Как интересно вы выражаетесь!

— Стремления, надежды, любовь — все потеряло ценность, — продолжал Рикер запальчиво. — Не зря природа придумала...

— Придумала смерть?

— Да, смерть.

В дверях конференц-зала появился взволнованный человек. Чейз показал ему ладонь: подожди немного. Человек послушно кивнул и скрылся.

— Все, что вы говорите, — правильно, — сказал ангел. — Человек совершенствуется до определенного возраста, после — перестает. Смерть — это своеобразная перезагрузка. А мы взломали устроенную природой программу и только потом обнаружили, что эта программа жизненно важна. Фрэнсис Локк, которого вы застрелили, как раз занимался такими вопросами. Но, я уверен, мы справимся и с этим вызовом. Компьютер же перезагружают после установки софта, а не уничтожают. И мы научимся совершенствоваться без смерти. Может, в этом и есть новое направление эволюции.

«Совершенствоваться без смерти», — повторил про себя Рикер и вспомнил погибшего Хила. Глупость, конечно, совершил напарник, вломившись в зал. Предупреждали же его.

— А теперь совсем личный вопрос, — сказал Чейз. — Почему вы снова не станете ангелом? Неужели не хотите?

— Жизнь на Земле — лишь подготовка к вечной жизни. Зачем застревать на пороге в рай?

— Прекрасные слова! Их неплохо вдолбили вам в голову неогностики, до сих пор помните. Только все это чушь. Знаете, почему бессмертие вне закона?

— Так постановила Лига Союзов.

— Это не объясняет — почему. А вот то, что неогностики, как самая могущественная конфессия, всеми силами лоббировали этот закон, — объясняет. Борьба за господство, прикрытая трудами верноподданных философов. Власть и деньги.

— Вы просто трусы, — с презрением проронил Рикер. — Почему бы вам не развязать войну? За бессмертие нужно бороться, а не торговать им.

Чейз понимающе закивал головой и снова забросил в рот леденец.

— Поэтому я и отыскал вас, — сказал он.

— Вы отыскали меня? Не смешите.

— Думайте, как хотите, это не важно, — Чейз снял очки и посмотрел Рикеру в глаза. — Я хочу, чтобы вы перешли на нашу сторону. Возможно — возглавили мое воинство. Мы должны навести порядок в бессмертии. Покончить с гормональной дрянью. Прикрыть самопальные лавочки. Усмирить неогностиков. Принять новые законы. Ввести лицензии. Необходимо найти разумный баланс между ангелами и смертными.

Рикер отвел взгляд. Сигарный дым все еще витал в зале над трупами и вырванными креслами, усиливая впечатление побоища.

— Бизнес будет сопротивляться, — сказал Рикер.

— Конечно, будет. Он развяжет войну, как и всегда. Поэтому нужны вы, мистер Рикер. Вы же не бессмертие ненавидите, а всю дрянь, которая вокруг него развелась. Правильно?

Рикер понял, что это правда. Слова ангела будто бы навели порядок в мыслях. Все оказалось неожиданно просто.

— Но я же не ангел, — пробормотал он.

— Куда спешить? Вы станете им, когда захотите. Можете выбрать любой способ. Кто знает, может, и алмазное бессмертие отыщется. Для чего, кстати, вы его искали — уничтожить или воспользоваться?

— Я и сам еще не решил, — честно ответил Рикер.

Снова в конференц-зал заглянул человек Чейза. Он развел руками, скорчил досадливую мину: теперь уж точно все.

— Нам пора, — сказал Чейз. — Вы с нами, мистер Рикер?

На вертолетной площадке лежали два трупа. Ветер выхватывал бумажки из раскрытого чемодана и запускал их по одной, словно воздушных змеев. Темнокожая Дени сидела у бордюра и трогала себя за окровавленную голову. Она была контужена и ничего не соображала.

Прибыл черный вертолет с правительственными номерами на борту, и в лицо Рикеру дунуло теплым воздухом.

— Затащите ее в салон! — прокричал Чейз, указывая появившимся из вертолета людям на Дени.

Вид за окном иллюминатора не менялся: горы, горы и снова горы. Бесконечные горы. Гегелю бы не понравилось.

Рикер сидел напротив Чейза в белом кожаном кресле. На столик между ними уже выставили еду и напитки.

— Посмотрите на герб Лиги Союзов, — сказал Чейз и вилок указал на стену каюты, где был изображен античный воин. — Знаете, кто это?

— Ахиллес, — мрачно отозвался Рикер.

Ему жутко хотелось спать, а еще лучше — сдохнуть. Смертным.

— Что изображено у него на щите? — допытывался Чейз.

— Не знаю, слишком мелкие детали.

— Дьявол кроется в деталях, так говорили в двадцатом веке. Отыскать детали несложно. Достаточно почитать Гомера, у него все описано. На щите Ахиллеса — два города. В одном городе веселятся и поют, играют на лире, соревнуются, женятся, пируют. В другом — работают, крадут, убивают друг друга, рушат стены. Эти противоположные по сути города символизируют извечный миропорядок. Первые живут за счет вторых, а вторые терпят, надеясь когда-нибудь стать первыми. Удивительно, но это у всех на виду. Они даже не скрывают.

— Они?

— Южный и Северный Союзы перестали воевать, чтобы поддерживать такой миропорядок. Раньше богатые жили за счет бедных, а скоро ангелы будут эксплуатировать смертных. Уже эксплуатируют, если вспомнить трансплантологию. Так и будет, если мы ничего не изменим.

— Куда мы летим?

Чейз протянул руку и ткнул вилок в центр Ахиллесова щита.

— Граница Союзов, — пояснил он. — То, что раньше называли Северной Индией.

— Терма ума находится там?

Чейз с трудом сглотнул пищу, запил из бокала.

— Она нигде и в то же время везде, — сказал он. — Терма ума — это некая психоэмоциональная формула, способная остановить процесс старения. Она хранится в ноосфере, и лишь трое буддийских монахов смогли отыскать ее во время медитации. Теперь из них остался один.

— А остальные?

— Остальные погибли. Их убили радикальные неогностики.

Рикер снова посмотрел в иллюминатор. Горы. Гималаи.

— Что, если я захочу алмазное бессмертие? — спросил он Чейза. — Примете такое условие?

Ангел засмеялся и ничего не ответил.

Дени кормила двух собак принесенным из вертолета стейком. Мясо она порезала на кусочки. Мохнатые зверюги лязгали челюстями, каждая норовила заглотить кусок вне очереди. Дени что-то серьезно втолковывала им. Голова у нее была забинтована, из уха торчал тампон.

Рикер наблюдал за кормлением, зевал и тер глаза. Никак не удавалось отойти от долгого сна.

— Нам пора, все уже готово, — сказал Чейз.

Он подошел по храмовой дорожке в сопровождении двух послушников. Дени скормила последний кусок и улыбнулась. Они пошли по каменным плиткам через заросли. Собаки проводили их до ворот храма.

Внутри было жутко холодно, и Рикер сразу понял почему. Храм, прирастившийся у подножия скалы, лишь прикрывал уходящую внутрь пещеру. Некоторое время они ступали по каменным плитам, затем начался земляной пол. Послушники освещали путь масляными лампами. Вскоре добрались до тупика, где висели многоцветные буддийские танки. Занавеска прикрывала низкий альков в стене пещеры.

Послушники благоговейно склонились перед альковом, установили лампы на деревянные столбы и отступили назад.

— Он здесь, — пояснил Чейз и откинул занавеску, зацепив ее край за крючок в стене.

Судя по всему, ниша была выдолблена вручную. Тут и там виднелись ровные сколы от инструментов. Внизу обнаружился дощатый настил, на котором в позе лотоса сидел человек. Его покрывало оранжевое монашеское одеяние. Веки на сухоньком лице были опущены.

Где-то там, за веками, за гладким бронзовым лбом, хранилась терма ума. Рикер даже представил ее — маленький золотистый комочек, подрагающий в сознании буддиста, как поплавок.

Дени вдруг заплакала, схватилась за лицо и отошла в сторону.

— Вот и он — единственный обладатель алмазного бессмертия, — грустно сказал Чейз.

— Он в медитации?

— Здесь это называют самадхи. Он не выходит из этого состояния уже восемьдесят три года, и неизвестно, когда выйдет. Он бессмертен телом, а разумом живет с богами.

«Как и положено настоящему ангелу», — подумал Рикер.

— Алмазное бессмертие дается тому, кто не привязан к жизни, — сказал Чейз. — Парадокс, шутка природы или богов.

— И что же нам делать?

— Будем делать то, что задумали. И надеяться, что когда-нибудь он проснется и скажет нам, как жить дальше.

Они вернулись в храм и вышли наружу. Ветер завывал высоко в скалах. Угрожающе нависало свинцовое небо.

Чейз говорил по телефону.

— Еще не решили, стоит ли вам?.. — поинтересовалась у Рикера Дени.

Ее глаза были заплаканы, но она улыбалась.

— Стать ангелом? Не знаю, — Рикер осмотрел храмовый двор со ступами и трепыхающимися на ветру флагами. — Я, пожалуй, подожду, когда проснется этот монах.

— Хорошо, — согласилась Дени. — Разбавляйте пока нашу дурную бесконечность.

Андрей ФЕДОТКИН

ЗВЕРЕК

Р а с с к а з

Один раз за смену на станцию прилетал грузовой корабль, привозивший питание, оборудование, а также корреспонденцию и спецзаказы с Земли. Обычно один «грузовик» посещал две-три станции, так как денег на большее число звездолетов никогда не хватало. За станцией «Центавр 3715 — Хадар» был закреплен корабль Виталия Быстрова, который обслуживал еще несколько станций в созвездии Центавра и окрестностях.

Быстров был типичным дальнобойщиком, таким превосходным образцом жизнерадостного амбала с физиономией, не обезображенной признаками интеллекта. По словам самого Виталия, космический дальнобойщик — «это, тудым-судым, в два раза круче и в сто раз сложнее, чем даже десантник, и ты не представляешь, как девчонкам это нравится!». В принципе, что-то в его словах было.

Обычно прилет Быстрова на станцию сопровождался бодрим: «Как дела, чуваки? Я там стыкуюсь потихоньку!» — но в этот раз вместо привычных фраз в динамиках прозвучало угрюмое: «Прибыл». Как выяснилось, на посудине сломался доисторический музыкальный проигрыватель, который в обычное время непрерывно горланил то, что сам Быстров гордо называл «музыкой настоящих звездных волков». По факту же это было каким-то жутким космошоферским блатняком, содержащим такие перлы, как «звезды словно бабы голые, но далекие и квелые» или «я меж звезд лечу к тебе, родная, где ты, я пока еще не знаю».

— Прикиньте, — жаловался пилот экипажу «Хадара», выгружая ящики с пищевыми концентратами, — я только ускорение набрал, тудым-судым, как эта шайтан-балалайка накрылась. Ну, я там отвертку, паяльник взял, тудым-судым, — а никак! Чего там, непонятно ни фига. Так я месяц, прикиньте, — месяц без музла! Теперь еще обратно без него ехать. Я ж, блин, скоро с табуретками начну болтать.

На старшего механика станции Василия Петрейкина, увидевшего в накладной, что его спецзаказ — набор инструментов — доставлен, снизошло благостное настроение, и в данный момент он пребывал в гармонии с действительностью и самим собой. Поэтому в нем неожиданно проснулось желание помочь несчастному пилоту. Он улыбнулся и весело предложил:

— Ну-ка, покажи мне свою бандуру! Может, что и смогу сделать.

Старший астроном Григорий Кулесов в отличие от Петрейкина не получил заказанного комплекта дополнительных линз для телескопа и потому миролюбивого настроения Василия не разделял.

— Эй, а разгрузать я один буду?! — возмущенно возопил он, когда механик с пилотом направились в кабину.

— Да не кипишуй, братишка! — засуетился Быстров. — Мы шустро, одна нога там, другая тут. Ты пока тудым-сюдым, того-этого, а мы потом быстро все замутим. Я в долгу не останусь, все по понятиям будет, прям без проблем! Ну, вы ж меня знаете, я чисто все как надо сделаю... Слушайте, хотите, я водки вам в следующий раз привезу, ну или что скажете?

— Не суетись, агроном, — поддержал пилота Василий, — перекури пока. Сейчас глянем и вернемся. Не бросим тебя на произвол судьбы.

Вернулись они и вправду быстро. Василий шел впереди, вертя в руках проигрыватель, а Виталий плелся следом с траурным видом.

— Короче, тут возни дня на два, не меньше, — говорил на ходу Петрейкин. — Придется перепаять схему, заменить конденсаторы... Но починить можно.

— Блин, а побыстрее никак? — грустно вопрошал Быстров.

— Смотри, ты же сейчас полетишь на Ригель?

— Ну, типа того.

— На обратном пути залетай к нам, я тебе твою шарманку отдам. Неделю без музыки протянешь?

— Ну, тудым-сюдым, протяну, наверное.

— Вот и договорились, — подытожил Василий. — Через неделю залетай. Погнали дальше. Что там по списку?

Григорий заглянул в накладную.

— Витамины. Твой набор. — Слово «твой» в устах Кулесова прозвучало как обвинение. Еще бы: кому-то новые инструменты, а кому-то шиш с маслом! — Два генератора кислорода и какой-то АДП... Слушай, а что это за АДП?

— Да хрен его знает. Может, по ошибке прислали?

— Не-а, братишки, — подал голос Быстров. — Это подарок от УПС.

Василий и Григорий, не сговариваясь, одинаково удрученно вздохнули и переглянулись.

УПС — Управление Психологического Содействия — было бичом всей дальней космонавтики. Состоящее сплошь из молодых и амбициозных психологов, оно вбило себе в коллективную голову, что без его поддержки на станциях непременно начнется хаос, массовые (насколько позволит штат станций) беспорядки и полнейшее падение нравов. Вот оно и направляло все свои силы на «оздоровление внутренней обстановки и нормализацию атмосферы в коллективах космонавтов».

Воспитательно-профилактические методы УПС были кошмарны, поэтому результат обычно получался противоположный. Василий с Григорием до сих пор с содроганием вспоминали высланные когда-то на станцию «Забавные головоломки». Куда бы космонавты ни прятали эти чертовы игрушки, они постоянно попадались на глаза и прямо-таки зывали раскрыть их тайну. При этом решаться они никак не желали. Провозившись битых два часа с какой-нибудь безумной переплетенной конструкцией, которую нужно было распутать, человек достигал точки кипения и, ясное дело, не мог не по-

делиться впечатлениями с коллегой. Коллега, потративший целый час жизни на борьбу с кубиком, который нужно было превратить в пирамиду, и из-за этого прозевавший время замеров солнечной активности Хадара — местного солнца, тоже имел что сказать своему собрату по несчастью. Слово за слово — и дискуссия логически переросла в драку.

Через месяц мучений и криков все головоломки оказались решены при помощи кусачек и молотка, после чего в торжественной обстановке было принято соглашение о запрете на станции любых логических игр. Прибывшую на борту следующего корабля разработанную УПС настольную игру сразу же выбросили в шлюз и, как выяснилось, не зря — на одной из соседних станций она чуть не привела к убийству.

А вот от специальной программы «Классика на все времена» для бортового компьютера станции отвертеться не удалось. В результате две недели по вечерам виртуальный диктор монотонно читал избранных классиков: Кафку, Джойса, Пруста... Возможно, дальше были более простые для восприятия авторы, но на Прусте Василию удалось откатить обновление и остановить ежедневную пытку.

На какое-то время УПС вроде бы остановилось, но никто не сомневался, что новые эксперименты не за горами. И вот сумрачные гении УПС нанесли по обороне космических вахтовиков очередной коварный удар под кодовым названием «АДП». Что это такое, было пока непонятно, однако космонавты явственно слышали треск взламываемой обороны.

Требовалось срочно предпринять какие-то действия для спасения мира и порядка на станции, и Григорий лихорадочно ухватился за первую пришедшую в голову мысль.

— Слушай, Быстров, сделай нам одолжение — не выгружай это АДП, ладно? А мы распишемся, что получили.

Предложение явно озадачило пилота.

— Мужики, да вы чего? Я так не могу! Куда я потом его дену?

— Выкинь в космос по дороге, и все дела, — предложил Григорий.

Быстров не сдавался:

— Да вы что?! Вы, тудым-судым, сами сначала гляньте — вдруг там что хорошее.

— Вот, — подключился Василий, — если окажется что-то хорошее, забери это себе.

— Да посмотрите сперва, чего вы как неродные! Вдруг вам этого самим надо будет.

— Ладно, показывай свое АДП, — сдался Григорий. — Черт с тобой! Но брать его мы не будем.

Быстров умчался куда-то вглубь грузового отсека и вернулся с увесистой коробкой, на которой большими красными буквами было выведено: «АДП», а ниже шла расшифровка: «Автоматический домашний питомец». Под надписью располагалось изображение существа, которое нельзя было отнести ни к одному из видов, известных науке. Оно вобрало в себя черты самых разных животных. Телом оно было как кот, мордой подобно псу, уши имело заячьи, хвост — соболиный, окрас — лисий. В общем и целом эта химера выглядела довольно милой, но при этом и необъяснимо пугающей. Примерно такое впечатление производят средневековые миниатюры с таинственными животными из далеких земель или, например, утконос.

— Ну чего, клево же! — возвестил Быстров и, не слушая последовавших возражений, принялся раскрывать коробку. — Ну гляньте, какой класс!

Из коробки он извлек точную копию существа, изображенного на этикетке. Зверек оказался размером с небольшого кота и в выключенном состоянии выглядел вполне безобидно.

— Ты это, Быстров... Главное, не включай его! — предупредил Петрейкин.

Но было поздно. Внезапно создание открыло глаза, моргнуло пару раз, затем потянулось, лизнуло Быстрова в лицо, прыгнуло с рук и бодро затрусило куда-то вглубь станции.

— Быстров, твою же мать! — выразил общее негодование Кулесов.

— Да, братишки, я ж ничего не трогал! Просто достал его.

— погоди, сейчас мы его поймаем, выключим, засунем обратно, и ты его заберешь.

— Не выключим, — мрачно сказал Василий, нашедший в коробке инструкцию и теперь судорожно листавший страницы. — Тут сказано, что эта тварь активируется сразу после извлечения из упаковки и выключится только по истечении срока эксплуатации.

— А сколько это?

— погоди, ищу... Так. Семь лет.

Все замолчали. Немую сцену прервал на удивление быстро сориентировавшийся Быстров.

— Ну что, давайте выгружаться! — чересчур бодро предложил он, после чего ловко выпихнул оставшиеся ящики из своего корабля в грузовой шлюз станции. — Ладно, я через две недельки к вам, тудым-сюдым, — затараторил он, словно опасаясь, что, стоит ему замолчать, экипаж станции придет в себя и все-таки всучит питомца обратно. — Так, это набор... Там витамины... Только ты, Вася, пожалуйста, почини мою музыку, лады? За мной, сам знаешь... Расписались там, в накладной, ага? — С этими словами он вырвал из рук у ошалевшего Григория документы. — Ну, я полетел, тудым-сюдым. Пока! Держите хвост пистолетом!

Со скоростью пантеры Быстров скользнул на свой корабль и закрыл дверь грузового отсека.

— Вот скотина! — только и смог сказать Григорий. — Может, не дадим ему отстыковаться?

— Бог с ним, пускай летит. Все равно вернется — у нас его плеер. Если не отключим зверюгу, отдадим ему вместе с музыкой.

— А нам что целую неделю делать?

— Да ничего! Хочешь, поиграй со зверушкой, а лично я просто забью на нее. В инструкции сказано, что зверек не способен нанести вред оборудованию станции, так что...

Василия прервал донесшийся откуда-то из рубки грохот опрокидываемых предметов. Вахтовики не сговариваясь ринулись на звук.

Оборудование, действительно, не пострадало, чего нельзя было сказать о двух кружках, проекционной рамке и гипсовой фигурке голой девицы, привезенной Василием из отпуска. Сам виновник погрома сидел на полу посреди обломков с крайне невинным видом.

— А что там сказано про личные вещи? — ядовито процедил Кулесов.

Зверек удивленно воззрился на него, затем привстал на задние лапки и жизнерадостно прощебетал: «Чиби-чиби-чиби-шиу!» — после чего сотворил небольшую лужицу прямо посреди устроенного им беспорядка.

— Погоди, он что, еще и гадить здесь будет?! — Старший механик принялся лихорадочно перелистывать страницы инструкции. — Так... секунду... Ага, вот оно! Естественные процессы. Тут сказано, что это всего лишь вода.

— Вода? — ошарашенно переспросил астроном. — Но зачем? В смысле, он же робот! Обычно роботы так не поступают... или я чего-то не знаю?

— Реализм! — вздохнул Василий. — В этом талмуде говорится, что уборка за питомцем приучает к ответственности и помогает воспринимать его как живое существо. А еще его нужно поить, кормить и убирать за ним твердые остатки.

— Что?! Они что, сдурели? А чем нам его кормить?

— Там, в коробке, должна быть какая-то дрянь для его кормления. Написано, что достаточно одного драже в сутки. Хотя можно кормить любыми мелкими предметами, он их все равно не переваривает. Главное — наполнять его миску, она там же, в коробке. Тут программа простая: все, что в миске, — еда.

— А если его не кормить, он сдохнет? — с надеждой спросил Григорий.

— Нет, он же робот. Ничего с этой тварью не случится!

— И что же нам тогда делать?

— План такой: тихонько подкрадываемся к этой зверюге, хватаем ее и запихиваем в какой-нибудь ящик. А когда Быстров вернется, вручаем ему в довесок к плееру.

Все время диалога диковинный зверь демонстрировал абсолютное спокойствие, лишь изредка он склонял свою грациозную головку набок, как это порой делают суслики или еноты, косил маленьким черным глазом в сторону говорившего и коротко щебетал. Но когда вахтовики, словно два хищника, начали подкрадываться к нему, то и дело перешептываясь: «Справа заходи! Не спеши... Тише, тише!» — зверек, видимо, решил, что с ним играют, издал веселый визг и начал носиться по рубке. Он легко уворачивался от рук ловцов, пулей проскакивал между их ног, а затем наскокивал на кого-нибудь сзади.

Все это он проделывал с невероятной грацией и изяществом. Программа, отвечающая за координацию питомца, работала идеально. Несмотря на то что зверек бегал по комнате с быстротой молнии, он сумел за все время погони не задеть ни одного прибора. Чего нельзя было сказать о Григории. Старший астроном умудрился запнуться за провод и, падая, уронить проектор звездного неба. На мгновение посреди рубки вспыхнула, рассекая пространство траекториями движения звезд и планет, трехмерная карта района Центавра, затем прибор издал долгий обиженный звук — и на пол посыпались веселые электрические искры.

Вахтовики замерли. Василий, трепетно относившийся к любой технике, окинул проектор печальным взглядом. Затем он коротко высказался о зверьке, об УПС, приславшем это чудо на станцию, о Быстрове, открывающем коробки, которые его открывать не просили, а также о ловкости и проворности напарника. Спич этот состоял преимущественно из непечатных слов и произносился так яростно, что зверек, который, видимо, обладал некоторым

инстинктом самосохранения, сначала застыл в униженно-извиняющейся позе, а затем неожиданно задал стрекача в коридор.

Вахтовики ринулись следом, но было поздно. В стене коридора, чуть выше пола, имелся люк станционной вентиляции (очередное не самое адекватное решение проектировщиков). Решетка люка постоянно забивалась, ее приходилось снимать и прочищать, поэтому в какой-то момент эксплуатации она была демонтирована, чем маленький негодник не преминул воспользоваться.

Преследователи в замешательстве остановились возле лаза. Из вентиляционной трубы доносилось шуршание и цокот маленьких коготков.

— Ушел, — разочарованно протянул Григорий.

— Выманим! — зло пробормотал Василий и отправился к грузовому отсеку. Топал он так, будто бы хотел пробить пол корабля. Вернулся Петрейкин, держа в одной руке маленькую синюю миску, а в другой — пакетик с блестящей черной дробью, служившей электронному питомцу пищи. Закинув одну дробинку в миску, Василий аккуратно поставил ее возле люка и елевым голосом пропел:

— Цыпа-цыпа-цыпа! Киса-киса-киса! Кушать!

— Как-то ты его странно зовешь, — с сомнением заявил Григорий.

— А как мне его звать? — огрызнулся механик — «Эй, тварь, иди жрать?» Оно вообще что такое?

— Может, нужно пошебуршать? — предложил астроном.

— Прощу, маэстро! Шебуршите сколько влезет.

Но сколько коллеги ни «шебуршали», ни «кыс-кысали» и ни зывали на разные голоса, привлечь зверька не удалось. Спустя минут десять разъяренный Петрейкин предложил плюнуть на все и замуровать существо в вентиляции. Что и было исполнено. Миска была убрана, а решетка люка принесена со склада и водворена на место.

Остаток дня прошел относительно спокойно, за уборкой и починкой оборудования. Несколько раздражал цокот коготков, время от времени доносившийся из разных мест, но было решено, что с этим можно мириться.

Беда пришла ночью. В двенадцать часов, когда оба вахтовика отошли ко сну, раздался душераздирающий вой.

— Моу-оу-мо! — вопило неведомое чудовище, а трубы вентиляции множили и усиливали этот крик.

Вахтовики в ужасе подскочили на койках. Вырванные из сладких коконов сна, не понимающие спросонья, что с ними случилось, где они, да и кто они, космонавты какое-то время затравленно озирались.

Наконец Василий заплетающимся языком произнес:

— Это оно... Оно проголодалось.

— Кто — «оно»? — сонно пробормотал Григорий.

Мысли его еще путались, а в голове туманной пеленой проносились обрывки сна, где грациозная мулатка, одетая в одну лишь травяную юбку, долго и страстно танцевала вокруг него, а затем наклонилась к уху и пронзительно заорала: «Моу-оу-мо!»

Василий, который уже успел немного прийти в себя, тупо посмотрел на коллегу и медленно ответил:

— Оно. Нечто. То, что живет в вентиляции.

— Теперь оно нас съест? — Картина реального мира все еще ускользала от Григория.

— Нет! — проревел Василий. — Теперь я его убью!

Но убивать он, конечно, никого не стал. Вместо этого два товарища взяли по миске — одну с водой, другую с кормом — и, шлепая босыми ногами по холодному полу, принялись обходить станцию.

Они открывали люки, просовывали туда миски и шарили руками, пытаясь поймать ночного крикуна. Наконец во время одной из попыток, когда Василий просунул еду в очередное отверстие, вой прекратился, затем раздался быстрый шорох и цокот удаляющихся шагов. Зверя изловить не удалось, но миска опустела, а звуковая попытка была остановлена.

После короткого совещания было решено оставить миску с водой в вентиляции — в расчете на то, что, если существо начнет страдать от жажды, оно вернется и попьет. Люк постановили не закрывать, а поимку зверя отложить до утра.

— Пойдем спать, — сказал Василий. — Вода у него есть. А ест и пьет он раз в сутки, так что у нас еще есть шанс выспаться.

Шансов, как оказалось, у них не было. В три часа ночи истошный крик повторился.

— Чего еще ему надо?! — возмутился Григорий. — Может, он воду не нашел?

Василий, который уже проверил миску и обнаружил, что воды в ней не осталось, ожесточенно листал инструкцию.

— Нашел он воду, — ворчал старший механик. — Нашел и выпил, гад!

Наконец нужная страница была найдена.

— «Не забывайте, что вашему питомцу нужна ваша забота и ласка, — вслух прочитал Василий. — Время от времени с ним нужно играть. Если питомец соскучится по вам, он оповестит вас легким звуковым сигналом, подобным звуковым сигналам “хочу есть” и “хочу пить”».

— Ни хрена себе, легкие звуковые сигналы! — перебил Григорий. — Надеюсь, тяжелых у него нет.

Василий продолжил чтение инструкции. Из дальнейших абзацев коллеги узнали, что зверек обладает массой потребностей! Кроме нужды в общении — еще и в тактильном контакте, в систематическом вычесывании и купании, а также в чем-то, что создатели мануала туманно обозначили как «простое человеческое тепло». При этом питомец не баловал своих хозяев разнообразием реакций — обо всех своих потребностях он возвещал «легким звуковым сигналом».

Битый час несчастный экипаж, матерясь и зевая, бегал вдоль труб вентиляции. То и дело они принимались сюсюкать, «шебуршать», постукивать по люкам — в общем, развлекать своего питомца всеми доступными способами. Зверек, явно наслаждаясь происходящим, носился внутри вентсистемы, но на прямой контакт не шел.

Наконец, когда усталые, голодные, не выспавшиеся покорители космоса начали валиться с ног, животины смиловилась и, пару раз икнув, завалилась спать где-то над камбузом. О том, что питомец отошел ко сну, возвестил громкий и на удивление басовитый храп.

— Как думаешь, — спросил Григорий, наливая себе кофе, — можем мы его сейчас достать?

— Нет, слишком он далеко от всех люков. А если начнем вскрывать вентиляцию, разбудим его.

— И что же нам делать?

— Затаиться и ждать. Когда-нибудь зверь потеряет бдительность — и тогда он наш.

Три дня прошли на осадном положении. Питомец систематически что-то требовал, а космонавты пытались угадать, чего он желает. В целом все напоминало богослужения в некоторых особо отсталых туземных племенах, где жрецы, заслышав раскат грома, немедленно кидаются возлагать к подножиям своих каменных богов фрукты, вино и благовония. А еще устраивают церемониальные танцы и кровавые жертвоприношения. До жертвоприношений на станции дело не дошло, но, возникни такая необходимость, оба космонавта не задумываясь вызвались бы добровольцами. Чтобы больше не мучиться.

В перерывах между служениями своему мохнатому богу экипаж пытался заниматься привычными делами. Василий, ругаясь, как грузчик, починил проигрыватель и заменил десять музыкальных треков воплями зверька, предварительно записанными на диктофон. Григорий честно старался вести наблюдения за активностью Хадара, но к концу второго дня обнаружил, что две страницы журнала, в который он записывал данные, сплошь изрисованы схемами мышеловок. Пришлось эти страницы заменить.

Коллеги стали вспыльчивыми и злыми, ссоры заметно участились, но зверька это нисколько не волновало. Всевидящий и невидимый, он требовал от своей маленькой паствы беспрекословного подчинения и выполнения всех требований. Один раз Григорию удалось поймать за шкуру зазевавшегося зверька, когда тот пробежал мимо открытого люка, но питомец вырвался, больно укусив астронома за палец. Инструкция, правда, уверяла пользователя, что АДП не способен нанести вред человеку, но, по всей видимости, синяки вредом не считались.

— Может, он у нас какой-то бракованный? — ворчал Григорий, роясь в аптечке в поисках средства от гематом.

— Вряд ли, скорее имеется общий программный просчет, — ответил механик. Он уже раз сто прочитал мануал и знал его почти наизусть. — Опираясь на опыт общения с УПС, можно предположить, что эти гады тупо взяли своих механических тварей у какой-нибудь фирмы на бета-тестирование и разослали по станциям. Заодно еще денег наверняка запросили, а от нас требуют к концу вахты отчет о работе устройства. Помнишь ту настольную игру? Я ведь потом видел ее в магазине сувениров.

— Да ты что?

— Ага, с надписью: «Любимая игра космонавтов». Я даже сфотал ее тогда.

К концу четвертых суток товарищи по несчастью всерьез озаботились проблемой мытья и вычесывания питомца. Нужно было заранее подготовиться к этому процессу и по возможности предвосхитить потребность зверька в гигиене, ведь выносить «легкий звуковой сигнал» дольше получаса не могло ни одно живое существо, обладающее более-менее развитым слухом. Но прежде следовало изловить АДП, а это представлялось делом безнадежным. Было перебрано невероятное число вариантов (рассматривались даже зарисовки из журнала Григория), однако остановились напарники на

самой простой схеме. Василий сварил из кусков поврежденной недавним метеоритным дождем обшивки ящик-ловушку с захлопывающейся крышкой; затем, после череды испытаний, в ходе которых, к сожалению, пострадал второй палец Григория, ловушку с помещенной в нее приманкой запихнули в вентиляционный люк.

На несколько мучительно долгих часов друзья затаились в ожидании. Наконец в тишине станции раздался щелчок захлопнувшейся крышки и недовольное ворчание маленького чудовища. Страдальцы бросились к зверьку. Василий, надев перчатки от скафандра, осторожно извлек из коробки отчаянно вырывающегося питомца, после чего тот, невзирая на сопротивление, был вымыт, вычесан и помещен обратно в коробку. Друзья вздохнули с облегчением.

Сутки после этого были почти идеальными. Зверь, ошарашенный переменами, оставался тих и задумчив. Он молча ел предложенную пищу, пил воду и почти не сопротивлялся, когда его доставали, дабы удовлетворить потребность в общении или убрать за ним лужу и черную дробинку, действительно выходящую наружу без особых изменений. Но в момент, когда космонавты окончательно расслабились, зверек умудрился открыть крышку и вновь скрыться в недрах корабля.

С этой поры его тактика разительно изменилась. Он больше не требовал, чтобы с ним играли, он развлекал себя сам. Воинственный и неуловимый, как герилья, питомец совершал диверсии, портя все, что не попадало под определение стационарного оборудования, съедал оставленную ему еду, выпивал воду и скрывался. Если же еда ему не оставлялась, то маленькая тварь неизменно скрывалась в вентиляции и начинала орать. В руки этот кибернетический дьявол больше не давался, изобретаемые Василием ловушки игнорировал и в целом вел себя как существо хитрое, изворотливое и вероятно злое.

Пришлось кардинально пересмотреть уклад: все личные вещи были прибраны в тумбочки и коробочки, журналы и тетради для ведения отчетности спрятаны в сейф, а обеденный стол отодвинут от люка воздухозабора, — причиной послужил крайне неприятный инцидент с кружкой чая и «водой», вылившейся в чай из вышеозначенного люка. В кают-компании был повешен криво разлинованный листок с графиком смен по питомцу. Все эти меры сделали жизнь на станции более-менее сносной, но, к сожалению, все же недостижимо далекой по уровню комфорта от казавшегося ныне идеальным дозверькового периода.

Прилетевший на восьмые сутки Быстров застал приятелей в момент капитуляции. Экипаж станции выкинул метафизический белый флаг и окончательно сдался на милость автоматического домашнего паршивца.

— Ну что вы, тудым-судым, не все ж так плохо? — озабоченно спрашивал Быстров, глядя на осунувшиеся лица станционщиков.

— Не все, — мрачно ответил Григорий.

— Вообще-то, он достаточно милый, — ледяным голосом подтвердил Василий.

Быстров, который не понял бы, что такое сарказм, даже если бы этим сарказмом его долго лупили по голове, радостно улыбнулся:

— Ну я же, тудым-судым, говорил, что он вам понравится! Да я, блин, сам бы такого завел. А чего это вы такие грустные? Не выпались?

— Не выпались, — хором подтвердили друзья.

Что-то в их тоне насторожило пилота, и он предпочел сменить тему:

— А как там моя бандура?

Василий слегка оживился:

— Жива твоя бандура. Пойдем, установлю.

К этому моменту мстительный Петрейкин успел перезаписать около тридцати песен, и место таких несомненных хитов, как «Дорога между звезд», «Звезды дальнобоя» и «Жди, жена, я на звездной дороге», теперь занимали различные вариации жуткого крика в исполнении безумного детиса УПС.

Монтировали приемник на удивление долго, изнуренный недосыпанием механик то путал клеммы питания, то забывал подключить динамики, и приходилось раз за разом снимать крепления и доставать плеер из бортовой панели. Наконец все было закончено. Петрейкин покопался в плей-листе и после долгого отбора нашел песню для проверки. Кабину наполнили звуки плохо синтезированных гитары и ударных, и хрипый до омерзения голос затянул: «Дальнобой, тебя ждут на Земле, ты один на своем корабле много дней без бухла и жены, о Земле твои грустные сны...»

Быстров был невероятно счастлив. Он долго и искренне благодарил механика и отчалил от станции в блаженном состоянии.

— Хорошо хоть, ты этому гаду плей-лист поправил. Это же надо было такую свинью нам подложить! — злорадно прошипел Кулесов.

— Тихо, — неожиданно перебил его Петрейкин. — Слушай!

Некоторое время оба молчали.

— Ну и что? — нарушил тишину астроном. — Ничего же не слышно.

— Вот именно.

— Ты хочешь сказать... — Григорий не смог договорить, настолько потрясла его внезапная догадка. — Но тогда это существо сейчас там, на его корабле, без еды, без воды, и Быстров о нем даже не знает!

Петрейкин бросился к передатчику:

— Нужно срочно его предупредить! Пусть возвращается, пока не поздно!

— А может, не стоит... — попытался остановить друга Григорий.

— Не дури! Он гад, конечно, но я себе не прощу! — рывкнул Василий, подбегая к передатчику.

— Быстров, прием! Слышишь меня? Быстров! У тебя на корабле наш зверь.

Некоторое время никто не отвечал, но затем из динамиков донесся слабый сигнал:

— Ага, хватились все-таки! Я же говорил, что расставаться не захотите. Сейчас вернусь.

Друзья печально ждали возвращения корабля. Василий виновато молчал. Григорий был зол до самозабвения.

— Никогда, слышишь, никогда тебе этого не прощу! — Голосом его можно было пилить дрова.

— Ты бы потом сам жалел, — слабо возражал Василий. — Быстров наверняка сошел бы с ума за месяц с этой тварью. Или разбился бы при посадке.

— Все равно не прощу! — не сдавался Григорий.

Он уже сам понимал, что не прав, но ему нестерпимо хотелось излить на кого-нибудь свою злость и обиду.

Наконец корабль вновь пришвартовался, стыковочные двери открылись. В шлюзе стоял Быстров, на руках его пушистым калачиком свернулся зверек, а пилот смотрел на питомца с тем умильным выражением, с каким обычно родители смотрят на свое прикорнувшее чадо.

— Клевый он у вас. Даже жалко отдавать. Пришел, тудым-сюдым, развалился у меня на коленях... — Неожиданно на наивном лице пилота отобразилась паника. — Я ему сухарик дал, это ничего?

— Он все что угодно ест, — механически ответил ошарашенный Григорий.

— Блин, жалко, что нам таких не выдали. Я бы точно взял!

Реакция Василия была молниеносной:

— А бери нашего!

— Да ладно, мужики, а как же вы?

— Перебьемся, — выпалил пришедший в себя Григорий.

— Не бери в голову, тебе нужнее, — поддержал его Василий. — Нас тут двое, а ты там один...

— Да нам и некогда с ним возиться...

— Всё дела, дела...

— Даже жалко его. Не успеваем с ним толком поиграть...

Быстров недоверчиво улыбнулся:

— Правда, можно? Мужики, ну с меня причитается!

— Ага, — приосанившись для пущей важности, ответил Василий, — не забывай!

Зверек зевнул и потянулся.

— Мы сейчас принесем его вещи! — Друзья молнией метнулись в кают-компанию и через мгновение притащили все необходимое.

Когда Быстров отчалил, Григорий облегченно привалился к стенке станции:

— Ты видел?! Он ел у него с рук. И даже не укусил! Как такое вообще возможно?

Василий задумчиво поскреб подбородок:

— Может, это потому, что Быстрова он увидел первым и программа распознала его как хозяина. А может быть... — Василий замолк, затем продолжил медленно, словно по ходу обдумывая посетившую его мысль: — А может быть, дело в том, что Быстров любит животных, а мы — нет. Как думаешь, могут роботы чувствовать любовь?..

Отчет об эксплуатации автоматического питомца писать все-таки пришлось.

Ольга АЛТУХОВА

МЕСТО ДЛЯ МАНЕВРА

* * *

усмири
наши атомы
боже
мы не то чтобы спорим с тобой
но ускорить сумеем, похоже,
появление парня с трубой:

в чем-то белом, как ветер над бором,
как пылающий метеорит;
в чем-то синем, как пламя, в котором
все, что мы разлюбили, сгорит,

разлетится на гидро и окси
(говорили — гори все огнем).
впрочем, если не сложится, отче,
я еще попрошу об одном:

в день, когда из горящего шара
развернется пожар мировой, —
чтобы за руку я не держала
никого
никого
никого

* * *

Для дежурства — больно рано!
Не сварлива, не стара,
Варит кофе Мариванна —
Процедурная сестра.

Словно воины саванны,
Кофе черен, кофе дик;
Разливается нирвана
В Мариванниной груди,

Что вздыхает под халатом,
От томленья горяча.
Ходит ветер по палатам,
Будит юного врача,

И ворчит за шторкой рваной
Кофеварка на окне,
В тайной страсти Мариванны
Неповинная вполне.

* * *

Настраивается на нерест
лосось, расстроенный немного.
На бок лоснящийся, ощерясь,
нацеливается минога.

Неслышно пение прилива,
и нерша спущена с вершины.
Творение несправедливо,
но этим самым совершенно:

ведь, независимо от веры,
в любом подрагиваньи нерва
Творец, ревнующий о твари,
отыщет место для маневра —

и рвутся ивовые прутья,
и крови не находят губы;
икра горит, ликует рыба
и умирает в одночасье.

* * *

Я стою на пустом перроне —
Электрички наперечет.
Белый ангел меня не тронет,
И поморщится черный черт,

Поглядев на мою поклажу
(Почитай, почти ничего).

Я стою, по заливку глазу
Пса бродячего, ничьего,

На краю, у кривого знака.
И покуда на том краю
За душою моей «собака»
Не заявится — я стою,

Далека от любви и смерти,
Размноженья и дележа,
На железобетонной тверди,
Никому не принадлежа.

* * *

Отчизна в чаду октября
Охвачена пламенем синим.
Рассеян огонь по осинам;
Двойным отраженьем горя,

Большие озера лежат —
И прежнего мира не жалко:
Ложится в ладонь зажигалка,
И можно на кнопку нажать

И новую ноту внести
В симфонию уничтоженья:
Но зрение все же блаженней
И больше движенья вместит,

Поэтому удалено
Оно от участия в деле;
И три опаленные ели
Следят безучастно за мной.

* * *

На берегу найти непросто
пустое место.
Лежит распластанная Хоста,
за ней Мацеста.

На лежаках, забытых между
водой и пляжем,
разложим лишнюю одежду
и сами ляжем.

Пускай июль летит над нами
неутомимо,
бежит волна за валунами —
но мимо, мимо,

и тень отпущенного змея
на наши лица
ложится, тоже не умея
остановиться.

* * *

иди сюда моя хорошая
иди пожалуйста скорее
летит побелочное крошево
с моей чугунной батареей

мой мир назавтра обесценится
рассыплется известкой брызжа
иди сюда моя бессонница
садись поближе,

смотри: вот занавеска тканая,
за ней завеса дождевая
потрогай за руку рука моя
почти живая

и мне довериться не боязно
необъяснимому родству

и

какая разница кого из нас
не существует

Часовня

Когда она очнулась тут,
на перекрестке, то
была одна — и как растут,
ей не сказал никто.

Росли деревья — но она
не выросла совсем.
Младенчески удивлена,
за всем, за всем, за всем

следит, сощурившись, пока
из сонной полутьмы
идут холмы, идет река,
идут большие облака
и маленькие мы.

* * *

Наливное яблочко оборви
на тропе, укрытой сырой травой.
До любви ли, Господи, до любви?
Во саду ли, во

огороде — городу вопреки —
подрастают яблоньки в облака.
До тоски ли, Господи? Да тоски
никакой, пока

прорастают августовские дни
голубым наливом да лебедой.
Огради нас, Господи, сохрани,
сохрани нас до

листопада — ливня — прямых дорог —
перебоев ритма — пока поём —
до последней паузы между строк
во саду Своем.

Анна КОСТЮКЕВИЧ

ИДЕАЛЬНАЯ ЛОВУШКА

Р а с с к а з

Пашка прыгнул со ступеньки автобуса «Новосибирск — Горно-Алтайск» и, повесив сумку на плечо, прошел вглубь автовокзала столицы Республики. Отыскав площадку, с которой отходят автобусы в Чемал, он остановился и огляделся по сторонам. Город лежал в обширной горной котловине, поэтому вокруг, куда ни глянь, виднелись силуэты вершин со штриховкой редколесья. Жилые домики, магазинчики и кафе приткнулись внизу, словно у ног дружелюбных немых великанов. Пашке, как человеку, приехавшему с равнины, местные пейзажи с непривычки казались какими-то ненастоящими.

Он уже бывал на Алтае, но в столицу горной республики попал впервые. Раньше ему случалось колесить по живописным местам на машине, с друзьями, и обычно они поднимались по Чуйскому тракту сразу в районы высокогорья, не заворачивая в Горно-Алтайск.

На автовокзале в этот час было многолюдно. На скамейках в ожидании рейсовых автобусов томились буднично одетые местные жители, туристы в шортах и ярких футболках нетерпеливо топтались вокруг набитых сумок. Пашка, в серых брюках со стрелками и в добротной рубашке, был похож, скорее, на командировочного. В толпе шныряли таксисты в надежде заполучить пассажира и, как цыгане, не знающие стыда, донимали людей, утомленных жарой:

— Куда надо?.. Куда едем?..

Пашка стоял и размышлял. Поехать на такси означало распрощаться с последними деньгами и полностью положиться на приятеля. Тот обещал ему местечко с небольшой зарплатой, зато с бесплатным жильем и дешевым питанием в столовой. Когда ты без средств и надо срочно смотаться из города, это отличный вариант.

Вспомнив про приятеля, Пашка достал мобильный телефон. Пропущенных звонков не было. Глядя на экран дорогого девайса, он подавил горькую усмешку: от прошлых славных времен у него теперь остались лишь долги.

Разумеется, он взвесил свои возможности, прежде чем брать в кредит самый дорогой телефон, какой могли предложить в магазине, а заодно

и игровую приставку. Новейшие гаджеты — это как дверь в новый мир, где краски ярче, изображения четче, звук объемнее. Каждый современный молодой человек, живя в режиме «онлайн», мечтает о таких вещах. Но попасть в финансовую западню оказалось до смешного просто. Фирма, в которой Пашка работал менеджером, разорилась, а пока он искал новую работу, долг вырос с невероятной скоростью. Теперь за Пашкой охотились коллекторы и, как мухи в жаркий день, просто не давали житья. Только здесь, в Горно-Алтайске, он наконец почувствовал, что вырвался на волю. Никакому коллектору не придет в голову искать его в горах, тут можно будет прожить все лето, а потом, может быть, и осень...

Взглянув на часы, Пашка приуныл. Не хватит никакого терпения ждать автобус еще целых три часа! Все скамейки были заняты, а посидеть в кафе не хватало денег. И когда очередной таксист-частник, невысокий черноволосый мужчина лет сорока, неспешно прошел мимо по платформе, обещая довезти быстро и недорого, Пашка окликнул его:

— Мне на Чемал!

Таксист обрадовался, его узкие глазки тут же «обросли» морщинками. Он весело сообщил:

— Нам как раз в ту сторону. Попутчики уже ждут. Едем, едем! — и по-хозяйски повлек Пашку на стоянку.

Возле старенького джипа стояла молодая алтайка в несуразном, но колоритном наряде: в платье старомодного фасона с пышной юбкой до колен, черных чулках с цветочным рисунком и грубых, почти мужских, ботинках. Ее безучастный вид не давал никаких подсказок, кто она, а черты лица как будто размывались, не складываясь в определенный образ. Девушка не обратила на Пашку никакого внимания, хотя, подтянутый и светловолосый, он обычно вызывал интерес у своих сверстниц. Эта же стояла неподвижно, как манекен, словно дразня всех своим нарядом. Окружающие пялились на нее без всякого стеснения.

Водитель поставил Пашкину сумку в багажник и скомандовал пассажирам:

— Садимся! Ты — впереди, а ты, парень, — сзади.

Пашка нехотя подчинился и, заняв сидение за водителем, буркнул «здрасьте» какой-то очень крупной темноволосой женщине, с которой оказался рядом. Девушка села впереди. Пашка отметил, что, кроме него, в этой машине все были алтайцы.

Джип тронулся с места. За окном замелькали улицы с малоэтажной застройкой. Вскоре машина выехала на Чуйский тракт и понеслась вверх по трассе. Старшая попутчица, сидевшая рядом с Пашкой, зацепила водителя вопросом, тот ей охотно ответил, и завязался разговор на алтайском, легкий и непринужденный, как между старыми знакомыми.

Горно-Алтайск остался далеко позади, когда в салоне заиграла примитивная писклявая мелодия, которую издавал чей-то мобильник. Соседка Пашки принялась рыться в недрах безразмерной хозяйственной сумки, шуруша целлофаном. Тошнотворная музыка все играла. Пашка, не выдержав, устремил взгляд на хозяйку неугомонного телефона и оторопел. Мало того, что женщина казалась очень крупной, у нее еще было ужасно некрасивое

лицо, будто вылепленное неуклюжими ручищами какого-то горе-скульптора, напрочь забывшего о пропорциях. Верхние скулы резко выступали на этом плоском лице, словно две горы на равнине. Еще мастер добавил к портрету великанши большие толстые губы. Все остальные черты были мелкими и не имели значения.

Наконец женщина извлекла из сумки телефон и зашлепала губами, отвечая поначалу мирно и спокойно. Однако уже в следующую минуту, услышав что-то неожиданное, она вскрикнула и горестно застонала. Когда телефонный разговор закончился, трое алтайцев принялись горячо обсуждать полученное известие. Наметился спор, но он быстро угас, и водитель с великаншей замолчали, выжидательно поглядывая на девушку. Та немного помедлила и наконец произнесла единственное слово по-русски:

— Хорошо.

После этого на первом же перекрестке водитель свернул с Чуйского тракта влево, и машина покатила в неизвестном направлении.

— Что происходит? — заволовался Пашка.

— Эй, у женщины беда, отцу плохо! Заедем в одно место. Мы ненадолго. Ты не переживай, места там красивые, ты таких не видел, — сказал водитель.

— Высадите меня у автобусной остановки! — возмущенно потребовал Пашка.

Никто не отреагировал. Водитель лишь бросил через зеркало осуждающий взгляд.

— Любое промедление — и может случиться несчастье, — сказала девушка на переднем сиденье и, обернувшись, в упор посмотрела на Пашку.

Вот теперь он ее разглядел. И в складке между черных бровей, и в темноте миндалевидных глаз, и в каждой черточке смутлого лица угадывался решительный и смелый нрав. Пашка глубоко вздохнул, но спорить с девушкой, чьи глаза сверкнули, как у волчицы, не рискнул. Не стал он и требовать, чтобы водитель остановил машину прямо среди гор, поросших сумрачным лесом. Он просто поехал дальше, исподволь поглядывая на незнакомых людей и не представляя, чем все это для него обернется.

Водитель вдавил педаль газа и лихо, одну за другой, обгонял попутки, направляя джип вверх по извилистой дороге.

Местность за окном менялась. Горы становились выше и круче. Сначала они расступались, открывая приветливые зеленеющие долины, потом смыкались, и тогда скалистые выступы угрожающе нависали почти над головой, как будто путники оказались в опасной ловушке.

Примерно через час водитель свернул в лес, на грунтовку, идущую еще круче в гору. Джип миновал густую чащу, проскочил сквозь узкую щель между скалами и вынырнул на открытую местность. Здесь, среди гор, напирающих со всех сторон, нашло приют небольшое селение.

Пашка сунулся было в свой мобильник, чтобы уточнить местоположение, но связь пропала.

Джип медленно пересек деревню. По обе стороны дороги были разбросаны простенькие деревянные домишки, сколоченные как будто наспех. Опираясь на колоды, у нескольких жилищ стояли старики, древние, как ди-

нозавры. Они чуть поворачивали головы, провожали машину равнодушными взглядами из-под полуопущенных век и снова замирали.

Попутчица-великанша что-то объясняла водителю. Джип свернул с дороги и остановился перед низеньким домом, рядом с которым рос могучий кедр. Обе женщины вышли и поспешили в дом. Водитель унес следом их дорожные сумки.

Пашка вышел из машины и огляделся. Ни антенн на домах, ни столбов с электрическими проводами — никаких признаков современной жизни.

Вскоре водитель промелькнул перед глазами и опять куда-то исчез. Вернулся он с охапкой узловатых веток, свалил их на землю напротив дома и, монотонно напевая себе под нос, начал выкладывать правильную, насколько это было возможно из такого стройматериала, пирамидку.

Дверь в дом распахнулась, и у Пашки вырвался возглас удивления: на крыльце стояла женщина в необычном одеянии. На ней был длинный холщовый халат, украшенный разноцветными ленточками, колокольчиками и еще какими-то побрякушками, и шапочка, расшитая бисером. Приглядевшись, Пашка узнал свою молодую попугчицу. Ленточки были нашиты по всему халату вразброс, а по низу рукавов шли ровненько в ряд. Наверное, когда алтайка поднимала руки, они превращались в крылья сказочной птицы. Новый наряд был ей удивительно к лицу.

В руках девушка держала деревянную колотушку и небольшой бубен.

Она направилась к растущей стараниями водителя деревянной пирамидке. Колокольчики тихо позвякивали при каждом ее движении.

— Айлу — кара-кам, черная шаманка! — шепнул Пашке водитель. — Она будет говорить с Эрликом, главным духом нижнего мира. У нас это называется камланием.

Пашка издал глухой смешок. Он считал шаманов мошенниками и приготовился увидеть нехитрую инсценировку. Но когда из дома вышла великанша, смеяться ему расхотелось. Женщина преобразилась: отчаяние с ее лица исчезло, плечи расправились, взор был устремлен куда-то вдаль. Излучая внутренний свет, великанша торжественно вышагивала по тропинке к костру, словно ступала большими ногами не по земле, а по Млечному Пути. Пашка невольно залюбовался ею, похожей теперь на чересчур крупного и несурзадного, но определенно положительного сказочного персонажа.

Шаманка Айлу уселась прямо на траву, поджав ноги. Великанша поставила перед ней чашку с какой-то мутной жидкостью и села неподалеку. Пашка и водитель устроились чуть поодаль.

Чиркнув спичкой, шаманка подожгла уложенный в аккуратную пирамидку хворост. Сначала над пирамидкой потянулся вверх дымок, а вскоре заиграло пламя. Девушка обмакнула березовую веточку в чашку с жидкостью и окропила костер.

— Это вино из молока — жертва духам и богам. Духи-покровители будут помогать Айлу. Ее дальний предок был известным шаманом. Он высекал из бубна полосы огня, выхаркивал железные вещи, иногда выпускал змей из носа... — тихо объяснял Пашке водитель.

Шаманка обвела зрителей взглядом, решительно выдвинула вперед нижнюю челюсть, став при этом немного похожей на Виктора Цоя, и уда-

рила колотушкой в бубен. Потом еще. И еще. Звук получался негромкий, но гулкий, вязкий, настойчивый. Так стучатся в чужую дверь, когда просят о помощи.

Пашка невольно заразился настроем водителя и великанши. Он забыл про скепсис и с интересом наблюдал за магическим действием.

Мрачноватым глухим ударам бубна вторил металлический звон колокольчиков и побрякушек на халате шаманки. Сила и частота ударов нарастали. Сидя на земле, Айду качалась из стороны в сторону — и вдруг издала долгий, протяжный крик. Звук, отразившись от скал, оброс многоголосым эхом и в конце концов устремился к звездам. Казалось, это духи, о которых рассказывал водитель, устроили переключку.

Шаманка начала читать заклинания. Пашка тихо поинтересовался у водителя, что означают ее слова.

— Она просит Караша* помочь ей. Говорит: «У тебя плеть — черная змея, узда — живые змеи. Ты едешь на черном коне, спишь на постели из черных бобров. Будь моим посланником к Эрлику!»

Бой бубна теперь стал неровным, импульсивным, будто бы телом шаманки завладели, вселившись в него, духи. Она то ревела как медведь, то кричала как ночная птица. А иногда вдруг переходила на горловое пение. Низкий вибрирующий голос словно с трудом пробирался из самой глубины нутра шаманки, и рождались леденящие душу звуки. Вслушиваясь в них, Пашка внезапно испытал ужас, осознав свою ничтожность в бездне космоса.

Приближался момент экстаза, об этом говорил неистовый рокот бубна. И вот, в последний раз ударив колотушкой, шаманка затихла. Пустыми глазами она смотрела куда-то в сторону. Люди, наблюдавшие камлание, застыли.

Обряд, похоже, был окончен, но все сидели вокруг догорающего костра и не шевелились, словно ждали чего-то или боялись спугнуть волшебство.

Пашка не выдержал и встал. Тягостное ощущение космического одиночества гнало его из этой деревни туда, где кемпинги залиты электрическим светом, а туристы вечерами жарят шашлыки и никто не взывает к подземным духам. Он уже открыл рот, чтобы поторопить водителя, но тут раздался странный гул. Низкий, вибрирующий, нарастающий, он шел откуда-то снизу. Почва под ногами затряслась, будто совсем рядом проезжала танковая колонна, потом гул превратился в мощный, оглушительный грохот и, вырвавшись из-под земли, мгновенно накрыл всю деревню. У Пашки заложило уши.

Дом заскрипел. Кедр, уходящий верхушкой в небо, закачался. С дрожащих скал посыпались куски породы. Передвигаясь неуклюже, словно на ходулях, Пашка побежал к джипу. Он видел, как шаманка и великанша воздели руки к небесам — жест восторга и священного ужаса.

Внезапно все стихло. Первые мгновения тишина была полной и оглушающей. Но вот застрекотали цикады, в деревьях зашелестел ветерок, над головами пролетела стайка птиц...

Привычные звуки лета вернули Пашку к насущным проблемам. Он отчетливо понял, что если не выберется из этой странной деревни сейчас, то

* Караш — один из духов — обитателей подземного мира, посредник между шаманами и темным богом Эрликом, проводник в царство мертвых.

придется остаться как минимум до утра. Быстро сгущались сумерки, кроваво-красный сгусток закатного солнца на глазах потемнел и превратился в зловещий синяк.

Женщины ушли в дом. Водитель принес берестяную кружку с уже знакомой мутноватой жидкостью:

— На, это вино из молока. Все, кто был на камлании, должны его выпить.

В нос ударил резкий запах. Пашка сделал несколько глотков кислого, с горьким привкусом напитка.

— Поедем завтра. Можешь переночевать в машине, а я устроюсь у огня, — сказал водитель и, взяв куртку, направился к костру.

— С какой радости? Меня в Чемале люди ждут! — сердито воскликнул Пашка.

Но водитель даже не обернулся. Он лишь на ходу широко развел руки в стороны, будто бы хотел показать, что все вопросы не к нему, расстелил куртку на земле у костра и ушел за новой порцией хвороста.

Какое-то время Пашка возмущенно сопел и мысленно подбирал аргументы, но, когда от кислого хмельного напитка в желудке потеплело и накатила легкая эйфория, он успокоился. Теперь предстоящая ночевка в глухой деревне больше интриговала, чем пугала.

Пашка не захотел оставаться в машине. Прихватив свитер, он тоже подобрался поближе к костру и задумчиво уставился на тлеющие головешки. Еще не остывшие, они мерцали и переливались в темноте красноватыми отсветами.

Неподалеку от костра затрепетали ветки можжевельника, послышался хруст. Пашка насторожился: водитель ушел в другую сторону. Возникло необъяснимое ощущение чужого присутствия. «То ли темнота глаза таращит, то ли тишина скрывает крик»*, — крунулась в уме строчка из песни. Внезапный порыв ветра ударил в лицо.

Вернулся водитель. Он принес очередную охапку хвороста и сразу подбросил в огонь большую порцию.

— Здесь, наверное, водятся какие-нибудь дикие звери? — осторожно поинтересовался Пашка.

— Водится кое-что и пострашнее. Тебя как зовут?

— Паша.

— А меня Илдеш.

— Мне показалось, вон там, в кустах, кто-то прячется...

Илдеш не успел ответить. Из темноты вынырнула великанша. Она принесла блюдо с угощением и что-то сказала, переводя взгляд с Илдеша на Пашку.

Водитель перевел:

— Хозяйка просит прощения за то, что тебе пришлось задержаться здесь.

— Как вас зовут? — спросил Пашка женщину.

— Жасмин, — застенчиво ответила великанша.

— Она понимает по-русски, но не говорит, — пояснил Илдеш.

* Из песни А. Романова «По дороге разочарований» (группа «Воскресение»).

В пляшущих отсветах костра лицо Жасмин казалось и вовсе ужасным: за скулами не было видно глаз, вместо них зияли черные дыры, а рот словно провалился, и осталась лишь глубокая поперечная щель.

Жасмин наполнила стакан жидкостью из кувшинчика и протянула гостью. Пашка сделал несколько глотков все того же кислого вина и съел кусочек угощения, которое напоминало по вкусу очень соленый сыр. Оставив мужчин, Жасмин вернулась в дом.

Кромешная темнота и странные звуки в ближайших кустах не располагали к безмятежному созерцанию языков костра. Пашке было жутковато, и даже хмель не расслабил натянутые нервы. А вот Илдеш, видимо, привычный к таким вещам, явно собирался задремать.

«Нет уж! — Пашка нашел способ хоть как-то отомстить упрямому водителю за свое “похищение”. — Будешь меня охранять и рассказывать мне сказки, пока я не усну!»

— Расскажи о ваших духах, — попросил он.

Илдеш вряд ли разгадал коварный замысел своего пассажира, но, даже если понял, возражать не стал. Помолчал, собрался с мыслями и заговорил:

— Наши духи обитают в трех сферах: под землей, на земле и на небе. Там, наверху, обитает дух Ульгень. Посередине, вокруг нас, пока мы живы, находятся духи земли. Много духов. У каждой горы или реки — свой, и все светлые. Под землей, в нижнем мире, духи черные, и правит ими Эрлик. Он наш царь и отец, он творец души человека*. Царство Эрлика в нижнем мире кроме духов населяют души умерших. Если кто вздумает уйти самовольно из его царства, то, ступив на мост, тонкий, как человеческий волос, обязательно сорвется и упадет в реку, а ее волны принесут дерзкого беглеца обратно. Об этом нам рассказывали наши деды, а им — их деды...

Илдеш ненадолго затих. Быть может, мыслями он очутился в далеком детстве, когда его, мальчишку, дед учил, как выживать среди злых и добрых духов.

А Пашка вдруг разомлел, но вовсе не потому, что его убаюкал рассказ Илдеша. Голову тянуло к земле. Резь в глазах была нестерпимой, все тело обмякло. Пашка хотел что-нибудь сказать, но не мог пошевелить одеревеневшими губами. И только мозг продолжал работать.

«Что за ерунда, меня как будто парализовало... Неужели Жасмин, эта великанша с кроличьими глазами, подсунула мне отраву? Да меня решили ограбить! — ужаснулся Пашка, неожиданно осознав, что попал в настоящую западню, ведь никто не знает, где он находится. — Надо же, целое представление устроили... А у меня, кроме телефона, и взять нечего». Было обидно погибнуть из-за мобильного, даже такого модного и весьма недешевого. Свою жизнь, пусть и не удавшуюся, Пашка все-таки ценил дороже.

Илдеш тем временем продолжал свой рассказ, наполняя его все более устрашающими подробностями об Эрлике:

— Эрлик питается красной пищей и пьет свежую кровь. Ему приносят кровавые жертвы, особенно во время болезни близкого. Пищу и питье он принимает на красной заре, вечерней или утренней ...

* Согласно преданиям алтайцев, верховный светлый бог Ульгень создал человека, но не смог вдохнуть в него душу. Это сделал темный бог Эрлик. Злые духи находятся в подчинении у Эрлика, они забирают души людей, причиняя болезни и несчастья.

Тут Пашка окончательно понял, к чему клонит Илдеш, и совсем окаменел. Сначала его, простофилю, скормят кровожадному Эрлику, а потом прикарманят его телефон! Горе-туриста затрясло, в глазах у него потемнело, и в конце концов, уверившись, что рано утром его принесут в жертву духу тьмы, он отключился.

* * *

Пашка открыл глаза и зажмурился. Солнце уже вышло из-за гор и обжигало лицо жестким ультрафиолетом. Сбросив плед, которого вчера не было, Пашка вскочил и, задрвав рубашку, осмотрел себя: «Кто их знает, вдруг эти вурдалаки уже высосали у меня половину крови!» — но ничего подозрительного на теле не обнаружил.

Оглядевшись, он увидел, что костер до сих пор горит. Неподалеку валялась измятая куртка Илдеша. Рядом стояли пустая пиала и закопченный чайник.

«Нужно убираться отсюда как можно скорее», — решил Пашка и пошел искать водителя.

Обойдя дом, он пересек небольшую сосновую рощицу, и метрах в тридцати перед ним сплошной отвесной стеной выросли скалы. За кустами слышался шум воды. Тропинка вильнула и вывела на берег небольшой речки.

Поток весело бурлил, перекачываясь по камням и прижимаясь к неприступным скалам, как собачонка к ногам сурового хозяина. Вспомнив рассказ Илдеша, Пашка поприветствовал духа реки, махнув рукой. Ему показалось, что в ответ вода зашумела громче.

Умывшись, он пошел вниз по течению. Вдруг за кустами мелькнуло яркое пятно, послышались голоса двух человек. Не обнаружив никакой тропки, Пашка полез было напрямик через заросли, но, различив слова, затаился.

— Какая ты шаманка! Ты даже кровавую жертву не захотела принести...

Пашка узнал голос Илдеша. В этот самый момент, как назло, под ногой треснула ветка. Собеседники сразу притихли, а затем продолжили разговор на местном наречии. Пашка ничего не понимал, однако несколько раз четко расслышал слово «алтын». Слово показалось знакомым, но что оно означает, он так и не вспомнил.

Положение было хуже некуда — без шума ни туда, ни сюда двинуться не получалось, поэтому Пашка отбросил конспирацию и ринулся сквозь кусты к людям.

— Наконец-то я вас нашел! — Он изобразил радость.

— Мы уже собирались возвращаться, — сказала Айлу и зашагала по едва заметной тропинке.

На ней был летний халатик до колен. Все линии ее невысокой фигурки были мягкими и округлыми, словно Айлу вылепили из глины. Покатые плечи, округлые бедра, узкая талия. Необыкновенно гладкая и чистая смуглая кожа словно светилась. Пашке нравилась Айлу, хотя все в ней было непривычно: и внешность, и разговоры, и то, что она со всеми держалась просто, без жеманства.

— Отцу Жасмин стало лучше? — поинтересовался Пашка, следуя за ней.

— У него тяжелая болезнь. Я буду камлать столько раз, сколько понадобится. Дар шамана не награда, а бремя. Мы не можем отказывать в помощи.

— Что за средневековье? Здесь вообще слышали о медицине?

— Причина всякой болезни — воля духов, поэтому здесь верят только в силу обрядов, — с достоинством ответила Айлу.

— Но на дворе двадцать первый век! — изумился Пашка.

Айлу остановилась и, гневно глянув на Пашку, с презрением произнесла:

— Ты думаешь, это лекарства избавляют от болезни? Вера — основа любого исцеления! — И зашагала дальше.

— Ты кара-кам, черная шаманка. Без кровавой жертвы Эрлику изъеденный духами старик погибнет, — сказал ей вслед Илдеш и, покосившись на Пашку, усмехнулся.

Пашке стало не по себе. Он невольно отшатнулся и сделал несколько шагов назад.

— Я рассказывал тебе, но ты от молочка заснул, как теленок, — поддел его Илдеш.

— Вы специально меня опоили!

— Зачем? — Айлу обернулась, удивленно вскинула брови.

— Не знаю... — Пашка замялся.

— Подожди, ты что — подумал, будто мы приносим в жертву людей? — искренне удивилась шаманка и огорченно покачала головой: — Не хорошо! Ты подумал как дикарь, который не понимает других и приписывает им всякие ужасы. Обычно в жертву приносят домашний скот. Но я вообще против кровавых жертв.

Слова Айлу почему-то сразу же успокоили Пашку. У него не было причин сомневаться в ее искренности. Особенно когда он глядел в ее чудесные глаза.

— Что значит слово «алтын»? — спросил Пашка, осмелев.

— О, бедный Чингисхан! — воскликнула Айлу. — Знал бы он, что спустя каких-то восемьсот лет после его смерти люди забудут, как звучит «золото» по-монгольски. А ведь твои предки сотни лет платили монголам дань!

Девушка резко повернулась и зашагала в сторону деревни. Вновь ощущая себя чужаком, Пашка поплелся сзади, проклиная себя за то, что вообще сел в машину Илдеша. Быть может, Айлу и хороша, но уж слишком своенравна...

Когда они вернулись в селение, девушка сбегала в дом и принесла сладостей к чаю. Наслаждаясь бездельем, Илдеш разлегся у костра, подперев голову рукой. Он с удовольствием потягивал чай и что-то рассказывал Айлу. Наблюдая за тем, как водитель развлекает девушку, Пашка заподозрил, что тот не прочь еще задержаться в этой дыре.

Это был уже явный перебор. Пашка покашлял, чтобы обратить на себя внимание, и вежливо напомнил:

— Пора ехать. Ты вчера обещал.

Прищуриив глаза, Илдеш что-то буркнул Айлу. Они дружно рассмеялись. Пашку кольнула досада. Он заметил на себе любопытный, выжидающий взгляд Айлу. Это был один из тех моментов, когда знающий себе цену мужчина обязан что-нибудь немедленно предпринять.

— Не хочешь ехать, тогда я пойду пешком! — выпалил Пашка.

Илдеш вынул из кармана ключи от машины и неожиданно бросил их гостю.

— Прокатись, посмотри, нет ли на дороге проблем, — повелительным тоном, словно упомянутый недавно монгольский хан, приказал он и, не желая терять внимание девушки, продолжил свою болтовню.

Пашка решил, что отомстит водителю действием, а не словами. Он, колеблясь, сел в джип и, распираемый желанием проучить Илдеша, завел мотор.

Вырулив на дорогу, он постарался взять себя в руки. Не хватало еще в горячке сбить кого-нибудь. Подумаешь, хан нашелся! Наплевать и забыть. Хан-то теперь безошадный, а это уже не правитель, даже не пастух! Вот и все, наша взяла!

Немного успокоившись, Пашка поехал не спеша, разглядывая по пути деревеньку. Дома выглядели совсем заброшенными. И никто из стариков не выбрался сегодня греться на солнышке, все остались где-то внутри, за темными пыльными окнами.

Впереди показалось то место, где плотная цепь скал, окаймляющих деревню, разрывалась. Здесь дорога, как нитка, продетая в ушко иголки, ныряла в узкую щель и свободно уходила вдаль... Вчера. Сегодня путь из деревни был перекрыт обвалом, следы осыпи тянулись к вершине ближайшей горы. Ни пройти, ни проехать.

Пашка заглушил мотор и вышел из джипа. «Засада так засада! — Он почесал в затылке. — Теперь отсюда не сбежишь. Идеальная ловушка!»

Среди камней валялся узловатый обломок корня. Он удивительно напоминал крошечного медведя, правда вместо мастера тут постаралась природа. Пашка поднял фигурку. Ее очертания были грубоваты, однако хорошо передавали силу и характер настоящего медведя.

Будь Пашка мистиком, непременно посчитал бы свою находку неким знаком. А то и сделал бы из нее тотем, наделив фигурку сознанием и силой. Начал бы ждать от нее помощи, как те, кто остался в деревне у костра...

«Нет, — не без гордости подумал Пашка, — современный и образованный человек теперь верит в другие чудеса — в магию технологий!»

В кармане жалобно пискнул телефон. Не успел Пашка его вынуть, как экран разрядившегося гаджета потух.

«Вот тебе и магия технологий, — разочарованно подумал горе-турист, пряча обратно ставший бесполезным кусок пластика. — Благо цивилизации — мобильный телефон здесь оказался такой же ненужной вещью, какой была бы в городе коряга, напоминающая зверушку...»

Пашка покрутил фигурку медведя в руках и кинул назад, в кучу камней. Там, где она упала, вдруг вспыхнул яркий солнечный блик. Пашка пригляделся. Точно — что-то поблескивает. Немного помешкав, он преодолел несколько метров по острым обломкам, присел и присмотрелся. В грудке серых камней, рядом с «медведем», сиял настоящий золотой самородок.

— Ничего себе! — прошептал Пашка, воровато оглядываясь по сторонам. — Неужели золото?!

Когда крупный, с куриное яйцо, самородок оказался на ладони, сомнения развеялись. Простой кусок слюды таким тяжелым быть не мог. Пашка торопливо сунул находку в карман, встал и внимательно осмотрелся вокруг. Проснувшийся азарт золотодобытчика подталкивал его к дальнейшим поискам, но подспудный, похожий на тот подземный гул в деревне, голос внутри твердил, что эта находка — сегодня единственная.

Подчиняясь внутреннему приказу, Пашка справился с азартом. Только снова присел — и поднял «счастливую» фигурку медведя.

«Не сегодня! — подчеркнул он ключевые слова. — Приеду завтра и снова закину “мишку”. А вдруг он опять удачно приземлится рядом с самородком?»

Возвращаясь, он заметил, как в окне одного из домов мелькнуло чье-то лицо. Этот кто-то прильнул к стеклу, но, поймав взгляд Пашки, быстро отпрянул. Впрочем, это могло лишь почудиться, все произошло за считанные секунды. В окне другого дома темный, неясный силуэт шагнул в тень и растворился. Только что казавшаяся пустой деревенька вдруг наполнилась жизнью. Правда, жизнь здесь была какая-то тайная.

Илдеш встретил Пашку, пряча лукавый огонек в глазах. Похоже, длительное отсутствие чужака его ничуть не беспокоило.

— Ну, что там с дорогой? — Водитель сменил ханский тон на обычный, даже с примирительными нотками.

— Дорога завалена, — ответил Пашка ровно и холодно, как бы намекая, что мириться пока не готов. — Без бульдозера нам отсюда не выбраться.

— Застряли, — цокнув языком, сказал Илдеш с явно наигранной досадой. — Хорошо, что вместе, да? Вместе справимся!

— С чем, с завалом? — Пашка удивленно вытаращился на алтайца.

Подошла Жасмин с подносом. Стараясь как можно правильнее выговаривать русские слова, она со всей сердечностью произнесла:

— Паша, кушай!

От подноса шел аппетитный запах. Пашка, который с утра ничего не ел, почувствовал страшный голод.

— Вы можете позвонить кому-нибудь? — спросил он у женщины, уплетая ее стряпню.

Лицо Жасмин поглупело, она неопределенно кивнула головой и поглядела на него с умилением, как мать на малое дитя.

— Но ведь кто-то позвонил ей — сказать, что отец болен! — повернулся Пашка к Илдешу.

— Сюда иногда приезжают родственники оставшихся стариков. Кто-то из них и позвонил.

Пашка обреченно вздохнул и заканчивал свою трапезу в молчании.

Появилась Айлу.

— Тебя долго не было. Все в порядке? — обеспокоенно спросила она.

Взгляд ее смягчился, теперь от нее веяло теплом. Отходчивый Пашка тут же забыл про обиду.

— Дорогу засыпало камнями. Лавина. От моего телефона здесь толку нет. Нужно придумать, как сообщить о нашей проблеме.

— Боюсь, спасателей нам не дожждаться, — уклончиво ответила Айлу.

— У тебя есть другой план? — деловито поинтересовался Пашка.

— Во всем виноват алчный Эрлик. Без выкупа последние жители деревни будут изъедены злыми духами и пропадут. Да и нам отсюда живыми не выбраться.

Сердце Пашки замерло. Хотя чего он ждал от шаманки? Он наконец осознал весь ужас своего положения: заперт в горной деревне, в компании темных алтайцев, которые все время твердят о каких-то злых духах.

«Эх вы, пещерные люди!» — воскликнул про себя Пашка.

Хитрец Илдеш, простодушная великанша Жасмин и шаманка Айлу разом повернули к нему головы и посмотрели так, будто услышали его мысли. Пашку это немного смутило.

— Я забыла в доме чайник с водой. Сходи и принеси его сюда, — неожиданно попросила Айлу.

Пашкой снова повелевали, но на этот раз он не возмутился. Айлу именно попросила, а не приказала. Почему бы не выполнить просьбу?

Пашка встал и поплелся к дому. Он не мог отделаться от мыслей об Айлу. Она была красива и умна, но самое главное, в ней чувствовалось достоинство, какая-то особая порода. Ее стремление помочь людям и в его душе будило все лучшее, что до этого тайлось или спало. Пашка был готов полностью доверять Айлу. Ну, в смысле... подружиться с ней и так далее. Конечно, если она захочет.

Но картина мира шаманки была странной, иррациональной, нелогичной. И это не сулило ничего хорошего.

Поднявшись на ветхое крыльцо, Пашка толкнул дверь и очутился в небольшой, скромно обставленной комнате. Деревянный стол, лавка, полка с посудой, допотопный умывальник, дровяная печь...

На краю лавки лежала чья-то аккуратно сложенная одежда. Присмотревшись, Пашка узнал шаманский халат. Рука так и потянулась приподнять краешек. Глазам открылись нашитые на полотно куклы из красной материи, с головами, украшенными перьями. Под куклами в два ряда тянулись перламутровые раковины, еще ниже шел ряд медных колокольчиков...

Вдруг из соседней комнаты послышался стон. От неожиданности Пашка разжал пальцы, и тяжелая ткань выскользнула. Потрявоженные колокольчики коротко звякнули. Пашка разгладил складки шаманского халата и крадучись подошел ко входу в смежную комнату.

Остановившись на пороге, он взгляделся в полутьму. Окно было задернуто шторой, которая едва пропускала свет. В углу стояла большая деревянная кровать. На ней под белой простыней лежал очень худой человек. Простыня обрисовывала узкие ступни и острые колени. Остальные части высохшего тела угадывались смутно. Костлявая старческая рука лежала темной полосой поверх белой материи, край простыни был зажат в кулаке. И странное дело: на груди старика громоздилось что-то темное. Это пятно, будто живое, давило на старика, терзало его.

Пашке стало неприятно и жутковато. Он отшатнулся, но увиденное уже не отпускало его, дразня своей абсурдностью. Жгучее, болезненное любопытство победило страх и брезгливость, и Пашка шагнул в сторону кровати.

Верхом на старике сидело человекоподобное существо с мощным торсом, большой головой и короткими, но жилистыми руками и ногами.

Пашка не мог поверить своим глазам. Он приблизился еще на несколько шагов, но жуткое видение не рассеялось. Все оказалось еще ужаснее. Сидя на костлявой груди больного, карлик сжимал руками шею старика и, склонив большую плешивую голову, спокойно наблюдал, как несчастный, задыхаясь, метался в холодном поту.

Пашкины ноги сделались ватными, мысли спутались. Он то ли подумал, то ли пробормотал вслух:

— Что здесь происходит?

Карлик обернулся, метнул на непрошеного гостя свирепый взгляд из-под нахмуренных бровей и оскалился. Зубы у него были неровные, крупные и острые. Пашке почудилось, что существо собирается прыгнуть и впиться ему в шею. Он отшатнулся и невольно прикрылся рукой. Но карлик не бросился на него. Он просто исчез.

Старик на кровати несколько раз судорожно вдохнул и задышал ровно и тихо, как ребенок. Измятый угол простыни выпал из разжавшегося кулака.

«Темное пятно всегда поначалу кажется чудовищем, — пятясь к двери, уговаривал себя Пашка. — Все привиделось! Не было тут ничего, никаких злобных карликов!»

В первой комнате вдруг требовательно прозвенел колокольчик.

Пашка оледенел.

Колокольчик снова зазвонил. Превозмогая мистический ужас и одновременно подчиняясь какой-то непреодолимой силе, Пашка развернулся и обреченно пошел на звук.

Карлик сидел на лавке, как попрошайка, с протянутой рукой и сверлил Пашку страдальческим взглядом. Но за притворной мольбой в его глазах блестели злые огоньки. Бородатый и плешивый, с детским тельцем, карлик производил отвратительное и злое впечатление. Беззвучно засмеявшись, он снова исчез.

«Не привиделось! — Внутри у Пашки все оборвалось. — Это происходит на самом деле!»

Мир вокруг почернел, как подземное царство Эрлика.

Схватив чайник, Пашка выскочил из дома. Солнечный свет был настолько желанным, что хотелось его пить большими жадными глотками, вдыхать полной грудью, выпитывать каждой клеткой, лишь бы он проник всюду и очистил тело от темноты, которая за считанные минуты пребывания в доме, казалось, пропитала Пашку насквозь.

Вернувшись к Айлу, он протянул ей чайник и выпалил:

— Я видел злого духа! Это был зубастый карлик, он душил старика крошечными руками. А после он протянул ко мне руку, словно выпрашивал что-то. Я чуть не умер от страха!

Жасмин страдальчески покосилась на окна отчего дома и всхлинула. Ее широкое лицо покрылось красными пятнами, а толстые губы стали еще толще и задрожали.

Айлу несколькими словами утешила Жасмин и легонько подтолкнула в направлении дома. Тяжело ступая, та отправилась к отцу.

— Разве можно жить в таком мире? — взъерошив себе волосы, спросил Пашка. Голос у него сорвался на фальцет. — Духи, исчезающие карлики, полная изоляция от мира... У меня голова взрывается! Как вы все это выдерживаете?!

— В нашем мире человек не называет себя царем природы. Мы стараемся видеть и уважать сущность всего, что нас окружает. Наша земля дышит, она живая. И злые духи — часть нашего мира, — убежденно ответила Айлу. — Странно... Карлик протянул к тебе руку. Это значит, Эрлик с чего-то взял, что у нас есть золото. Он не успокоится, пока не получит своего.

Услышав о золоте, Пашка незаметно проверил карманы. Самородок был на месте. «Медведь» в другом кармане — тоже. Рядом с дорогушим, безжизненным сейчас мобильником.

Этот ряд из трех совершенно разных вещей — золотого самородка, причудливого корешка и шедевра современной электроники — вдруг заставил Пашку мысленно взмыть к высотам прозрения, а затем больно рухнуть оттуда на воображаемую землю. Пашка словно очнулся от гипноза, под которым находился всю жизнь в мире «цивилизации».

«Отсюда, с высоты Алтайских гор, жизнь видится в совершенно ином свете! Получается, что не Айлу и Илдеш, а я — пещерный человек. Чтобы не отстать от людей своего племени, я гоняюсь за новинками техники, покупаю их втридорога, а потом вынужден скрываться, потому что не могу вернуть долги. Это то же обожествление вещей, только место тотемов заняли гаджеты с логотипами известных корпораций. И эти престижные вещи, получается, для меня ценнее всего... Правильно это? Определенно нет! Но я знаю, как поправить дело хотя бы на маленьком участке большой Земли, измученной людьми кремниевого века!»

— Думаю, ему нужно это, — Пашка вынул из кармана желто-оранжевый самородок.

— Алтын?! — Нахмуренные прежде брови девушки взлетели вверх, и лицо Айлу просияло. — Откуда это у тебя?

— Нашел среди камней на дороге. Видимо, так захотели духи.

— Удивительно! Мне казалось, ты поработен цивилизацией и уже не способен очнуться... Впрочем, достойное сердце всегда найдет дорогу к свободе! — Айлу улыбнулась каким-то своим мыслям. — Эрлик будет доволен. Но если про золото узнают злые духи из заброшенных домов, они постараются отобрать его.

— Так это были духи? — Пашка невольно содрогнулся, вспомнив мелькавшие в окнах тени и лица. — Я думал, это ваши старики... ну, или эти... души предков...

— Нет. В покинутых домах селятся черти. У нас говорят: «Лучше я заночую на могиле, чем в пустом доме». Хуже всего, что в этой деревне почти все дома брошенные...

Айлу сидела так близко, что Пашка чувствовал аромат ее волос, свежий, как запах горной реки. Из полукруглых вырезов пластмассовых тапочек выглядывали маленькие пальцы с плоскими розовыми ноготками. В этом было что-то трогательное и беззащитное. Пашка заглянул девушке в лицо, надеясь прочесть ответную симпатию в ее глазах. Но его романтический

порыв тут же улетучился: Айлу больше не улыбалась. Она глядела перед собой сурово и темно, одержимая только одной целью — изгнанием злых духов. Пашке даже досадно стало при мысли, что шаманка видит в нем лишь соратника по борьбе с нечистой силой.

— И как с ними бороться? — подавляя разочарованный вздох, спросил он.

— Их отгоняют ветками шиповника. А надежнее — кидать этих тварей в огонь. Скоро начнет смеркаться, это лучшее время для молитв. Мне нужно приготовиться.

Айлу удалась, чтобы вскоре вернуться в одеянии шаманки, с уже знакомой кружкой из бересты. Все по очереди пригубили горьковатый напиток, который на этот раз имел хвойный запах.

— Когда начнется ритуал — останови работу ума. Ум стремится просеять все через свое сито, дать всему объяснение. А ты посмотри вокруг глазами человека в первый день его сотворения, — посоветовала Пашке Айлу и занялась последними приготовлениями к камланию.

Положив перед собой самородок, она окропила его напитком из кружки, взяла в руки колотушку и бубен и на мгновение замерла, готовясь к серьезному испытанию. Потомок древнего народа, сейчас Айлу была похожа на маленького воина. Ей предстояло вступить в схватку с темными силами.

Прозвучал первый удар в бубен, и Пашку будто бы отбросило на тысячи лет назад — в те времена, когда жившие на этой земле люди собирались у костра, чтобы просить помощи потусторонних сил. Один из них, обладавший шаманским даром, начинал таинственный ритуал. Ударами в бубен он будто прищипывал невидимого коня и, погрузившись в транс, устремлялся в другие миры, чтобы узнать волю духов...

Жасмин и Илдеш не отрывали глаз от шаманки. Айлу продолжала камлать, ритмично ударяя в бубен колотушкой.

Пространство вдруг неестественно искривилось. Казалось, все неодушевленные предметы стали живыми и обрели способность передвигаться: и потемневшие сосны, и камни, и деревянный дом... В костре Пашке виделся медленный танец вспыхивающих золотых огней. Он перевел взгляд на росший у дома могучий кедр. Обнаженные корни дерева напоминали ползущих жирных змей. Нечто хищное угадывалось во всех очертаниях кедра. Казалось, вместо сока внутри векового дерева течет кровь, а широко раскинувшиеся корявые ветви — это лапы лесного зверя, обросшие зеленой шерстью.

Шаманская мистерия продолжалась, и самородок у ног Айлу таял, будто кусок льда под солнцем. Золотые капли просачивались сквозь землю одна за другой. По лицам Илдеша и Жасмин тревожно металась отсветы костра.

Вдруг неподалеку послышался тоскливый, злобный вой. Пашка встрепенулся. Он увидел, что вокруг площадки с костром сгустился непроглядный мрак. Звук шел из темноты. Кто-то голодный и жестокий хотел вырваться на свет, но тьма удерживала его в объятиях, как заботливый родитель — неосторожное чадо.

Наконец в круг света выскочило низкорослое двуногое существо. Оно заковыляло напрямиком к Пашке, и скоро он разглядел большую косматую го-

лову и длинный изогнутый хвост. Пашку пробрало холодом до самых костей. Будь это зверь, хоть тот же волк, можно было бы попытаться схватить его за горло, а там уж кто кого. Но как бороться с существом из потустороннего мира?

Тварь была уже совсем близко. Ее глаза светились холодно и безжалостно. Зачарованный, Пашка обреченно смотрел в них и не мог пошевелиться.

На помощь пришла Жасмин. Она подскочила, схватила тварь за холку и кинула в костер. Раздался короткий визг, над пламенем взметнулось темное облачко.

А из темноты уже выделился новый приземистый силуэт, за ним еще один, и еще...

Все это время Айлу отрешенно колотила в бубен, громко читая заклинания.

Жасмин хватала одну тварь за другой и не глядя швыряла в костер. Илдеш встал рядом и палкой загонял в огонь самых резвых — тех, что пытались вывернуться.

Пашка все еще сидел в оцепенении. Он видел, что Жасмин начинает уставать. Пара чудищ вскочили ей на спину — и у Жасмин появился черный горб. Другие твари вцепились ей в ноги и повисли гирями, не давая сделать и шага. Жасмин требовалась подмога, но Илдеш был занят, а шаманка Айлу пребывала в трансе...

«Никто не поможет, — подумалось Пашке. — Разве что... Но при чем тут я? Это ведь не моя схватка. Я вообще не отсюда. Хотя... Этот клочок земли окружен горами и пропитан древними предрассудками, но все же это наш мир, человеческий. А чудища — порождения другого мира, враждебного. Так что... Да черт возьми, сколько можно труситься?!»

Черные твари начали обходить Илдеша и Жасмин с обеих сторон, явно подбираясь к юной шаманке. И это окончательно похоронило Пашкины сомнения. Он внезапно почувствовал прилив неукротимой ярости. Что-то непривычное, дикое подтолкнуло изнутри, и, взревев по-звериному, Пашка рванулся на помощь Жасмин. Оскалив зубы, он содрал с великанши присосавшуюся нечисть и побросал в костер. Враги с визгом отступили — скорее всего, от неожиданности.

На миг показалось, что люди побеждают, но мрак продолжал плодить новых чудищ, и не было им числа.

До Айлу твари пока не добрались, но то ли силы шаманки иссякли, то ли все нужные молитвы уже были прочитаны, она внезапно затихла. Стало слышно, как отвратительно копошится и рычит хвостатая нечисть.

«Погибнем! — тоскливо шепнул внутренний голос. — Все было зря!» И Пашка невольно опустил руки, покоряясь неизбежному...

Вдруг где-то вдалеке послышался топот лошадиных копыт. К худу это или к добру, Пашка сразу и не понял. Но злые духи испуганно замерли, а потом с визгом бросились врассыпную. Тьма вокруг начала рассеиваться, на небе заблестала луна.

— Эрлик услышал наши молитвы! Он прислал на помощь своего сына-богатыря! — прошептала Айлу.

Все увидели приближающегося всадника на черном коне. В гордой и надменной осанке посланца было нечто такое, что с первого взгляда заставляло покориться его воле. Всадник взмахнул рукой — и закружился легкий ветерок, который стал очень быстро набирать силу. Танцуя на пространстве между деревьями и домами, ветряная воронка затягивала в себя разбегающихся тварей и постепенно превратилась в черный, бешено вращающийся столб.

Богатырь хлестнул коня плетью. Пашка заметил, что плеть после удара свернулась в клубок, словно рассерженная змея. На голове скакуна, извиваясь, зашевелилась уздечка...

Всадник помчался прочь, увлекая смерч за собой, как послушную собаку. В ночном, покрытом звездами небе полыхнула ослепительная молния. Яркий ломаный след и оглушительный громовой раскат — это последнее, что успела запечатлеть Пашкина память, а затем он потерял сознание.

* * *

Лучи солнца обжигали лицо, будто били через увеличительное стекло. Пашка лежал и не решался открыть глаза. Вдруг на него упала тень. Он разлепил веки и увидел над собой старца исполинского роста в белом балахоне.

— Я попал на тот свет? — прошептал Пашка.

— О нет! — улыбнулся незнакомец. — Я отец Жасмин. Спасибо тебе за помощь!

— Так вот в кого она такая... богатырша! — Пашка поднялся с земли.

Старик кивнул и медленно направился к дому.

Пашка проводил его взглядом и подошел к углям вчерашнего костра. На том месте, где лежал золотой слиток, в земле чернело узкое отверстие, похожее на норку. Такие Пашка видел на даче, когда копал с родителями картошку. Если туда налить воды, то вылезет огромный паук с мохнатыми лапами...

— Ну что, едем? — окликнул его Илдеш.

— Так ведь дорога завалена! — изумился Пашка.

Внезапность отъезда почему-то вызвала внутренний протест.

— Караш, посланец Эрлика, своим смерчем раскидал все камни. Путь свободен.

— Я видел молнию...

— А это сам Ульгень-громовец, пребывающий в вышине, разозлился, увидев мрак и нечисть, — и как топнет ногой, посылая гром и молнию! Если какие из черных тварей и спаслись от смерча, Ульгень выжиг их всех до одной. Силы двух миров — верхнего и нижнего — помогли нам... Ну так что? Поехали?

— Мы едем вдвоем? — Пашка бросил взгляд на дом.

— Женщины ушли в деревню навестить стариков. Я вернусь за ними завтра. — Илдеш понятиво подмигнул: — Не волнуйся, ее легко найти. Она тут у нас одна такая.

Перед самым отъездом водитель спохватился и протянул Пашке фигурку медведя:

— Вот, возьми. Айлу нашла его возле костра. Она сказала, что он твой.

— Наверное, выпал из кармана прошлой ночью, — сказал Пашка и спрятал фигурку в сумку.

* * *

Уже через несколько часов Пашка осматривал свое новое жилище. Деревянный домик, из окон которого виднелась Катунь, оказался крошечным, но уютным. Пашка подзарядил телефон, чтобы написать несколько сообщений, а затем отключил его и бросил на самое дно сумки. Распаковывая вещи, он достал фигурку медведя и выделил для нее самое видное место на полке.

Сумка была подозрительно тяжелой, словно Пашка забыл вынуть из нее пару кирпичей. Между тем внутри уже ничего не оставалось. Разве что...

Пашка вжикнул молнией потайного кармашка и замер в изумлении. Там лежало три довольно крупных золотых самородка. Не таких больших, как тот, что был пожертвован Эрлику, но вполне достаточно, чтобы покрыть все Пашкины долги.

На пороге появился приятель, зазвавший Пашку в эти края. Он был в гидрокостюме, загорелый, с обветренным лицом. От него веяло какой-то необыкновенной свободой — или это было удовольствие от жизни, какое обычно излучает независимый и счастливый человек.

Пашка закрыл сумку и выпрямился.

— Будешь нашим бухгалтером. Работа непыльная, как ты и хотел. — Приятель явно был рад помочь.

— Я не хочу бухгалтером. Я хочу как ты.

— Без проблем! Инструкторы нам тоже нужны. Только надо будет подучиться. Сейчас мне пора на сплав. Осваивайся, а завтра начнем, — приятель кивнул и поспешил по своим делам.

Пашка вышел на берег Катунь и мысленно с ней поздоровался — теперь не в шутку, а вполне осознанно и серьезно. Мощное течение в оковах каменного русла завораживало. Река представлялась Пашке неукротимой своевольной девушкой, которую оберегали любящие братья-горы, возвышаясь, как стражники, со всех сторон.

Дикий пейзаж, окутанный мистикой, навевал мысли о том, что именно здесь колыбель и тайное место силы человечества. А еще о том, что он, Пашка, нашел мостик между двумя мирами: «пластмассовой» современной цивилизацией и горным пространством, населенным древними духами. И душа Пашки, которая прежде целиком принадлежала миру асфальта и пластика, неумного потребления и сухого рационализма, теперь уверенно двигалась по этому мостику в сторону другого берега, каменистого и полускрытого зарослями, но настоящего, живого, искреннего.

«Идеальная ловушка — это не запертая обвалом горная котловина. Это, наоборот, то, что вокруг нее, — подумалось вдруг Пашке. — Одно радует: западня нынешней цивилизации преодолима — в ней полно прорех. Надо только знать, куда направиться, когда вырвешься на волю. Мне повезло: я теперь это знаю. И пусть в мире Айлу тоже все непросто и даже опасно, мне кажется, я смогу в нем разобраться. А она мне поможет... я надеюсь».

Ярослав КУДЛАЧ

ПЕРИГРАЛ

Р а с с к а з

Альберт Вернер ловко крутанул револьвер вокруг указательного пальца и посмотрел мне в глаза.

— Ты понимаешь, что у тебя нет ни единого шанса? — спросил он, усмехаясь.

Приятеля Альберта загоготали. Я упрямо сложил руки на груди. Парни рассмеялись еще громче, но сам Вернер помрачнел.

— Все это — чудовищная глупость, — заметил он и зачем-то дунул в ствол.

— Согласен, чушь форменная. Только, я вижу, ты боишься.

Бывший друг оскорбительно фыркнул:

— Боюсь? Еще чего! Ты выставил себя ослом. Дуэлянт вшивый. На этот раз ты проиграл. Успокойся и ступай домой, проспись.

Настал мой черед фыркать:

— Трус! У тебя просто не хватит духу! Трепло! Стреляй или сдавайся!

К Вернеру подскочила Наташа:

— Альбертик, не слушай его! Он что-то подстроил! Пусть валит отсюда!

Вернер, все еще хмурясь, открыл револьвер и тщательно осмотрел.

— Не волнуйся, малышка, — сказал он Наташе. — Все чисто. Никаких подстав. Не знаю, что хочет доказать твой бывший, но...

Не договорив, он быстро поднес револьвер к виску и спустил курок.

Грохнул выстрел.

От неожиданности мы все чуть не подпрыгнули. Альберт рухнул, как срубленное дерево. Голова с треском впечаталась в керамическую плитку. Из дыры в виске лениво потекла струйка крови.

Мы оцепенели. Несколько секунд царила тишина, лишь в ушах звенело эхо от выстрела. А потом Наташа завопила, вытаращив глаза и кусая кулаки. Приятель Вернера, Андреас, наклонился над телом.

— Мерत्व, — сказал он буднично, словно о спящем.

В ту же секунду его стошнило.

— Ты его убил! Сволочь! Гад! — закричала Наташа и кинулась на меня, царапаясь, как взбесившаяся кошка.

Я прикрыл лицо руками. Сопротивляться не было сил. Все мои мысли устремились к тому, что случилось полгода назад...

Меня бросила Наташа. Ничего не сказала, не предупредила, не объяснила. Я был в командировке — прямо анекдот! — когда она написала мне, что живет у другого. У Альберта Вернера. Я решил, что это плохая шутка — впрочем, в ее вкусе. Наташка любила подтрунивать над моей ревностью. Я ответил иронично, но она отреагировала настолько серьезно, что стало ясно: это правда. Помню, как я метался по гостиничному номеру, пытался ей позвонить, но она не брала трубку. Я звонил Альберту, но и он молчал.

Смутно помню гонку на автомобиле через полстраны, дурацкую сцену в доме у Вернера, Наташу, забившуюся в угол гостиной...

Как бегали ее глаза! Она всхлипывала, что-то бормотала и тут же замолкала. Зато Альберт был спокоен, словно крепостная башня. Он говорил красиво, понимающе улыбался, сочувственно вздыхал и даже предложил выпить. Специально открыл бутылку самого дорогого коньяка из своей коллекции.

С каким наслаждением я разбил бы эту бутылку о его стриженую башку! А ведь совсем недавно мы веселились в одной компании. Вернер был мне симпатичен, я с удовольствием проводил время у него дома, где собирались веселые парни и милые девушки. И вот — нате. Чудовищная подлянка от старого знакомого. Ничего нельзя сделать. Ни-че-го!

Не стал я с ним пить. Посмотрел на скулящую Наташку и ушел. Любой поступок в этой ситуации выглядел бы дурацким, как ни крути. Вспоминается мерзкое чувство где-то внутри — будто проглотил кусок грязной мочалки. Пришлось купить водки, чтобы хоть чуть-чуть смыть грязь с души. Потом еще бутылку. И еще. И так целый месяц. В одиночку. Стоило протрезветь, на голову обрушивалась реальность. Чего только я не передумал в те дни, о чем только не мечтал! Глупо. И совершенно бессмысленно.

Постепенно боль стала утихать. Я даже начал вновь появляться в обществе, хоть и мутило меня почти физически. Препоганое чувство: кажется, что все пересмеиваются за спиной и тыкают в тебя пальцами. Никто не тыкал и не смеялся, понятное дело. Просто ненавидел я всех лютой ненавистью. За то, что им хорошо, а мне плохо. Очередная глупость. Но превращаться в мизантропа-алкоголика хотелось еще меньше.

Потом я неожиданно обнаружил, что все еще жив, хоть и неважно выгляжу. И даже способен получать некоторое удовольствие от жизни. Появились новые знакомые, даже какие-то женщины смутно замаячили на горизонте. Компаний, где мелькали Наташка с Альбертом, я тщательно избегал. Только этого мне не хватало — наткнуться на них сейчас, когда я только начал приходить в себя...

Но долго так продолжаться не могло.

Однажды Паша, мой давний приятель, пригласил поиграть в бильярд. Обращаться с кием я умел, да и сидеть дома этаким надутым хомяком больше никакого желания не было. Уютная атмосфера, мягкий стук шаров о борта, хорошее пиво, спокойный разговор — вот что мне было нужно.

Черт бы побрал эту бильярдную вместе с шарами, пивом и киями! Откуда мне было знать, что это любимая точка Вернера и его дружков? Не успел я разбить пирамиду, как услышал радостное:

— Халло!

Поворачиваясь, я уже знал, кого увижу.

— Наш одинокий волк решил покинуть логово! — пафосно объявил Вернер и протянул руку. — Поздравляю!

Проклиная собственную трусость, я обменялся с ним рукопожатием. Наташа стояла у входа и смотрела на меня. Во взгляде читалось удивление: как, этот тип все еще существует? Тут подошли приятели Альберта, стали галдеть, тискать мою ладонь.

Наконец приблизилась и Наташа:

— Привет.

— Привет, — сдержанно ответил я.

— Как дела?

— Хорошо. А у тебя?

— Отлично! — Она все еще смотрела на меня исподлобья, и теперь ее взгляд выражал... разочарование? Досаду?

Мой знакомый, благодаря которому я оказался лицом к лицу с ненавистной парочкой, выразительно постучал торцом кия о стол.

— Ну что, вспомним старые времена? — подмигнул Вернер. — Сыграем партейку в пул?

— Альберт, я уже играю, если ты не заметил.

— Все-все, не буду мешать! Мы вон там, если что, у барной стойки. Приходи, сразимся!

Они удалились, болтая и смеясь. Наташа постояла немного, словно хотела что-то сказать, потом присоединилась к своей компании.

Игра совершенно не клеилась. Я мазал самым позорным образом. Один раз даже, не попав по битку, едва не распорол сукно. Паша смотрел на меня сочувственно, и это раздражало больше всего. После того как я умудрился свалить в лузу черный шар в самом начале партии, рядом вновь послышался голос Вернера:

— А я-то думал, ты у нас профи!

Я повернулся к нему:

— Не твое дело. Иди к своему столу, ты мне мешаешь.

— Ладно, не сердись. Но играешь ты и в самом деле очень плохо.

— Все было хорошо, пока вы не появились.

— Как ты разволновался, боже мой! Дружище, ну прекрати, сколько можно дуться? Давай веселиться снова, как в старые добрые времена! Хочешь выпить? Я угощаю!

— Слушай, Альберт, — я постарался взять себя в руки. — Не буду я с тобой общаться. Не хочу, понимаешь? Ты что, специально сейчас меня бесишь?

Вернер изобразил раскаяние:

— Извини. Я думал, все прошло. А ты вон, оказывается, как. Может, все-таки сыграем, а? Просто так! Как два мужика!

Я ткнул кием туда, где стояла Наташа, которая с тревогой следила за нашим разговором:

— Главный приз ты уже выиграл. Иди, пользуйся. Только не забывай: многому ее научил именно я. Она же была цветочек невинный. А ты теперь получаешь удовольствие.

Но Вернера даже такими откровениями было не смутить:

— А какая теперь разница? Приз, как ты выразился, достался в итоге мне. Говорят, коль в любви не везет, выиграешь в карты. Или в бильярд. Терять тебе нечего, кроме собственной предубежденности.

Неожиданно вмешался мой знакомый:

— Да не слушай его! Нормально ты играешь!

— Сдрейфил! — продолжил наседавать Вернер. — Свистишь, когда пещец приходит?

Это была Наташкина фраза. Много раз я это слышал, когда отказывался участвовать в ее шальных затеях. И вот теперь устами Альберта она вновь мне бросила свое презрительное «свистишь».

Я похлопал кием по ладони:

— Как хочешь. Но смотри — чтоб потом не возникал. Сам полез.

— Сам, сам! — закивал Альберт. — Все сам. И расставлю сам, и пиво закажу сам.

Он действительно заказал пиво, выложил «пирамиду» и, прежде чем снять треугольник, лихо раскрутил черный шар в центре, так что тот еще вращался, когда треугольник повис на крючке.

— Уступаю первый удар, — поклонился Вернер. — Будем считать, это вроде права первой ночи.

И заржал, мерзавец.

— Скажи спасибо, что Наташа тебя не слышала, — буркнул я и разбил пирамиду.

Я ударил несильно, почти не целясь, но в лузы неожиданно упали сразу три полосатых шара. Альберт удивился:

— Смотри-ка! Будто подменили!

Решив не реагировать на шпильки, я загнал еще один, а потом вдруг спустил биток. Альберт хихикнул, выловил белый шар и прошелся вдоль стола, примериваясь:

— Ну ты и разбил! Ничего подходящего. С такой расстановкой только в «Чапаева» играть.

Но тем не менее ударил, приняв совершенно немыслимую позу. Цельный шар ушел в лузу. Вернер подмигнул и снова прошелся тигриной походкой. Я увидел, что его дружки оставили игру и вытянули шеи. Наташа смотрела на меня с подозрением. Альберт ударил опять: легко и непринужденно. Еще один цельный шар исчез со стола. Компания подобралась ближе. Вернер играл на публику: прицелился, натер кий мелом, сделал вид, что вычисляет... А потом ударил, бездарно скиксовал и плюнул.

— Зато тебя подставил, — заметил он. — Черта с два ты отсюда выкрутишь!

Я рассмотрел позицию. Да, тут справится только профессионал международного уровня. Решительно ничего подходящего. Разве что... Я прицелился и врезал по битку.

Белый шар срикошетил от трех бортов, ударил цельный, а тот, в свою очередь, толкнул полосатый. Щелк! Шар исчез. Зрители зааплодировали, а

Вернер сердито фыркнул. Теперь последние два полосатых лежали, что называется, «свесив ножки в лузы». Я ударил биток с оттяжкой. Белый шар свалил полосатика и вернулся на свое место. Точно так же я расправился с другим, а потом отправил в последний путь черный шар, пижонски запустив биток вдоль всего борта. Мой знакомый сказал: «Вау!» — а Вернер удивленно поморгал:

— Однако можешь! Один — ноль. Продолжим?

— Альберт, не надо, — тихо сказала молчаливая до сих пор Наташа. —

Оставь.

— Малышка, ты чего?

— Не знаю. Неприятно.

Вернер глотнул пива и вытер усы:

— Это всего лишь игра, дорогая. Эй! Чего стоишь? Раскладывай!

Шары привычно легли в пирамиду. Я отошел, примерился... И вдруг, словно по чьему-то наущению, изо всех сил запустил биток мимо, целясь в лузу напротив.

В лузу я не попал. Белый отпрыгнул от стенки и расшиб пирамиду с обратной стороны. Замельтешили шары, послышался дробный стук. Два полосатых ушли, на столе воцарился хаос. Черный, финальный шар застыл в углу, едва не упав. Дорогу в лузу ему преградил биток.

Альберт фыркнул:

— Орел! Что делать будешь?

Я не ответил. Где-то в глубине моего мозга зрел странный вывод. Я понял, что... Да ничего я в тот момент не понял. Просто обошел стол и ударил биток, поддев его снизу.

Дружный вопль восторга вырвался у всех. Белый шар перепрыгнул черный, не задев, ударил полосатика, и тот канул в лузу. Я осмотрел позицию и убедился, что ситуация складывается в пользу соперника. У него появился шанс опередить меня. При условии, если он сыграет сейчас. Тогда я решился. Опустился на стул и взял кружку:

— Передаю ход.

Вернер подозрительно уставился на меня:

— Это почему?

— Хочу кое-что проверить. Принимаешь?

Противник осмотрел стол в поисках подвоха.

— Ладно, — сказал он с неохотой, — посмотрим, что ты задумал.

Альберт смог положить шесть шаров из семи, прежде чем наконец промахнулся. Удачная игра его почему-то не радовала. Он уставился на меня с удвоенной подозрительностью. Я примерился и аккуратно убрал двух полосатиков одним ударом. Второй удар положил еще двух, а третий завершил игру, скинув черный шар в лузу, куда тот смотрел с самого начала.

Воцарилась тишина. Послышалось бульканье пива, сосредоточенное сопение и голос Вернера:

— Да. Сильно. Ничего не скажешь.

— Хватит! — решительно заявила Наташа. — Альбертик, милый, пожалуйста, не надо больше!

— Наташенька, что ты? — Меня уже охватило легкое безумие. — Это всего лишь игра! Мы играем, понимаешь?

— Мне эта игра не нравится. — Наташа положила руку на плечо Вернеру. — Альберт, хватит! Идем домой.

— Вот еще! — Вернер нервно стяхнул Наташину руку с плеча. — Когда-нибудь он проиграет! А ну-ка, еще раз...

И мы сыграли еще раз. И еще. А потом еще... и еще раз десять.

Стоит ли говорить, что Вернер не выиграл ни разу? В каждой партии я опережал его минимум на два шара и укладывал черный с первого удара в любой позиции. Даже если мой соперник лидировал в начале, я неизменно догонял его в конце. Альберт промахивался в хрестоматийных ситуациях, а я выигрывал в немыслимых.

Мой приятель Паша откровенно хохотал, опираясь на кий. Постепенно вокруг нас собралась половина посетителей. Альбертик бешено сопел, тер кий мелом, потом теми же пальцами вытирал нос и лоб, отчего его физиономия разукрасилась голубоватыми разводами. После того как я закончил партию, укатав одним ударом два своих и затем рикошетом черный шар, Вернер не выдержал.

— Не может быть! — гаркнул он и злобно фыркнул. — Я же знаю, ты никогда не играл лучше меня! Где научился? Ну?

Невероятное чувство превосходства захлестнуло мою душу. Но при этом стало горько, невыносимо горько. И очень больно. Я сказал негромко, наклонившись к уху соперника:

— Вернер, ты еще не въехал? Ты никогда у меня не выиграешь. Не сможешь. Потому что ты меня уже победил, понимаешь? Я серьезно. Ты взял главный приз, который перевешивает все остальные. Это я проиграл, а не ты. Доходит?

Альберт посмотрел на меня, двигая нижней челюстью. Потом отложил кий:

— Ладно. Ты совсем спятил, но допустим — ты прав. Давай сыграем во что-нибудь другое. Простое, не требующее умения. Чисто на случай. Идет? Ну и ладушки. Погоди-ка... Хозяин! Будьте добры, у вас колоды карт не найдется? А кости? О, супер, и то и другое! Ну, с чего начнем?

Мы начали с карт. Колоду многократно перетасовали, и мы с Вернером стали тянуть.

Через пять минут хохотали все. Ни разу Альберт не вытянул карту выше моей. Даже равную! Лишь однажды он вытащил пикового туза, но на него лег мой джокер. Честное слово, на рожу этого заносчивого дурака стоило посмотреть! Вернер отшвырнул карты и взял игральные кубики.

— Ну теперь посмотрим, чья возьмет! — пробормотал он, тряся кожаный стаканчик. — Против статистики не попрешь, и против гравитации тоже.

Поперло.

Альберт снова не смог выиграть. И ни разу не выбросил количество очков равное моему. Я метал кости, почти не думая, а он, напротив, то долго махал стаканчиком, то припечатывал его к столу, даже не удосужившись «взболтать». Публике скоро наскучила игра в одни ворота, и народ стал расходиться. Остались Вернер, Наташа, дружки Вернера, я и мой приятель Павел.

Проиграв в очередной раз на одиннадцати очках, Альбертик швырнул кости на стол:

— Хрень собачья! Вы все сговорились!

Наташка попыталась успокоить своего бойфренда, но Вернер продолжал яриться:

— Я же не идиот, в конце концов! Не бывает так, чтобы он всегда выигрывал! Должна случиться ничья, хоть однажды! Слушай! — Это мне. — Ты знаешь какую-нибудь игру с реально равными шансами для обоих? Абсолютно равными, одинаковыми?

Что-то кислое и мерзкое коснулось моего языка. Словно батарейку лизнул. Помнится, мелькнула мысль, мол, ну его нафиг... Но остановиться было выше моих сил. Да и Паша смотрел на меня таким взглядом: не отступай, друг...

Я шагнул к Вернеру и прошептал ему на ухо условия.

— Только увы и ах, — закончил я, — ни у кого нет подходящего оружия.

Вернер задумался. Посмотрел на Наташу. Та покусывала губы.

— У меня есть, — признался он с неохотой. — От отца достался, он в стрелковом клубе состоял. Ты что, серьезно?

— Свистишь, когда песец приходит? — спросил я, прищурившись, и Вернер побагровел.

— Пошли! — заявил он. — Там посмотрим, кто из нас свистит.

Мы отправились к нему домой. Все тем же составом: Альберт, Наташа, я, мой приятель Паша и четверо дружков Вернера. По дороге Наташка что-то горячо шептала Альберту на ухо. Тот прислушивался, но в ответ лишь сжимал губы и мотал головой. Мне было одновременно хорошо и страшно. В голове играл хмель, меня несло, несло...

Застрелюсь, думал я, и пошло оно все к черту!

Жил Вернер неплохо: двухэтажный дом с чистым просторным подвалом, где он устроил рабочий кабинет и склад. Туда-то мы и ввалились.

Хозяин пошарил по полкам и достал небольшой чемоданчик, в котором обнаружился револьвер и коробка патронов. Увидев эти предметы, Наташа запротестовала, но Альберт сделал ей знак, и она умолкла. Вернер ловко зарядил револьвер и покрутил барабан:

— Смазан отлично, не подведет. Обращаться умеешь?

Я не умел, но сделал умный вид:

— А что тут уметь? Крутанул, оттянул и нажал на курок.

— На спусковой крючок, балда! — поучительно сказал Вернер. — Ну? Готов прошибить себе башку во имя любви? Вперед!

Оружие в руке вдруг показалось невероятно тяжелым. Я покрутил барабан. Потом попытался открыть револьвер, но не сумел. Альберт издевательски фыркнул. И тут мне явилось озарение. Вот она, беспроигрышная игра! Я повернулся к Вернеру, подняв револьвер. Тот перестал улыбаться.

— Ничего не выйдет, — сказал я твердо. — Если я попытаюсь застрелиться, что-нибудь заклинит, или будет осечка, или случится еще какая-то ерунда. А на тебе он сработает, можешь не сомневаться.

— Что ты предлагаешь?

Я протянул Вернеру револьвер вперед рукоятью:

— На. Выковыряй все патроны. Чтоб ни одного не осталось!

Вернер хмыкнул, но подчинился — вытряхнул из барабана все патроны и спросил с веселым интересом:

— И что дальше?

Вместо ответа я выхватил у него оружие, быстро взвел... этот... курок, приставил дуло к виску и нажал на спуск, да так сильно, что ствол дернулся. Все ахнули, но, как и следовало ожидать, раздался лишь сухой щелчок. Альберт поморщился:

— Ну и?..

Я снова протянул ему револьвер:

— Твоя очередь. Игра беспроегрешная, ведь патронов нет.

Вернер озадаченно посмотрел на меня. Потом кашлянул:

— Полная фигня!

— А ты ведь свистишь, приятель.

В глазах у Альберта засветились гневные огоньки. Он схватил револьвер и лихо крутанул его вокруг указательного пальца, как заправский ковбой. А потом...

Вы уже знаете, что случилось потом.

Да, была полиция, дознание, судебная экспертиза, процесс, закончившийся ничем. Ни гильзы, ни пули, что разнесла Вернеру череп, не нашли. Более того: установили, что из этого револьвера не стреляли по меньшей мере года три. Получается, Вернер застрелился пустотой. При семи свидетелях. В конце концов, следствие прекратили за отсутствием улик, а судебные эксперты, полагаю, до сих пор, когда слышат про дело Вернера, бессильно сжимают кулаки.

С тех пор прошло около полутора лет. Моя жизнь, как говорится, устанилась и вполне меня устраивает. Даже с Наташкой отношения более или менее наладились, хоть и ненавидела она меня поначалу лютой ненавистью. Все изменилось после того, как она вышла замуж за Пашу. Да-да, за того самого, который завлек меня в бильярдную. Он один в те страшные минуты повел себя достойно: прикрыл труп найденной тут же клеенкой, велел увести Наташу и успокоить, вызвал полицию и скорую — одним словом, руководил четко и споро. После он буквально не отходил от Наташи, помогал как мог... Ну и, как водится, «вспыхнуло» у них. Еще до начала судебного процесса. А вскоре после закрытия дела они поженились. Я не возражал. Собственно, лишь благодаря Павлу, его спокойствию и рассудительности, Наташа перестала видеть во мне врага. Мы даже начали встречаться — просто так, по-дружески.

У меня появилась девушка, правда, я не уверен, что мы с ней останемся вместе.

Все это ничего. Меня тревожит другое. После того злосчастливого вечера я никогда ни во что не играл. Ни с кем. И вот вчера меня пригласили скоротать вечер за преферансом. Павел пригласил. Ему и его приятелю, страстным преферансистам, требовался третий партнер. Наташа как раз легла в больницу на обследование — она на седьмом месяце, — так что посиделки будут чисто мужские. По пивку, по сосиске да по десять рублей на вист.

Разве я мог отказать? Обязательно пойду расписать пулю. Чем бы это ни кончилось.

Пожелайте мне удачи.

Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Я иду играть.

Ольга ДОМРАЧЕВА

ГОВОРИЛА РЕКА

* * *

говори о важном о всякой мелочи говори
поспевали на снежной яблоне снегири
прогоняли ветры время да память вон
и зима обступала нас с четырех сторон
тьма змеилась к дому из немеречи
мы молчали. к ночи топили печку
ворковали пылко дрова и нас
от немотной комы их говор спас

говори о трепетном горячей
выпускай предтеч теплоты — грачей —
из сердечных келий
и когда напившись весенних вод
над уставшей яблоней плод взойдет
легким будет похмелье

темная река

темная река — облака в воде,
берега круты, что сибирский нрав.
приживусь ли я, прорасту ли,
где
цвета глаз твоих чертогон-трава.

темная вода топит блики снов,
только память трепетна,
горяча.
на лугах вскипает болиголов,
пеночка тревожится: кто ты, чья?

выходя из русла,
к родной Оми

облака поплыли — полны вестей.
 птица-когтеница, в груди уймись,
 у большой реки коренось теперь.

у твоей реки берега круты,
 а досужьи речи — крапивный жар.
 сбережет,
 от всякого исцелит
 синеглазых трав золотой отвар.

* * *

где большие воды и солнце квело,
 где березы — подруги плакучих ветел,
 мы свивали наш мир — по пруту, по соломке,
 было ведро и счастье простым, негромким.
 дети тянулись к свету, росли, крепчали,
 учились смирять грозу, унимать печали.
 было время свежее ветра да легче пуха...

сыновей сейчас не гнетет разлука.
 только ты не спишь по ночам все чаще.
 смотришь, как ветла головой качает
 за окном в воинственной темноте.
 только я все чаще на воду дую,
 чтоб успеть от них отвести беду и
 благословляю в свой мир лететь.

* * *

смотрю через стекло:
 орды пчел-альбиносов
 полонят воздух,
 оседают на крыши, кусты, траву,
 исчезают во впадинах и бороздках.
 налет всегда застает врасплох.
 распорядитель времени
 по недогляду/умыслу/баловству
 сыплет-рассыпает
 минуты, секунды —
 мгновения
 падают тихо,
 ти-и-ихо,
 растворяются в черноземе небытия.
 пчелы горячие, жгучие — жалятся,
 хорошо, что я за стеклом,
 пусть летят, не касаются — минуют меня.

вздрагиваю. звуки реальности
прорывают белое наваждение:
жужжание компьютеров, принтеров, сканеров.
офисный рой в движении,
здесь своя битва — планы,
личные достижения.
но все же иногда поглядываю в окно —
думаю, рассыпанное время не канет
в простылой земле, крошечном холодном сне —
когда-нибудь все равно
обернется/взойдет/возродится счастливым:
пряным зноем, свежим ветром, веселым ливнем.
может быть,
по весне.

говорила река

а река говорила: журчала, шумела —
не серчала на нас, а рекла, как с начала умела.
ключевые слова поднимала из донного ила —
их с волны собирали в ладони бессонные ивы,
вдохновляясь порывами ветра, до неба взмывали,
разжимали ладони и нас осыпали словами.
мы хватали зонты — укрывались, бежали под крыши —
отрекались, чтоб реку друг в друге надежно не слышать.
дерева умудренно вверху головами качали.
но шумела река, чтобы все начиналось сначала.

по воде бегущие круги

накануне ветер второпях
задувал березовые свечи.
лебеди на скошенных полях —
снегопада белые предтечи.

в небеса впадающей реки
глубоки напутственные речи.
по воде бегущие круги —
в самом деле жизни человечьи.

лебеди распорют небосвод,
кровяным итожа время певчих.
как ноябрь на землю упадет —
ты его вдохнешь, и станет легче.

Елена ЩЕТИНИНА

У КАЖДОЙ ЖЕНЩИНЫ ЕСТЬ ПРОШЛОЕ

Р а с с к а з

Матушка всегда говорит, что нужно слушаться своей интуиции. Вот мелькнула же у меня мысль, что не стоит браться за это дело. Так и надо было поступить.

Мне этот клиент не понравился, как только я увидел его на пороге с дверной ручкой в... щупальце, лапе, псевдоподии? Как это будет называться у существа, похожего на ожившую жижу?

— Покорнейше прошу простить, — застенчиво пробулькало существо.

Секретарша Пенни, сидевшая в другой части кабинета, перестала бросать в мою сторону кокетливые взгляды и сползла под стол в полуобмороке.

— Ой, — огорчился мистер Жижя, глядя на торчащие из-под стола ноги секретарши. — Это из-за меня?

— Нет, она просто легла подремать, — поспешно сказал я, прикидывая, что нужно этому существу и стоит ли отвечать на его вопросы.

— Дело в том, что... — Оно задумчиво уставилось на оторванную дверную ручку в своей конечности.

Входная дверь в нашу контору открывается внутрь, и это уже пятый инопланетянин за последний месяц, который не догадывается, что нужно толкнуть ее, а не дергать на себя до умопомрачения.

— Не волнуйтесь. Ручка одноразовая, — привычно соврал я.

— Можно забрать как сувенир?

Я почувствовал к нему непонятную симпатию.

С инопланетянами работать придется на свой риск. Ни одна страховая компания не поручится за них. Например, кто знает, насколько они платежеспособны? У себя на планете он может считаться воротилой бизнеса и богатеем, а потом выясняется, что деньги у них — это соляные кристаллы. И куда мне девать эти пять тонн соли?

А, например, поделенное сознание, когда в башке живет сразу две, а то и три личности? И все они паспортизированы и имеют отдельные документы! Значит, заключаешь ты договор с одним, а как приходит время платить по счетам, так оказывается, что та личность уже давно не ощущается и куда она делась — никто не в курсе. А эти платить не будут: по документам они совершенно другие субъекты права.

— Моя жена, — грустно сказал мистер Жижа. — Вот.

И протянул мне фотографию.

По повисшей паузе я понял, что должен что-то сказать о миссис Жиже. Но... как вам объяснить... понимаете, сизая лужа, вольготно развалившаяся на кожаном диване, не вдохновляла меня на цветистые эпитеты.

— Вах! — сказал я, закатив глаза, и чмокнул кончики пальцев точь-в-точь как в каком-то старом фильме. — Белиссима!

— М-да? — с подозрением спросил мистер Жижа, пряча фотографию где-то в своих потеках. Я с удивлением припомнил, что на ощупь та была совершенно сухая.

— Я еще никогда не видел такой красивой, такой... — У меня вылетело из головы самоназвание жиждов. — Ох, даже слов не подберу!

— Спасибо, — мистер Жижа горделиво выпрямился. Со стороны это выглядело так, словно из паркета забил канализационный фонтанчик. — Так вот, горе настигло меня. Моя жена пропала.

— Да вы что? — Я вложил в интонации всю палитру заинтересованности. — Вы уверены?

— Что значит «уверен»? — кажется, мистер Жижа оскорбился.

— Ну... Может быть, она вышла в магазин, встретила подругу и заболталась? Или уехала к маме и забыла вас предупредить? Сколько она отсутствует?

— Сутки, — холодно ответил мистер Жижа.

М-да, вариант с подружкой отмечаем. Теща-жижа тоже, кажется, ни при чем.

— Вы обращались в полицию? — спросил я, скорее чтобы продолжить разговор. Те, кто приходит ко мне, в полицию по дороге не заворачивают.

— Нет, — подтвердил мои догадки мистер Жижа. — Понимаете... мой уровень и статус... Я не могу допустить, чтобы информация о том, что моя жена исчезла, стала достоянием общественности.

— Вы думаете, ее похитили? — Магические слова «статус» и «уровень» затуманили мне мозги, и я решил брать быка за рога.

Информации из безутешной жижи удалось выудить немного. Огорченный муж с разной степенью элегантности обходил все вопросы, которые касались личности супруги. В итоге через час у меня на руках было только банальное: «Пришел домой, а ее нет, и все нет и нет».

Через два часа я сказал Пенни, чтобы она прекратила изображать обморок и тайком читать под столом книжку, а вылезла и принесла нам кофе.

«Особой заварки», — многозначительно уточнил я.

От кофе с ромом гость раздобрел, набух, как на дрожжах, и даже согласился на изрядно завышенную оплату моей работы.

И вот тут послушаться бы мне мамы и понять, что такие подарочки, как тройной тариф за плевое и безопасное, в общем-то, дело, судьба подкидывает неспроста. Но жадность всегда меня губила.

Мы ударили по рукам, и все завертелось.

Клиент возжелал, — а после заключения сделки он с каждой минутой становился все более и более напористым, — чтобы я не медля посетил его дом. Видите ли, каждая секунда на счету. Кто знает, а вдруг любое промедление станет — тут он как-то чересчур мелодраматично всхлипнул — роковым! Честно говоря, я не был настроен столь пессимистично. Наш городок

довольно тихий, старомодный и миролюбивый. За годы детективной практики я ни разу не сталкивался с чем-то серьезным.

Украсть забор, написать на стене «Грибоиды рулят!», обнести сберкассу с помощью пчел-налетчиков — на это местные жители способны. Но вот убить сизую лужу — вряд ли. Кстати, а как это вообще можно сделать?

Уходя, я шепнул Пенни, чтобы она навела справки о нашем госте.

* * *

Я и так подозревал, что мистер Жижа не бедствовал, а лимузин с енотом-мигрантом за рулем убедил меня, что на этот раз в сети заплывла крупная рыба. Но окончательно я осознал масштабы того, во что вляпался, увидев дом клиента.

Это был весьма эклектичный особняк: восемь этажей, секвойи на крыше, колонны по периметру и огромная статуя на заднем дворе... Теперь я знал, куда делся пропавший из Гизы год назад Большой сфинкс.

— Весьма, — пробормотал я, стараясь не слишком завидовать. — Весьма.

— Ах, вы про это! — Мистер Жижа слегка махнул отроском. — Так, временное пристанище. У меня намечается крупная сделка, так что вскоре я собираюсь переехать в более приличное место. За Садам Камней, слышали?

— Мнэ-э... — Я наморщил лоб, стараясь припомнить. — Но... я думал, там строят стадион.

— Ах, нет! — мистер Жижа повторил небрежный жест. — Это всего лишь фундамент для бальной комнаты.

Прежде чем дверь открылась, трель звонка проиграла «В пещере горного короля», и мистер Жижа с гордостью сказал, что для этого у него в стене замурован гномий оркестр из двенадцати персон.

— Робот? — не смог удержаться я от удивления, увидев дворецкого.

— Увы, — мрачно ответил мистер Жижа. — Моя поблажка супруге. Видите ли, она выросла у него на руках, так что он дорог ей как память. Хотя, будь моя воля, давно отправил бы в утиль. Он мне весь паркет ищарапал.

Внутри особняк казался еще просторнее, чем снаружи. Когда я отметил этот момент вслух, мистер Жижа напустил таинственного лилового тумана с легким ароматом земляники. Но это не помешало мне разглядеть утопленные в стены датчики Клаайфера-Дансена.

«Нелегальное расширение пространства — двадцать лет с конфискацией», — машинально отметил я в уме.

И тут же вскрикнул оттого, что кто-то сзади наступил мне на пятку.

— Извините... — прошелестел робот и попытался раствориться в тумане.

Если бы роботы могли испытывать эмоции, я бы сказал, что этот выглядел несколько растерянным. Он суетился, совершая множество каких-то непонятных мелких действий, и явно не хотел попадаться мне на глаза. А еще у него на совершенно гладкой лицевой панели присохло что-то белое.

— Вот комната моей жены, — мрачно сообщил мистер Жижа, открывая двойные двери. Я успел заметить бронированную вкладку, титановые петли и четыре потайные щеколды помимо огромного амбарного замка.

— Она несколько меньше, чем я ожидал, — мягко намекнул я.

Судя по всему, расширителей пространства на нее не хватило.

— А зачем моей жене большая комната? — мистер Жижка сделал волнообразное движение, которое я решил трактовать как пожатие плечами. — Большие пространства искушают, побуждая вольнодумствовать и желать чего-нибудь непонятного и ненужного.

— А что ваша жена делала в последние дни? — спросил я, достав блокнот. — Кому звонила, с кем встречалась?

— Никому и ни с кем, — жестко ответил мистер Жижка.

— Вы так уверены? — Я сделал пометку.

— Абсолютно. У нее нет телефона, нет друзей, и я ликвидировал ее старых подруг.

— Так. — Я сделал еще одну пометку. — То есть, когда вы отсутствуете, ваша жена занимается... ничем?

— Ну да. — Мистер Жижка снова пожал условными плечами. — А за чем ей чем-то заниматься? Она ждет меня, это и есть ее работа.

— Ну да, ну да, — пробормотал я.

Ничего нового — вечно пропадающий на работе муж, скучающая супруга. По идее, где-то поблизости должен обретаться волоокий красавец с литыми мускулами и одной извилиной в голове.

— А у нее был личный тренер? — пошел я по самому простому пути.

Мистер Жижка промолчал.

— Может быть, учитель музыки? Рисования?

— Вы намекаете, что у моей жены мог быть любовник?

— Ну, э-э-э...

— Вы хотите сказать, что женщина может предпочесть кого-то мне? Мне?!

Мистер Жижка начал угрожающе пухнуть. Со стороны казалось, что в комнате разрастается небольшая грозовая туча.

— Видите ли, — миролюбиво заметил я, — мы никогда не можем точно знать, что творится в голове у женщины. Равно как и у любого другого чело... э-э-э... существ...

— Я точно знаю! — перебил меня жижойд. — Я каждую неделю делаю своей жене МРТ.

Гномий оркестр за стеной грустно заиграл «К Элизе».

— Кстати, — уходя, шепнул я закрывавшему за мной дверь роботу, — у вас клей присох.

* * *

— Ой-вэй! — причитала мама, накладывая мне третью тарелку рагу. — Сколько раз я говорила, что эта работа тебя погубит! Ну как, как можно приходиться домой так поздно? Ты же знаешь, что отсутствие режима вредит пищеварению.

Матушкина кошка Царица Савская смотрела на меня так, что кусок застревал в горле. Совершенно голая, без единой шерстинки — у нас с мамой аллергия на кошачью шерсть, — она казалась посланником ада, назначенным напоминать мне о моих преступлениях.

— Мама, я задержался всего лишь на полчаса. На полчаса!

— А я уже все глаза проглядела! — Мама всплеснула руками и присела на стул напротив меня. — Думала, что с моим мальчиком случилось?

Царица Савская повернулась ко мне спиной и стала вылизывать пузо. С такого ракурса она напоминала оципанную тушку индейки.

— Сегодняшний клиент попросил найти его жену, — попытался я элегантно сменить тему.

— Держу пари, что он ее убил. — Мама повела плечами. — Ни одна женщина еще не доводила мужчину до добра.

— Кстати, мама... — Перед моими глазами встал волнующий образ Пенни в розовом пеньюаре. Пеньюар почему-то был матушкин, и Пенни приходилось поддерживать его обеими руками и даже зубами. — А ты не думаешь, что мне пора жениться?

Царица Савская резко обернулась. В ее желтых глазах плескался первобытный ужас.

Мама аккуратно взяла вилку и попробовала пальцем зубцы.

— А зачем моему сладкому мальчику жена, когда у него есть мама? — мягко спросила она. — У каждой жены есть прошлое.

— У меня оно тоже есть, — резонно попытался возразить я.

— Ну так мамочка же в курсе твоего прошлого, не так ли?

Я предпочел промолчать.

— А вот о прошлом всяких там проходимок мамочка не в курсе, — сказала она и резко воткнула вилку в столешницу.

Я мысленно вычеркнул Пенни из кандидаток в жены. Хорошие секретарши на дороге не валяются. А без глаза или с парой дырок в животе они несколько теряют свои профессиональные навыки.

Посреди ночи я вспомнил о задании, которое дал Пенни.

— Вы мне должны, — сонно пробормотала она по телефону.

— Я подниму тебе жалованье, — посулил я.

— Если бы всякий раз, когда обещаете, вы поднимали бы его хотя бы на процент, я уже давно выкупила бы нашу чертову контору с потрохами!

— Пенни! — шепотом возмутился я. — Не ругайтесь! Мама может нас подслушивать.

— Привет, миссис Ковальски! — мгновенно проснулась Пенни. — Хочу сказать, что ваше печенье невероятно вкусное, я всегда поражалась вашим кулинарным талантам.

— Очень приятно, — сухо заметила мама с другого аппарата. — Правда, я как-то не рассчитывала, что мой сын будет разбазаривать еду, над которой я трудилась не покладая рук, на каких-то проходимок!

В соседней комнате грохнула трубка, и мы услышали писклявые гудки.

— Вернемся к делу, — сказал я.

— Итак, наш клиент... — Тут, судя по звуку, Пенни стошнило.

— Отравилась? — сочувственно спросил я.

— В смысле? С чего вы взяли? Итак, этот... — Тут ее снова стошнило.

— Пенелопа, дорогая! — Я заволновался. — Понимаю, что наш клиент не образец красоты и обаяния, но не надо принимать все так близко к сердцу.

— Вы не понимаете! — обиделась она. — Это его имя.

— Гм... А есть какой-то менее... звучный вариант?

— Его первый фальшивый паспорт, конфискованный Особым отделом, был на имя Яна Жижки.

Я хмыкнул:

— У того, кому он его заказывал, не было чувства ю... Подожди! Фальшивый паспорт? Особый отдел? Мы что, связались с...

— Да, с гангстером, — подтвердила Пенни. — Наш господин с труднопроизносимой фамилией — представитель крупнейшего мафиозного клана, которому принадлежат все торговые пути Восьмого космического сектора. Легальный грузооборот для прикрытия, а для кармана — котрабанда.

Я охнул. Котрабанда — контрабанда котов была грубейшим нарушением «лысого закона». Коты, еноты, кролики и морские свинки для некоторых инопланетян были чудесно милы. Всякие инсектоиды и крабообразные, поглаживая котика, впадали в наркотический экстаз. Достаточно было часа знакомства с обычным котом и полчаса — с «персом» или «британцем», как общество теряло еще одного полноценного члена и приобретало «загладного котомана».

— Мы покойники, — прохрипел я.

— Вы, — подчеркнула Пенни. — Покойник — вы. Я, если помните, при разговоре не присутствовала и ответственности не несу.

— Если меня убьют, ты потеряешь работу.

— Уйду к конкурентам, — безжалостно сообщила она. — Трехглазый Джордж давно переманивает меня к себе.

Я вздохнул:

— Ладно, давай, что там еще на этого нашего...

— Не так уж много, — скороговоркой продолжила Пенни. — О жене его никакой информации, что даже странно.

— Подтерто? — оживился я.

— Возможно. Причем везде. И в бумажной картотеке, и в электронных базах, и даже в памяти генномодифицированных червей-извилин. Словно у нее никогда не было прошлого.

— Но как...

— Извините, больше я ничего не знаю. Спокойной ночи.

И она положила трубку.

* * *

— Знаете, Пенелопа, — как бы невзначай начал я, придя наутро в офис, — моя мама говорит, что у каждой женщины есть прошлое.

Пенелопа слегка порозовела и пролила чай на клавиатуру.

— Ваша мама в высшей степени мудрая дама, — пискнула она.

— Не могу не согласиться, — кивнул я стоявшей на столе маминей фотографии. — Однако насколько это прошлое определяет дальнейшую жизнь женщины?

Пенни икнула и отвела взгляд.

— Ну-у... — протянула она, явно собираясь с мыслями. — Это зависит от женщины. Если она ведет достойную жизнь, на хорошем счету у работодателя, разве так важно, что было в ее далекой... то есть не совсем далекой... юности? Особенно если там ничего криминального и лишь чуть-чуть аморального.

— Чуть-чуть? — переспросил я.

Пенни задумалась.

— Знаете, — сказала она. — Одна моя подруга танцевала канкан...

— Не очень возмутительно, — пожал я плечами.

— На канате.

— Ну...

— Голая.

— Кхм. Продолжайте.

— Так нечего продолжать, — огрызнулась Пенни. — Ныне она приличная дама с повышенной социальной ответственностью и на хорошем счету у работодателя. Исправно платит налоги, вышивает крестиком и по воскресеньям поет псалмы.

— Голая? — пошутил я.

Пенни отчего-то густо покраснела.

* * *

Осьминоид герр Пауль плавал кролем в иссиня-черной воде своего личного бассейна. И одновременно личного офиса и склада нелегальных материалов.

— Я бесплатно никого искать не буду, — предупредил он, даже не поднимая клювастой головы.

— Обижаете, Паша, — сказал я, вытаскивая из кармана фотографию жены мистера Жижки и небольшой пузырек с валерьянкой.

— Ах, это вы! — сказал герр Пауль, оживившись и следя круглым карим глазом за пузырьком. — Давайте сюда объект.

Бросив взгляд на фото, он хмыкнул и протянул щупальце.

— Э-э, нет! — сказал я, пряча пузырек за спину. — Сначала объект.

— Объект у меня внизу, — ответил осьминоид. — Плату вперед.

— Э-э, не. — Я покачал головой.

— Э-э, да, — ответил герр Пауль и ткнул щупальцем куда-то мне за спину.

Я обернулся.

Там на стене висел лист бумаги с неровно выведенными буквами: «Плату вприрет».

— А то много вас ходит таких, — пояснил осьминоид. — А потом ползи, мсти за обман, топи вас в вашей речке-говнотечке. Надоело.

Я вздохнул и протянул ему валерьянку.

Герр Пауль профессиональным движением отвинтил крышечку и опрокинул пузырек в ротовое отверстие.

— Ух! — одобрительно крикнул он и порозовел.

— Ну? — с нетерпением спросил я. — Ну что там?

— Айн момент, — отмахнулся он и нырнул в черные глубины.

«Айн момент» растянулся на минуту, потом на пять, затем на пятнадцать. Через двадцать минут я нетерпеливо похлопал ладонью по воде, а через полчаса снял ботинки, носки и сделал вид, что собираюсь устроить в бассейне постирушки.

Вода забурилась, и на поверхности показался осьминоид с чем-то, напоминающим полиэтиленовую книжонку.

— Ну и что это? — спросил я, разглядывая изображения каких-то клякс.

— Молодой человек! — назидательно поднял щупальце герр Пауль. — В вашем возрасте стыдно не знать, что мужские журналы есть у всех цивили-

лизаций. Хотите, я покажу вам свою коллекцию? В ней есть весьма любопытные экземпляры.

Я вежливо отказался.

— Вот ваш объект, — герр Пауль ткнул щупальцем в одну из фотографий.

Наверное, у жижойдов это считалось очень эротичным. Возможно, судя по тому, как был залапан этот разворот, даже порнографичным. Но я уже сто раз оттирал ковер после того, как Царица Савская изволила передать, так что цветное пятно на мебели меня не впечатлило.

— Ну как? — вкрадчиво спросил герр Пауль. — Вставляет?

— Что? — переспросил я.

— Вставляет? — повторил порномагнат. — Кирдячит? Дюдюкает? Хтангхн гтух? Хочется усики почесать?

— Э-э... — замялся я.

— Ах да! — махнул щупальцем герр Пауль. — Я забыл вашу анатомию и терминологию. Есть желание по...

— Нет! — быстро ответил я, вернул ему журнал и позорно сбежал.

* * *

— Между прочим, он очень обаятельный, — сказала Пенни, задумчиво разглядывая через лупу кулон с бриллиантом. — Обходительный, очаровательный, обворожительный...

— А еще округлый и обширный.

— А? — Она с удивлением подняла один глаз.

Вторым она продолжала разглядывать кулон. Бриллиант был размером с грецкий орех и даже сверкал как-то нахально и развратно.

— Я продолжаю ваш ряд прилагательных на «о», — сухо ответил я, делая вид, что меня не интересует ни этот щедрый дар для Пенни, ни сама Пенни.

— Ах да, от вас же и на день рождения если чего дождешься, так это коробку конфет, которую дарили еще вашей прабабке!

— Я не знал, что вы такая меркантильная.

— Пф! Меркантильная — это когда оказываешь услуги за деньги.

— Мне казалось, что это по-другому называется, — заметил я.

Пенни презрительно фыркнула.

— Для вас все услуги называются одинаково. Никакой личной жизни. И никакой доплаты, кстати!

— А кстати, зачем мистер Жижя приходил? — при упоминании доплаты я обычно сразу меняю тему.

— Просто так, — Пенни пожала плечами, примеряя кулон на грудь. — Хотел узнать, как движется дело.

Я поперхнулся.

— И что вы ему сказали?

— Как обычно, что все в порядке, у вас есть версии, вы их разрабатываете и в ближайшее время сможете представить ему результаты. Вы ведь сможете их представить?

— Ну, э-э...

— Я так понимаю, есть смысл звонить Трехглазому Джорджу?

— Пенни, — тоскливо попросил я, — не могли бы вы...
 — Не могу.
 — Буквально на пару часиков!
 — Увы-увы.
 — Я обещал маме!
 — Я буду приносить цветы на вашу могилу.
 — Я повышу вам зарплату!
 — Ха-ха-ха! — произнесла она без улыбки на лице, однако махнула рукой.

* * *

Мама очень любит ходить со мной на культурные мероприятия: концерты классической музыки, гастроли театра кабуки, лекции приглашенных ученых и прочие облагораживающие действия. Она надевает свое лучшее леопардовое манто, вооружается моноклом и отгоняет от меня вертихвосток, которые хотят украсть у нее единственное сокровище. Тылы нам прикрывает сумка с Царицей Савской — о, сколько проходимок и профурсеток были вынуждены ретироваться, слышав ее шипение!

В этот раз объектом нашего семейного променада стала выставка современного искусства. Вся она заключалась в одном-единственном экспонате, которому посвящался буклет на добрую сотню глянцевого страниц. Две трети его заполняли излияния восторга по поводу уникальности, невероятности, замечательности, великолепия — и всего прочего в высшей степени — этого экспоната. На оставшейся трети располагались фотографии во всех ракурсах и даже, кажется, снятые изнутри.

Признаюсь честно, хотя и со жгучим стыдом и с болью в сердце, что я не поклонник современного искусства. А уж этот экспонат — по сообщению буклета, любезно предоставленный для выставки таинственным меценатом — был больше всего похож на цветную бесформенную кучу.

Мама в таких ситуациях всегда сокрушается, что я пошел в отца — грубого, неотесанного мужлана, который не мог отличить Мане от Моне, Гегеля от Бебеля, а Эйнштейна от Эйзенштейна. А также мою маму — от той крашеной сучки, к которой впоследствии и ушел. Я обычно не перечу: в конце концов, стоит признать, папенька действительно не отличался тонким вкусом. Оставшаяся после него коллекция элитного алкоголя на деле оказалась омерзительной ядерной паленкой.

В общем, обычно на таких мероприятиях я тоскую и считаю минуты, но сегодня уныния как не бывало. Я просто не успел приунуть. Таинственный меценат скромно маячил в углу, прикрывшись буклетом, но эта маскировка его не спасла. Мама направилась в его сторону, тараном раздвигая посетитель и волоча меня за собой на буксире.

— О, это просто великолепно! — воскликнула она, подкравшись к меценату.

И оглушительно чихнула.

Тот вздрогнул и выронил буклет.

Его огромная непричесанная борода топорщилась во все стороны, напроочь скрывая лицо.

— Очень приятно, — невнятно пробормотал он.

Борода дрогнула и поползла ему на грудь. Он нервно схватился за нее рукой, затянутой в скрипучую лайковую перчатку.

Я чихнул тоже.

* * *

Ждать в темноте музейного зала мне пришлось недолго.

— И снова здравствуйте, — сказал я. — Я же предупреждал вас о при-
сохшем клее. А постижерная смесь очень плохо ложится на свои же остатки.

Робот замер, выронив из манипуляторов накладную бороду.

— Тем более что вас надули, — продолжил я. — Вам продали бороду из
запасников местного драматического театра рептилоидов. А у тех аллергия
на синтетику и волосы гуманоидов. Вот и делают из кошачьей шерсти.

Робот как-то совершенно по-человечески вздохнул.

— Я так и знал, — печально сказал он. — Я так и знал, что у нас ничего
не получится. Я же ей говорил!

— Не надо, Вольфганг, — вдруг прозвучал за моей спиной мелодичный
голос.

Я вздрогнул и обернулся.

Уникальный, невероятный, замечательный, великолепный — и все про-
чее в высшей степени — экспонат медленно стекал со своего постамента,
переливаясь всеми цветами радуги.

— Это была только моя идея, — сказал он. Или... она?

— Миссис... Жижка? — прохрипел я.

— Надеюсь, ненадолго, — ответила она. — Сколько требуется време-
ни, чтобы пропавшего признали умершим?

— Человека — двадцать лет, но жиждоид... я не знаю, не в курсе меж-
планетного права по таким вопросам. Да какого черта! Что вы тут делаете?

— Экспонируюсь, — она сделала то самое движение, которое я когда-
то идентифицировал у мистера Жижки как пожатие плечами. Но у нее оно
выглядело... элегантнее?

— Хорошо, будем продвигаться чуть медленнее, чем я планировал, —
согласился я. — Какого черта вы экспонируетесь?

— Мадам, я не могу позволить, чтобы вы пострадали, — вмешался
робот. — Я возьму всю вину на себя.

— Вольфганг, погодите. Молодой человек, вы знаете, кем я была до
брака?

— Ну-у... — я замялся. — Порнозве... снимались для мужских жур-
налов.

— Верно. А знаете почему?

— М-м-м... Деньги?

— Отчасти. Поначалу. Я же когда-то была балериной. Не смотрите
так, — грустно рассмеялась она. В тишине зала словно рассыпались хру-
стальные шарики. — У нас тоже есть балет.

— Извините, — пробормотал я, представив балет жиждоидов и содрог-
нувшись от столь ужасных видений.

— Я была балериной, но травма... А жить без сцены...

— Порножурналы, — вернул я нить беседы.

— А это тоже сцена. Почему нет? Это тоже искусство! Если можно
красотой сделать кого-то счастливым хотя бы на пару секунд... А разве я не
красива?

— Вы невероятны! — восхищенно пробормотал робот.
— А муж запретил вам это? — догадался я.
— Вы же были у нас дома, — грустно сказала она. — Он запретил мне все.

— И вы решили сбежать? Таким образом? Вы что, думаете, что ваш собственный муж не признает вас тут? Голой?

— Мадам не голая! — возмущенно воскликнул робот.

Я сделал ему знак замолчать.

— Не надо, Вольфганг, — сделала она успокаивающий жест. — Он не обязан разбираться в нашей одежде. Мой муж ненавидит искусство. Он никогда не увидит меня.

— А его... друзья? Ваши сородичи?

— У нас в мире нет скульптуры. А мои сородичи мало интересуются тем, чего нет в их мире.

— Но если вдруг?

— Поживем — увидим, — вздохнула она.

— Я должен отвести вас к вашему мужу, — сказал я.

— Но...

— Но?

Ее голос меня завораживал. Мне почему-то вспомнился несчастный гномий оркестр в стене.

— Вы еще стоите здесь и разговариваете, а не тащите меня к нему. Значит, есть какое-то «но». Но?

— Но я не знаю, — честно признался я.

Она снова поднялась на пьедестал.

— Скажите, разве это плохо? — спросила она, приняв позу. Это было похоже на радужный гриб-трутовик.

— Я ничего не понимаю в современном искусстве, — ответил я.

— А в красоте? — мягко спросила она. — Вы же не можете ничего не понимать просто в красоте?

— Я не знаю.

Она перетекла в скульптуру женщины с веслом.

— А так?

— Возможно, — согласился я.

— Вы ничего не понимаете в красоте, — подтвердила она. — Первый вариант был гораздо лучше.

* * *

Мистер Жижа недавно снова женился. Как оказалось, в двадцатый раз. По бывшей жене он горевал ровно неделю — до тех пор, пока не обнаружил, что кто-то взломал бульдозером стену его дома и выкрал гномий оркестр из двенадцати персон и старого робота-дворецкого.

К радости мамы, я теперь выписываю буклеты выставок современного искусства. И складываю в особую папочку те, где принимают участие экспонаты из коллекции таинственного мецената.

Контору свою я пока прикрыл. Думаю, что еще лет десять проживу на бриллианты, преподнесенные благодарным гномьим королем.

Тем более что этот мистер Жижа увел у меня Пенни.

Татьяна БЛЕЙЗА

КОЛЬЦО СВЕТА

Р а с с к а з

- Подсудимый, вы признаете свою вину?
- Нет. Я не убивал этого человека.
- Истан, маг из ордена Света, подсудимый говорит правду?
- Нет...

Поспешный удар судейского молотка.

— Подсудимый приговаривается к смертной казни через четвертование.

Истан открыл глаза, откинул влажное тяжелое одеяло, сел и в отчаянии обхватил руками голову. Когда это наваждение его отпустит? Когда он перестанет слышать скрипучий голос судьи и хриплый, сдавленный — обвиняемого? Ну и пусть этот человек *тогда* никого не убивал! Зато убил многих других! И вообще, мог бы просто признать вину, и Истану не пришлось бы принимать такое сложное решение...

Хотя почему сложное? Истан поступил тогда правильно.

В очередной раз он, как заклинание, проговорил про себя слова наставника Стелиана: «Это же Влад — наемный убийца из гильдии Серых Плащей. Если его сейчас отпустить, он продолжит губить невинных. Ты должен помочь нашему ордену добиться справедливости. Просто подтверди, что Влад виновен. Это и будет твоим посвящением. Ты ведь так об этом мечтал!»

Мечтал. Но теперь юный маг панически боялся ночи, ведь именно во тьме его начинали терзать воспоминания и сомнения — а верно ли он тогда поступил?

Истан горестно вздохнул. Потом вскочил с постели, оделся, вышел в узкий коридор, немного потоптался на месте и спустился по скрипучей лестнице в трактир. Там он заплатил за кружку пива, сделал несколько торопливых глотков и стал изучать постояльцев. Рассматривать особо было некого: в дальнем темном углу за бутылкой крепкого атила сидел одинокий мужчина, а неподалеку от стойки трое парней пили пиво и громко хохотали.

Один из них, встретившись с Истаном взглядом, призывно махнул рукой. Юный маг немного поколебался, но все-таки подошел к шумной компании и сел на свободное место.

— Приветствую тебя, — подозвавший его парень дружелюбно улыбнулся. — Что, тоже не спится? Может, сыграем в карты? А то нам как раз игрока не хватает.

— В карты? — Истан замялся. — Даже не знаю...

Возвращаться в пустую комнату и снова без сна ворочаться в постели не хотелось, но он прекрасно помнил устав Светлых магов, где совершенно ясно был прописан запрет играть на деньги.

— Нет, — Истан с сожалением покачал головой. — Я не могу. Вы лучше вон того мужчину позовите.

— Да он какой-то слишком хмурый. — Парень оглянулся и с неприязнью посмотрел на одинокого постояльца. — Даже подходить к нему боязно.

Истан тоже повернулся в ту сторону — и у него мгновенно вспотели ладони, а в висках шумно запульсировала кровь. Серая походная куртка с кашононом, пепельно-русые, едва касающиеся плеч волосы. Это же... Нет! Не может такого быть! Влада казнили, а этот человек просто похож на него. Или еще хуже — совсем непохож, а у Истана начались видения...

— Эй! — словно издали донесся голос парня. — Что с тобой?

Истан хотел ответить, что все в порядке, но не смог. Вместо этого уперся дрожащими руками в стол, медленно поднялся и, так и не выдавив из себя ни слова, бросился к выходу.

Тяжело и прерывисто дыша, он выскочил на улицу, захлопнул за собой дверь и остановился.

Снаружи царила тьма. Непроглядная и опасная.

Маг на ощупь спустился с крыльца, выровнял сбившееся дыхание и, спотыкаясь, отправился в темноту в надежде, что она поглотит его вместе с этими бесконечными страхами и сомнениями. Но в результате просто уткнулся в высокий деревянный забор. Он прислонился спиной к шершавой поверхности и закрыл глаза. Отчаяние сдавливало грудь, не давало дышать.

Ну почему так? Почему ему всюду мерещится казненный наемный убийца? Почему не дает покоя правильное, хоть и вынужденное, решение?

Юноша запрокинул голову и стал смотреть вверх. Глаза постепенно привыкли к темноте, и скоро он смог разглядеть крышу трактира с непонятным флюгером и высокое дерево с толстой нижней веткой. Ветка торчала так призывно, что Истан явственно увидел на ней веревку с петлей, а в петле — себя, вцепившегося сведенными судорогой руками в узел на шее, с раскрытым в немом крике ртом.

Да что же это такое?! Маг отчаянно замотал головой, отгоняя наваждение. Видение исчезло, но стали подкрадываться жуткие мысли: «А может, лучше так? Избавиться от ночных кошмаров и постоянного напряжения... Перестать повторять судьбе свое роковое “нет” и вести в голове бесконечные разговоры с наставником...»

— Великий бог Света, всемогущий и справедливый Корс Арта! Не оставь меня! Не дай проявить слабость и совершить страшный проступок! — Он срывающимся голосом забормотал слова молитвы и зажмурился, чтобы увидеть внутренним взором бога Света и справиться с искушением.

И тут, словно в ответ на его отчаянный призыв, послышался скрип двери. Маг открыл глаза и с надеждой посмотрел на трактир.

Ночную тьму уже сменяли предрассветные сумерки, и он увидел, что на крыльцо вышел... Влад! Внутри все оборвалось. Этого просто не могло быть! Неужели наемник после смерти превратился в жестокого духа мести и теперь пришел за Истаном?

Перед глазами все поплыло. Могильный холод вцепился когтями в еще пока живое тело и затряс его безудержной дрожью.

Дух направился в сторону юного мага... Нет, если бы Влад был духом мести, он бы материализовался из ночного мрака, а не вышел из трактира. Скорее всего, он каким-то чудом избежал казни, нашел Истана и сейчас убьет его.

Тогда все правильно. Пусть по-своему, но Корс Арта помог своему слуге не наложить на себя руки. Теперь тот примет заслуженную кару от человека, которого сам обрек на лютую смерть.

Влад подошел совсем близко, остановился напротив и зловецким голосом произнес:

— Ну что ж, Истан, маг из ордена Света, вот мы и встретились!

Ужас парализовал все тело Истана. Язык онемел. Юноша хотел закричать, но не смог, только слотнул судорожно и зачем-то кивнул.

— Пришло время отвечать за произнесенную ложь.

В равнодушных глазах Влада Истан увидел свою смерть — холодную и неотвратимую. Маг обреченно смежил веки. Вымалывать пощаду — бесполезно, просить прощения — уже бессмысленно.

— Как я понимаю, ты едешь в Туилин-Карас?

Истан, не ожидавший такого будничного вопроса, вновь открыл глаза, в изумлении уставился на Влада и еле слышно пробормотал:

— Да. Я там при храме теперь служить буду...

— Не будешь, — резкие слова прозвучали как приговор. — Ты сейчас отдашь мне свое магическое кольцо, и тебя не пустят на порог ни в одном храме!

— Кольцо Света?! — отчаянно выкрикнул Истан. — Я не могу! Все что угодно, только не это! Я не маг без своего кольца!

— Да ты и сейчас не маг. Ты трус. Ты узнал меня еще в трактире и сбежал во двор. Ты видел, как я шел к тебе, но не использовал магию, чтобы меня остановить. Так что магического кольца ты не достоин.

Влад грубо схватил Истана за руку и сдернул с его пальца кольцо Света. Оно соскользнуло неожиданно легко.

У Истана все поплыло перед глазами. С неммым ужасом он смотрел на мерцающий серебристым светом ободок на ладони у Влада и не мог даже пошевелиться.

— Я же сказал, что ты не маг, — Влад сжал кулак, и мерцание исчезло. — Для настоящего мага его кольцо дороже жизни. Он пойдет на все, лишь бы не утратить его. А на что готов ради кольца ты? Да ни на что! Сейчас развернешься и побежишь обратно в трактир. Будешь радоваться, что избежал смерти. И проведешь всю оставшуюся жизнь ничтожеством, даже не осознав, что потерял.

— Неправда! — Истана затрясло, как от лихорадки. — Я тоже на все готов!

— Хорошо, — Влад пристально посмотрел на него. — Давай проверим. Я верну тебе кольцо, если ты проведешь меня в храм Света в Туилин-Карасе. И сделаешь это накануне праздника Солнца. Ну как? По рукам?

Еще не до конца веря, что есть надежда все исправить, Истан отчаянно закивал.

— Да уж... — Наемник спрятал кольцо за пазуху. — С красноречием у тебя как-то не очень. Ну да ладно, так даже лучше. Не будешь надоедать болтовней в дороге... Собирайся и поехали!

Как же хотелось спать! Глаза закрывались, ныла левая нога, еще вчера натертая стремящем, от выпитого рано утром крепкого кофе горчило во рту. Или это не от кофе, а от ночного пива? Истан заерзал в седле, не сдержавшись, зевнул и украдкой посмотрел на Влада.

При свете дня Серый Плащ уже не казался таким страшным. И, в отличие от Истана, совсем не выглядел невыспавшимся, хотя тоже бодрствовал всю ночь. Интересно, он не обманет и отдаст кольцо? И зачем ему надо в храм? Хочет кого-то в нем убить?

Юноша поежился от страшной догадки. Если так, у него в запасе всего три дня, чтобы получить ответы на свои вопросы и придумать, как не дать Владу попасть в храм Света, но при этом получить обратно свое кольцо...

— Влад... — тихо окликнул Истан. — Можно тебя спросить?

— Спрашивай.

— А зачем тебе надо в храм Света?

— Не твое дело.

— А ты раньше бывал в Туилин-Карасе?

— Тоже не твое дело.

Вот и поговорили.

Маг облизнул пересохшие губы и с тоской посмотрел на палящее солнце. К горечи во рту добавилась противная тошнота. Истан с надеждой вглядывался в линию горизонта: когда же закончатся эти унылые поля и впереди затемнеет полоса прохладного леса? И тут... неужели ему почудилось? Это же дома! Точно! Перед лесом ведь должна быть деревня. А в деревне можно попить воды и умыться, купить еду или, еще лучше, зайти поесть в местный трактирчик.

Истан повернул голову к Владу и заискивающе, стесняясь самого себя, пролепетал:

— А может, остановимся перекусить? Тут таких вкусных карасей в сметане жарят. Заодно кони передохнут и поедят...

— Уже проголодался?

В голосе Влада звучало такое удивление, что маг отвел глаза и даже, наверное, покраснел.

— Да не особо. Просто пить очень хочется. Чего-нибудь холоденького.

— Выпить чего-нибудь холоденького? — Наемник задумчиво посмотрел на Истана и неожиданно кивнул: — Ладно. Давай заедем.

Карасей в сметане не оказалось, но после нескольких ложек наваристой янтарной ухи горечь и тошнота исчезли, и даже нога перестала ныть. Истан жадно выхлебал свою порцию и, не сдержавшись, вытер хлебом миску. Облизнув губы, он поднял голову и встретился с насмешливым взглядом Влада, который неторопливо доедал кусок белого козьего сыра.

— Наелся?

— Угу, — маг удовлетворенно кивнул.

— Тогда надо выпить чего-нибудь холоденького.

Наемник встал из-за стола и отошел к трактирщику. Истан, сытый и умиротворенный, смотрел, как Влад о чем-то попросил, как трактирщик замотал головой и развел руками, но, увидев на стойке две золотые монеты, тут же закивал и побежал на кухню. Интересно, о чем они разговаривали? И за что Серый Плащ заплатил так дорого? Сплошные вопросы.

Влад дождался трактирщика и вернулся к столу с двумя стаканами, миской, в которой искрился колотый лед, и бутылкой атила. Он насыпал лед в стаканы, откупорил бутылку, налил поверх льда темно-коричневый, почти черный атил и подвинул один из стаканов Истану.

— Это мне? — Юный маг недоверчиво прикоснулся к холодному стакану и тут же отодвинул его в сторону. — Но мне нельзя его пить!

— Ты же просил чего-нибудь холоденького.

Влад крутанул свой стакан в руке и, не дожидаясь, пока растает лед, сделал глоток.

— Я имел в виду морс или сок.

— Ты уже взрослый мальчик. Пора учиться пить что-нибудь покрепче.

Истан покраснел так, что зажгло щеки. Да что этот Влад знает об уставе магов Света? В нем столько ограничений! И на алкоголь тоже. Можно одну-две кружки пива, но атил точно нельзя. И возраст тут ни при чем.

Вот только отказываться было как-то неудобно... Влад ведь старался. Купил эту дорогущую бутылку. Истан сам виноват — не объяснил внятно, чего хочет. И еще... он ведь всегда мечтал попробовать атил. Когда заходил в трактир, всегда с завистью смотрел, как богатеи небрежно цедят вождеденный напиток. Может, воспользоваться случаем и попробовать? Совсем чуть-чуть. Буквально два-три глоточка. Просто чтобы знать, какой атил на вкус...

— Ну да. Жарко сегодня, — невпопад пробормотал Истан и, делая вид, что не замечает насмешливого взгляда, потянулся за стаканом.

Горло обожгло так, что из глаз чуть не брызнули слезы. Юноша закашлялся, замотал головой, но, едва отдышавшись, упрямо отхлебнул еще. На этот раз все прошло намного легче — приятный холодок во рту сменился привкусом дорогого сыра и орехов. Истан удовлетворенно выдохнул. Медленно, подражая Владу, допил оставшийся атил и с гордостью поставил опустевший стакан на стол.

— А может, все-таки морс?

Истан сделал вид, что не понял издевки:

— Да ладно. Не надо. Пусть лучше будет атил.

— Атил так атил, — Влад положил в стаканы еще льда и долил напиток почти доверху. — Все равно скоро гроза, лучше переждать ее в трактире.

С чего он решил, что будет гроза? Весь день солнце сияло в чистом небе. Но спрашивать было лень. И двигаться стало лень. Истан только на миг представил, что придется вскарабкиваться в седло, трястись по пыльной дороге, — и тут же передернул плечами, а рука сама потянулась к запотевшему стакану.

Где-то вдалеке грохотал гром. Или это гремело у Истана в голове? Нет. Судя по яркой вспышке молнии за окном, все-таки гроза... Маг облизнул пересохшие губы и попытался самому себе объяснить, почему лежит на жесткой лавке и как вообще на ней очутился.

Лучше бы он об этом не вспоминал! Ведь не зря великий Корс Арта запрещает пить атил магам Света. В здравом уме Истан ни за что не рассказал бы Владу, как над ним потешались приятели, когда он свалился с лошади и сломал нос, как он безответно влюбился в дочку пекаря, и самое главное — про ночные кошмары и разговор с наставником Стелианом про него, Влада. Теперь Истан подставил не только себя, но и своего доброго учителя!

Безжалостная петля отчаяния сдавила шею. Маг сжал губы в безмолвном стоне, обреченно откинул голову и... с размаху ударился затылком о стол. Вместо безмолвного стога получился громкий и жалобный крик. Истан дернулся от боли и свалился с лавки на пол.

Кое-как сдерживая всхлипы, он осторожно вылез из-под стола и услышал оглушительный смех: по одну сторону стойки стоял трактирщик, по другую — Влад, оба смотрели на неуклюже поднимающегося Истана и хохотали.

От обиды юноша ничего не смог сказать. Медленно, держась за уши-бленную поясицу, он подошел к стойке, не спрашивая разрешения, схватил кувшин и стал жадно глотать воду. Свежую. Вкусную. Холодненькую! Вот ее и надо было пить на обед вместо атила.

— Утолил жажду? — участливо спросил наемник, наконец перестав хотеть.

— Угу.

Истан поставил кувшин на место и в замешательстве стал двигать стоящие рядом пивные кружки. Как вести себя с Владом после своих пьяных откровений, он не понимал. А еще ему было страшно — так страшно, что покалывало в животе и все плыло перед глазами. Скорее всего, Влад специально его напоил, чтобы вызнать всю правду о том суде. И у него это получилось так же легко и непринужденно, как и все остальное. И что этот человек сделает теперь? Убьет наставника Стелиана?

— По-моему, твой приятель намекает, что хочет пива!

Истан шархнулся от громового, бьющего по голове голоса трактирщика и исподлобья посмотрел на Влада.

Судя по всему, убивать наставника Стелиана тот пока не торопился. Он достал из увесистого кошелька горсть серебряных монет и, не пересчитывая, небрежно бросил их на стойку:

— Это за ночлег. Для меня и моего незадачливого приятеля.

— Но у меня только одна комната сейчас свободна, — с нескрываемым сожалением пробормотал трактирщик, метнув красноречивый взгляд на помятого и бледного Истана. — И постель там свежая и чистая.

— Говоришь, свежая и чистая? — Влад тоже оценивающе посмотрел на своего спутника. — Ладно. Переночуем в одной комнате. Боюсь, далеко мы все равно сегодня не уедем.

— Хорошо! Сейчас покажу! — радостно засуетился трактирщик и снял с пояса ключ. — А утром могу вас пивом напоить.

Истан судорожно глотнул, пытаясь справиться с подступившей от мысли о выпивке тошнотой.

— Не надо пива, — Влад едва заметно усмехнулся. — Лучше парного молока приготовь.

Проснулся Истан от судороги в ноге. Он приоткрыл глаза и снова их закрыл. В окно заглядывало утреннее, еще сонное солнце, по подоконнику беззаботно скакал воробей, где-то совсем близко кукарекал петух. Голова, как ни странно, не болела. Но от этого было еще хуже. Уж лучше бы он мучился похмельем, чем так ясно осознавал глубину бездны, в которую провалился. Впрочем, нет, не бездны — помойной ямы.

Истан грустно вздохнул, попытался отогнать удручающие мысли, но те исчезать упорно не желали, и даже наоборот — нарастали как снежный ком.

А в довершение всего в памяти всплыл пренеприятнейший эпизод вчерашнего падения с лавки. Как наяву, юный маг увидел трясущиеся от хохота щеки трактирщика и дрожащие бусины четок, которые держал в руке не менее громко смеющийся Влад.

Так! Стоп! Темно-красные бусины, перстень с крупными камнями... А кольца Света у наемника на пальце не было. Понятно, что оно Владу нужно только для того, чтобы использовать юного мага, но все равно странно... Будь кольцо у Истана, он сразу его надел бы.

«Интересно, где Влад прячет кольцо? За пазухой? Но не спит же он в дорожной одежде!»

Истан осторожно приоткрыл один глаз и медленно повернул голову в сторону своего спутника. И тут же, забыв про осторожность, дернулся так, что едва не уронил подушку.

Влад мирно спал, отвернувшись к стене. Его правая рука свешивалась с кровати. Сползшее одеяло открывало изрезанную белыми зигзагами спину.

Но это же луч Света! Вернее — много лучей. У Истана тоже есть такая отметина — на правой голени. Но у него совсем тоненький, едва заметный шрамик, а тут...

Маг передернул плечами, вспомнив, как из любопытства решил попробовать на себе мистический луч Света, про который так много и с пафосом рассказывали учителя. Как с гордым и серьезным видом стоял, окруженный приятелями, когда специально приглашенный, окончивший в прошлом году школу Грайд направил на него кольцо и прошептал короткое заклинание...

Мелькнула белая вспышка, и ногу Истана обожгло так, что он завopil от нестерпимой боли. Ему показалось, что его кожу распорили острым ножом и тут же плеснули на рану уксуса. Не переставая орать на всю школу, он схватился за ногу, не удержался, упал. В глазах потемнело. Окружающий мир перестал существовать. Остались только Истан и сводящая с ума боль...

Очнулся он уже в кровати. Ему намазали голень целебной мазью, но даже она не смогла полностью избавить от мучений. Целых три недели Истан прихрамывал и не мог спать из-за судорог, а на месте ожога вздулся волдырь, из которого еще долго сочилась липкая сукровица.

Но если Истан попал под луч из-за собственной самонадеянности, то как такое могло случиться с Владом? Ведь ударить таким лучом Светлый маг может, только если ему самому или тому, кто нуждается в его защите, грозит смертельная опасность. Судя по количеству шрамов, за наемником гнался десяток магов. Но как им могла грозить опасность, если били они в спину?

Истан недоуменно хмыкнул и попытался тихонько встать, но тут Влад повернулся и посмотрел на него тяжелым мутным взглядом. Магу сделалось не по себе.

Наемник приподнялся на руках, мотнул головой, сел, и глаза его стали обычными.

— Доброе утро, — тихо, почти шепотом поздоровался юноша.

— Угу, — сипло ответил Влад и закашлялся.

— Как спалось? — вежливо спросил маг, когда его спутник перестал кашлять и потянулся за рубахой.

— Нормально. Надеюсь, тебе тоже.

— Влад, я хотел спросить... Что это?

— Где? — Тот посмотрел себе через плечо, потом с удивлением перевел взгляд на Истана.

— Ну, там... у тебя на спине. Шрамы. Это от лучей Света?

— Ты что, как девчонка, меня разглядываешь? — Влад надел рубаху и встал с постели.

Истан смутился, не зная, что ответить.

— От лучей Света, — наконец буркнул Влад. — Ты разве сам не видишь?

— Но как такое могло случиться? Ведь маг может их использовать, только спасая жизнь. И одного удара вполне достаточно, чтобы остановить врага, но при этом не убить.

— Ты где этих сказок начитался? — насмешливо спросил Влад.

— Нас так в школе учили.

— В школе? Наставник Стелиан?

Голос у наемника был такой язвительный, что Истан ничего не ответил. Просто молча кивнул.

— Разные книжки вы с наставником читали. Очень разные. Я бы даже сказал, противоположные.

Влад вздохнул, застегнул ремень с ножнами и шагнул в сторону двери:

— Идем завтракать. И так день потеряли.

Истан хотел быстро и проворно вскочить, но запутался в одеяле и едва не упал. Под снисходительным взглядом Влада он кое-как оделся и прошмыгнул в коридор.

Узкая тропа петляла между вековыми дубами, где-то в вышине порывами шелестел влажный ветер. Влад ехал впереди и внимательно вглядывался в нависший над тропой лес. Истан делал вид, что тоже ищет невидимую, но тайно поджидающую их опасность, хотя на самом деле просто крутил головой. Да и что могло с ними здесь приключиться? Разбойники в этих краях не водятся, нежить из спрятанного в чащобе болота при свете дня не выплзает... Сейчас куда важнее было придумать, что делать дальше, вот только сосредоточиться никак не получалось. В голове снова и снова всплывал утренний разговор с Владом.

Почему Серый Плащ спросил про наставника Стелиана? Конечно, Влад теперь знает, что это по указанию... нет, не указанию... по просьбе наставника Истан обманул судьбу. И еще...

Резкий свист оборвал его размышления. С вершины одного из деревьев спикировала ядовито-зеленая виверна и приземлилась на тропу перед магом, готовая напасть. Скакун Истана испуганно заржал и взвился на дыбы. Юноша от страха выпустил поводья и вцепился коню в гриву, но тут летучая тварь пронзительно закричала, судорожно замотала толстым длинным хвостом с ядовитым шипом на конце, развернулась и бросилась на Влада.

Истан успел заметить глубоко засевший в основании хвоста кинжал. А когда его конь перестал бить по воздуху передними копытами и встал на четыре ноги, увидел, что виверна уже мертва.

Огромное, неподвижное, но все еще пугающее тело лежало поперек тропы. Влад, с мечом в руке, успокаивал своего хрипящего жеребца.

У Истана закружилась голова. Ничего не соображая, он сполз с седла и на негнувшихся ногах подошел к бездыханному монстру. От пережитого ужаса тряслись руки и гудело в ушах.

Смерть сегодня подобралась так близко. Юноша даже успел почувствовать ее холодное дыхание. И кто же смог ей противостоять и спас его? Тот, кого он сам когда-то незаслуженно послал на казнь! Как же так вышло?

Маг поднял глаза на Влада. Тот уже сунул меч в ножны и совершенно спокойно, словно прикончил надоедливую шершня, а не одно из самых опасных чудовищ на материке, смотрел на Истана. Надо было что-то сказать. Что-то очень важное и значимое. Но Истан не мог. Ком в горле не давал произнести ни слова.

— И долго ты так будешь стоять? — Резкий голос Влада прозвучал как пощечина. — Это всего лишь виверна. Самая обычная и даже не очень крупная.

Истан зажал ладонью рот, чтобы не разрыдаться.

— Успокойся. — Наемник забрал у него поводья и хлопнул его по плечу. — Все в порядке. Ты жив и невредим. Возьми себя в руки.

Юноша обхватил коня за шею и прижался лбом к влажному мохнатому боку.

Он простоял так целую вечность. На смену страху пришли неловкость и стыд. За собственную никчемность, испуг, а самое главное — за то, что даже не смог выразить признательность своему спасителю. Когда конь стал нетерпеливо постукивать копытами, Истан наконец опустил руки и повернулся.

Трупа виверны на тропе уже не было. Юноша испуганно завертел головой и облегченно выдохнул, увидев вышедшего из-за кустов Влада.

— Пришел в себя? — Серый Плащ сорвал большой лист лопуха и вытер им руки.

— Вроде да. — Маг отвел взгляд и стал разглядывать сидящую на ветке птицу.

— Дальше сегодня не поедем. Я присмотрел поляну неподалеку. Она в низине, и ручей рядом течет. Там и переночуем.

— Переночуем в лесу?! — Истана снова затрясло.

— Да, — спокойно и буднично ответил Влад. — До темноты все равно в город не успеем. Виверны живут поодиночке и очень хорошо охраняют свою территорию. Думаю, ты и сам это заметил. Так что никакая опасность нам здесь пока не грозит.

Истану очень не хотелось провести ночь неподалеку от виверны, пусть даже и мертвой, но выбора у него не было. Он только подавил тяжелый вздох и обреченно кивнул.

— Ну вот и договорились.

Влад взял обоих коней за поводья и уверенно пошел сквозь кусты в глубину леса. Маг поплелся за ним следом.

Хворост для костра Истан собирал долго — приходилось постоянно оглядываться, чтобы не потерять из виду поляну. Вздрагивая и озираясь от каждого шороха, он наконец набрал большую охапку и вернулся к месту ночевки.

Расседланные кони паслись, привязанные к дереву. На краю поляны горел небольшой костерок. Влад сидел у огня на подстилке из лапника, вращая вертел с нанизанной на него птицей. Что это за птица, Истан не знал, но пахло жаркое так, что, несмотря на пережитый ужас, есть захотелось просто до умопомрачения.

Юноша аккуратно сложил хворост около костра и тихо спросил:

— Что еще надо сделать?

Влад махнул рукой за спину и, не отводя взгляда от дичи, ответил:

— Иди умойся в ручье и возвращайся. Скоро готово будет.

Истан наскоро ополоснул руки и лицо холодной водой и поспешил обратно на поляну. Достал из дорожной сумки каравай, нарезал его крупными ломтями. Немного посомневался, но все же извлек заветный мешочек с марципановыми конфетами и положил рядом с хлебом.

Влад уже снял птицу с вертела, разрезал ее и протянул половину своему спутнику. Мясо было очень горячим и жестковатым. Истан ел его жадно, обжигаясь и перебрасывая из одной ладони в другую.

Насытившись, он положил в рот конфету, вытер руки о траву, прикрыл глаза — и тут же дернулся, как от тычка в спину. Стоило сомкнуть веки, как перед ним возникла оскаленная пасть виверны с раздвоенным языком и длиннющими клыками.

Вокруг уже начала сгущаться темнота. Она выползала из леса, обволакивала кусты, стелилась по траве. Ей неподвластен был лишь небольшой клочок земли на краю поляны, с треском и пощелкиванием отвоеванный костром.

Истан тяжело вздохнул и протянул руку к огню. Судя по всему, заснуть ему сегодня не удастся. Тепло ласково лизнуло его пальцы. Маг хотел подбросить в костер веток, но не мог оторвать взгляд от язычков пламени и своей мелко, противно трясущейся руки.

— Возьми. — Хриплый, глухой голос вывел его из оцепенения.

Истан посмотрел поверх огня и увидел, что Влад протягивает ему небольшую фляжку. Даже не спрашивая, что это, маг взял ее и послушно сделал несколько глотков.

Напиток показался ему немножко кисловатым, но после него сразу стало легче и спокойнее.

— Спасибо. А что это?

— Успокаивающий отвар, — Влад положил несколько веток в огонь, и темнота попятилась обратно в лес. — Я его пью, чтобы кошмары не снились.

— У тебя тоже бывают ночные кошмары? — встrepенулся Истан.

— Бывают. — На лице Влада промелькнула усмешка. — Есть на то причины.

— Влад... — Юноша замялся, но пересилил себя и продолжил: — Огромное тебе спасибо! Я даже не знаю, как отблагодарить тебя...

— За что? — В голосе наемника прозвучало искреннее непонимание.

Истан удивился:

— Ты ведь спас меня! Рисковал своей жизнью, но все равно бросился на выручку...

— Ничем я не рисковал, — Влад поворошил угли, и вверх взлетел снопок искр. — Справиться с виверной не так уж и сложно. А про то, что спас... Ну убила бы она тебя, и где бы я искал того, кто проведет меня в храм?

Истан усиленно заморгал, якобы от попавшего в глаза дыма.

— Тогда прости меня, — неожиданно вырвалось у него.

— А это за что?

— Ну, тогда... на суде. Нельзя мне было на тебя наговаривать... — Истан замялся, но все-таки продолжил: — Просто... я думал, так будет лучше.

И наставник Стелиан... Он очень переживал, что не получится покарать настоящего убийцу того парня, но решил, что будет правильно казнить того, на чьей совести много невинных жертв. Для торжества справедливости...

Хохотал Влад долго и заливисто. Истан даже успел сделать еще несколько глотков отвара из фляжки — его мучила жажда. Хотелось зажмуриться, провалиться в пустой, исцеляющий сон, а проснуться снова в придорожном трактире, с кольцом на пальце.

— Да уж! Прополоскал тебе мозги наставник, — Влад наконец успокоился. — Мастерски он это сделал. Молодец!

— Наставник Стелиан самый лучший и справедливый. — Маг с упреком посмотрел на наемника. — Он всегда все делает правильно.

— Ну кто бы сомневался! — Серый Плащ забрал у Истана фляжку и спрятал ее за пазуху. — Вот только справедливость так и не восторжествовала. Убийцу не поймали, меня не казнили. Где тут справедливость? Значит, не всегда твой наставник бывает прав.

— А почему тебя не казнили?

— Потому что не смогли.

— Что значит — не смогли?

— Истан, — голос у Влада стал вкрадчивым и завораживающим, — по-твоему, кто я такой?

— Наемный убийца из гильдии Серых Плащей, — помолчав, ответил маг. — Они убивают людей за деньги, а сами всегда остаются непойманными.

— Верно, — кивнул Влад. — Вот только убивают они не просто за деньги, а в тех случаях, когда человек совершил преступление и остался безнаказанным. И еще. Серые Плащи — это не шайка преступников. Как и в любой другой гильдии, у них есть свой устав, свои правила, своя взаимовыручка. Поэтому, когда я оказался... скажем так, в затруднительной ситуации, мои товарищи меня спасли. Вот поэтому я на свободе и хочу наказать того, кто меня подставил.

Истан хотел заступиться за наставника Стелиана, сказать, что тот никого не собирался подставлять и беспокоился только о безопасности других людей... Но вместо этого лег на лапник, закрыл глаза и провалился в глубокий сон.

Разбудила мага сорока, которая о чем-то громко прострекотала над самым его ухом и, шумно захлопав крыльями, улетела. Истан открыл глаза и недовольно поморщился.

Утро выдалось промозглым и туманным. Юноша зябко поежился, помассировал затекшую руку, повернулся на бок — и тут же вскочил как ужаленный: ни Влада, ни коней на поляне не было. Волна страха, такая же влажная, как туман, поползла по спине. Что он будет делать один в этом опасном и глухом лесу? Его сожрут дикие звери! Он умрет от...

От чего именно он умрет, Истан придумать не успел: кусты зашевелились и из них вышел Влад, ведя за собой коней. Маг облегченно выдохнул и едва не зашелся в истерическом хохоте. Два дня назад ему и в голову не могло прийти, что он будет так рад увидеть того, кто преследует его в ночных кошмарах.

— А я думал, ты до обеда проспишь.

— Да какое там «до обеда», — Истан улыбнулся. — Я привык рано вставать. У нас же на рассвете ритуал — приветствие Корса Арты, так что долго валяться в кровати не получается.

— Ты сразу после школы в храм служить пошел? — Влад накинул поводья на ветку и стал распутывать гриву своего коня.

— Да. Меня наставник Стелиан позвал. А недавно он в Туилин-Карас переехал. Ну и я за ним следом... Я один вообще первый раз еду. И в лесу никогда не ночевал.

Маг задумался. А может, попробовать отговорить наемника от мести? Ведь не такой уж он злой и жестокий.

— Влад, ты, конечно, об этом не знаешь, но, если человек не держит в душе зла и прощает того, кто ему навредил, он становится сильнее. Его душа делается чище и светлее, а сам он...

— А почему тогда твой сильный и светлый наставник Стелиан не простил меня? — вдруг перебил юношу Влад. — Да еще и попытался убить чужими руками! Или его душа уже настолько светла и чиста, что ее не испачкать ложью и жестокостью?

— Что ты такое говоришь?! — Истан от возмущения перешел на крик. — Он не думал о себе! Он хотел спасти других людей... от тебя.

— И для этого убил того бродягу и обвинил меня в этом? Вот уж воистину способ достойный мага Света!

— Ты все врешь! — Маг рассердился так, что даже перестал бояться Влада. — Наставник Стелиан, наоборот, всем помогает. И он настоящий маг Света, а маги Света никогда — слышишь, никогда — не вредят другим!

— И никогда не врут?

— Никогда!

— Значит, ты сам, по собственному желанию, послал меня на казнь? За преступление, в котором я не был виновен? Искренне?

Истан растерялся и не нашел, что сказать. Он знал, точно знал, что наставник Стелиан всегда все делает и говорит правильно. А Влад ведь сам признался, что он Серый Плащ, убийца. Вот только почему-то не убил Истана, а спас... Да, он сказал, что сделал это из соображений выгоды, чтобы юноша провел его в храм. Но с его-то умениями и с кольцом Света он и без чужой помощи мог туда попасть.

Влад тем временем перестал возиться с конем и повернулся к магу. Под его презрительным и холодным взглядом Истан поежился, отвел глаза, проворчал, что ему надо умыться, и поспешил к ручью.

До обеда путники пробирались по лесу, а потом выехали в поля. Туман к тому времени рассеялся, и Истан почувствовал себя бодрее. Он расправил плечи, приосанился и сосредоточенно думал, что же ему делать дальше.

Глупо было надеяться, что наемник откажется от мести, и пытаться пробудить в нем великодушие. А что, если попытаться в городе улизнуть от Влада, найти наставника Стелиана и предупредить его? Это же замечательная идея! Истан обещал только помочь Владу попасть в храм. Что ж, обещание он выполнит. И кольцо обратно получит. А Влад не сможет убить наставника, потому что того в храме не будет!

Юный маг с довольным видом подмигнул пролетающей мимо вороне.

Открыто провести Влада через главные храмовые ворота он не сможет. Но есть еще один вход — тайный. Надо просто побродить вокруг и найти

его. Он наверняка заперт заклинаниями, и, чтобы их снять, Истан возьмет у Влада свое кольцо. Так он заодно и обезопасит себя, чтобы наемник его не обманул... Ну вот. Оказывается, все просто!

Маг победоносно глянул на Влада и тут же отвернулся, чтобы тот не заметил его торжествующего вида. Когда нужно, Истан тоже умел быть скрытным.

К Туилин-Карасу они подъехали совсем поздно, едва успев до того, как городские ворота заперли на ночь. На улицах уже зажгли магические фонари, которые, вместе с освещенными окнами, разгоняли темноту.

— Сюда! — Влад указал на большой дом с закрытыми ставнями. — Здесь поужинаем и переночуем.

Истан поднял голову и прочитал на кованой вывеске: «Черная жемчужина». Это был дорогой постоялый двор с очень сомнительной репутацией. Маг бывал в Туилин-Карасе всего несколько раз, но слышал про него. Вот только никогда не заглядывал внутрь.

— Даже не знаю... — Он неуверенно пожал плечами. — А может, остановимся в местечке попроще?

— Я не спрашивал твоего совета.

Наемник спрыгнул со своего вороного, передал поводья подбежавшему конюху и направился к дому. Истану ничего не оставалось, как тоже спешиться и покорно пойти следом.

В «Черной жемчужине» былолюдно и шумно. Влад небрежно кивнул вышедшему им навстречу мужчине, и тот, услужливо улыбаясь, провел их в небольшую нишу в стороне от столов, где шла игра в карты.

Не успел Истан усесться и осмотреться, как слуга принес бокалы, бутылку атила и большое блюдо со всевозможной едой. Большую часть того, что лежало на блюде, юноша видел впервые, поэтому наугад положил себе в тарелку что-то розовое, похожее на рыбу, и несколько ломтиков сыра. Бросил в бокал три кубика льда, плеснул туда атил, крутанул бокал в руке, сделал большой глоток, положил в рот сыр и стал рассматривать зал.

Посетители шумели, играли и пили. Между столами сновали слуги с подносами.

Недалеко от Влада и Истана разместились компания из трех мужчин и двух очень привлекательных, но слишком откровенно одетых женщин, одна из которых постоянно заливисто смеялась. Истан загляделся на ее коралловые губы, гладкие плечи, высокую полуоткрытую грудь...

Он с трудом оторвался от этого зрелища, горестно вздохнул, поерзал в кресле, сделал еще глоток, перевел взгляд на следующий стол — и от изумления поперхнулся.

Там сидели несколько картежников, среди которых Истан увидел... Нет! Этого просто не могло быть! Во главе стола сидел наставник Стелиан и сосредоточенно смотрел в карты, которые держал перед собой. Выглядело это чудовищно, однако первым делом юноша подумал о другом.

«А может, броситься сейчас к нему? — мелькнула лихорадочная мысль. — И все рассказать? Но что тогда произойдет?»

Скорее всего, пока они будут разговаривать, Серый Плащ сбежит. Истан останется без своего кольца, а наставник Стелиан по-прежнему

будет в смертельной опасности: кто знает, где потом подстережет его наемный убийца...

— Влад, — Истан прочистил горло, — нам надо срочно и незаметно отсюда уйти!

— Почему? Мы же еще не доели.

— Там... наставник Стелиан.

— И что?

— Ну пожалуйста! — Маг умоляюще посмотрел на спутника. — Не надо, чтобы он видел нас вместе.

— Не переживай, — Влад взял бокал и откинулся на спинку кресла. — Во-первых, мы сидим в темном углу, а твой Стелиан — на свету. Во-вторых, он весь в игре и ничего не видит, кроме карт. В-третьих, он вообще подслеповат. Так что нас и не заметит.

Точно! Истан совсем забыл, что наставник плохо видит. Но как об этом узнал Влад?

Наверное, этот немой вопрос был написан у юноши на лице, потому что наемник усмехнулся и объяснил:

— Карты он держит близко к лицу, почти у самого носа. Щурится. Голова неподвижна. Теперь понятно?

Истан кивнул. Вот в чем дело...

— А если внимательно присмотреться к его рукам, — продолжал Влад, — то видно, что твой наставник еще и мухлюет.

Истан вздрогнул, словно ему отвесили оплеуху. Как это — мухлюет? Этого не может быть! Впрочем, ведь и наставник не должен здесь находиться...

— Сам посмотри, — Влад положил локти на стол и теперь заговорщически шептал. — Кольцо у него повернуто камнем внутрь, — это чтобы никто не понял, что он маг. Губы, с нашей стороны видно, чуть шевелятся, — это он заклинание удачи шепчет. Теперь видишь? А говоришь, не мухлюет!

Истан молча смотрел, как его учитель с довольным видом забирает выигранные монеты и делает новую ставку. Но заклинание удачи нельзя использовать для собственной выгоды! Это правило назубок знают все маги Света и всегда его соблюдают...

— Может, он нарочно это делает? — предположил маг.

— Конечно, нарочно. Чтобы выиграть, а не проиграть. — Влад снова откинулся назад и налил себе еще атила. — А как можно это делать случайно?

— Да я не об этом! — с досадой произнес Истан. — Нарочно, чтобы...

Зачем наставнику понадобилось с помощью магии выигрывать за карточным столом, он с ходу придумать не смог, но наверняка причина имелась! Иначе и быть не могло. Но как объяснить это наемнику? Да и какой смысл? Тот ненавидит наставника Стелиана и хочет его убить. Надо срочно переходить к воплощению спасительного плана, времени уже в обрез.

— Влад, — Истан для важности немного нахмурил брови, — мне придется утром одному сходить в город. В храме Света есть потайная дверь, через нее я тебя завтра вечером и проведу. Но мне надо все проверить, осмотреться... Я давно тут не был. Мало ли что...

Юноша старался говорить спокойно и убедительно, но внутри у него все дрожало от волнения, а сердце громко и гулко билось о ребра.

— Хорошо, — неожиданно быстро согласился Влад. — Утром сходишь, а вечером проведешь и получишь обратно свое кольцо.

Истан выдохнул и прикрыл глаза. Еще один день — и он снова обретет свободу. Остается только рассказать все наставнику, чтобы тот придумал, как спастись от мести Влада.

— Ты что, заснул?

— Нет, конечно. — Маг стал тереть ладонью глаза. — Просто задумался...

— О чем?

Истан, чтобы выиграть время, сделал большой глоток атила, внимательно посмотрел вглубь зала и глубокомысленно ответил:

— Да так. Жду не дождусь, когда снова надену свое кольцо.

Он предполагал, что наемник сейчас опять или посмеется над ним, или скажет что-то грубое, но тот, к его удивлению, ничего не говоря, достал из-за пазухи кольцо и положил его на стол. И лишь потом спросил:

— Что это?

— Мое магическое кольцо.

— Правильно. Магическое кольцо. Кольцо магов Света. А что будет, если его надену я? Я что — стану тогда Светлым магом?

— Нет, конечно! — Истан едва не рассмеялся. — Чтобы стать магом, надо знать заклинания и уметь использовать силу Света, надо служить богу Корсу Арте, надо...

Юноша замолчал. Надо жить по уставу магов Света. Вот что следовало сказать дальше. Но он не смог.

— Кольцо — всего лишь проводник силы. — Голос Влада звучал как приговор. — А куда и на что ее направить, решает тот, кто ею владеет. Дело не в кольце, а в тебе. В твоей совести. В том, как ты видишь ситуацию. И какое принимаешь решение.

Наемник убрал кольцо, залпом допил свой атил и встал из-за стола:

— Пойдем. Завтра нас ждет непростой день.

Яркое белесое солнце било в глаза, но Истан упрямо смотрел вверх — на серебряный купол храма Света. Всего два месяца назад он с замиранием сердца стоял в храме, слушал добрые напутственные слова учителей, а магическое кольцо как-то особенно красиво мерцало у него на пальце. Как давно это было!

— Истан! Как хорошо, что ты приехал! А я уже начал волноваться.

Юноша вздрогнул, услышав знакомый, родной голос. Он обернулся и увидел улыбающегося наставника Стелиана.

Ну наконец-то! Теперь рядом есть тот, кто поможет принять верное решение.

— Наставник! — Истан облегченно выдохнул. — Вы даже не представляете, как я рад вас видеть. Только... я очень прошу, давайте зайдём во двор! Мне надо срочно с вами поговорить.

В отличие от Влада, наставник не стал спорить и задавать странные вопросы, а просто кивнул, обнял Истана за плечи и повел во внутренний двор храма. Там они сели на лавочку под цветущим раскидистым деревом, и юный маг, запинаясь и перескакивая с одного события на другое, поведал о своих злоключениях.

— Ты все правильно сделал, — серьезным голосом сказал наставник, когда Истан замолчал. — И самое правильное — что пришел со мной посоветоваться. Я тебе сейчас скажу, что надо сделать, а ты внимательно слушай и запоминай.

От реки пахло тиной и тянуло сыростью. Где-то в камышах недовольно крякали утки. Темные облака, проплывая, пытались утащить за собой солнце, а оно пряталось от них в реку.

— Ты уверен, что подземный ход начинается здесь? — Влад стоял у небольшой пещерки, спрятанной в густом кустарнике, и разглядывал темнеющий провал. — Что-то далековато от храма.

— Здесь, — закивал Истан. — Это специально так сделали, чтобы никто не догадался. Только... Влад... ты точно все оружие оставил в «Черной жемчужине»? Если ты с ним в храм войдешь, то погибнешь!

— А ты разве сам не видишь? — Влад пристально посмотрел на мага.

— Вижу. Но мало ли... — Юноша отвернулся и стал разглядывать блики солнца на воде.

— Держи.

Истан повернул голову и увидел на раскрытой ладони Влада свое кольцо.

— Бери его и открывай проход.

Осторожно, все еще не веря своему счастью, Истан взял кольцо, с замиранием сердца зажал его в руке, а затем надел на палец. Наконец-то! Наконец-то оно снова у него...

— Ну вот и молодец!

Маг вздрогнул, поднял голову и с изумлением увидел спрыгнувшего с обрыва и подходящего к ним наставника Стелиана. Откуда он здесь взялся? Они ведь совсем по-другому договаривались!

Все это было странно. И еще более странно было видеть в руке у наставника меч — острый, поблескивающий в алых лучах закатного солнца.

— Не ожидал увидеть меня здесь? — вкрадчиво спросил наставник.

Истан замотал головой, но тут же понял, что спрашивают не его, а Влада, который все так же стоял у входа в пещеру — спокойный, невозмутимый... и совсем безоружный.

От нехорошего предчувствия у юноши по спине побежали мурашки. Происходило что-то неправильное, нечестное. Но что он мог сделать? Ничего...

— Подержи-ка, — наставник Стелиан снял с пальца свое магическое кольцо и кинул его Истану. — Мне надо закончить одно дельце.

Истан послушно подхватил кольцо наставника, сжал его в кулаке — и тут его словно ударила молния. «Вы никогда не сможете убить человека, если на вас надето кольцо Света».

Как же так?!

Время вдруг стало медленным и тягучим. Наставник бесконечно долго поднимал меч, а перед глазами у Истана тем временем мелькали картинки и звучали обрывки фраз.

«Просто подтверди, что он виновен». Стук молотка. Приговор: «Смертная казнь через четвергование». Хриплый кашель. «Разные книжки

вы с наставником читали...» Треск костра. «Я его пью, чтобы кошмары не снились». Гул голосов. «Дело не в кольце. А в тебе. В твоей совести».

— Раук! — срывающимся голосом выкрикнул заклинание Истан и поднял руку с кольцом.

Луч Света вылетел из камня и хлестнул по наставнику Стелиану. Тот закричал, споткнулся и, выронив из рук меч, покатился по берегу. Следом за ним не смог сдержать крик боли и отчаяния сам Истан.

Да. Он знал, что если направит луч на Светлого мага, то его собственное кольцо разлетится на куски. Но по-другому просто не смог...

Юноша зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел лежащего на песке наставника и склонившегося над ним Влада.

Сейчас наемник возьмет меч, взмахнет им — и...

Но Влад лишь перевернул Стелиана, проверил его пульс, удовлетворенно кивнул и посмотрел на Истана.

— Ты убьешь его? — Голос мага дрожал.

— Нет. Я и не собирался этого делать. Зачем?

— Но ведь ты сам сказал, что хочешь наказать...

— Наказать не значит убить, — перебил наемник. — Просто убить Стелиана — легко и неинтересно. Это была бы бессмысленная месть, а не возмездие. А вот лишить его послушного и преданного ученика, статуса, магической силы — это куда как веселее! И справедливее. Да и тебе, как мне кажется, все, что случилось, лишь на пользу.

— Я был тебе нужен, чтобы наказать Стелиана?!

— А ты сам как думаешь?

— Думаю, что так...

— Ну вот, ты уже научился думать. Это хорошо.

— И что теперь?

— Теперь ты наденешь на палец кольцо Света...

— Его у меня больше нет!

— У тебя есть кольцо Стелиана. Оно теперь твое, он же сам дал его тебе. Потом ты пойдешь в храм и расскажешь, как послушался своего наставника и совершил преступление, а потом раскаялся и все исправил. Стелиан скоро придет в себя, но в храм уже не вернется. Его все равно оттуда прогонят. А тебя немного пожурят, но простят — как раскаявшегося. Так что все будет хорошо.

— А ты?

— А я поеду по своим делам.

— Но... как же я буду жить дальше?

— Думая своей головой, Истан. Поверь мне, это очень помогает.

— Тебе не очень-то помогло! — не удержался Истан. — Если бы не я...

Влад усмехнулся и вынул из-за голенища кинжал.

— Даже не сделай ты верный выбор, поверь, я смог бы себя защитить.

Он сунул руку за пазуху, достал оттуда фляжку и протянул Истану:

— Держи. Это чтобы не мучили ночные кошмары. Вдруг пригодится.

— Точно, пригодится, — прошептал Истан, прижимая фляжку к груди и глядя вслед уходящему Владу.

Евгений ВИТЧЕНКО

ИЗ ЦИКЛА «ЗИМНИЕ СТИХИ»

* * *

Сестре

Перед приходом нашим сдвинут
Столы и окна будут настезь
Во двор и мертвые нас примут
За угощением и нате
Вокруг стола родные люди
Никто из них не стал моложе
Чем был а по сусекам лютый
Мороз и ужинаем позже
Обычного скорей застолье
Кутья поминки что угодно
С которых пор уж в этом доме
Холодном ждали нас и вот мы
Не важно ни число какое
Ни сколько времени не важно
Забытый аромат левкоя
Пьянит чуть-чуть и будоражит
Пять комнат коридор направо
Войдешь и за стеклом аптечка
В буфете старом это правда
Что память слишком быстротечна
Но воскресима этот запах
Как будто ключ от всех шкатулок
И дворец маленьких но завтра
Забудется наш переулок
И этот дом и этот вечер
В кругу семейном и какое
Число лишь аромат аптечный
Дикорастущего левкоя

* * *

Смотритель кладбища, небрежно
Одетый русский господин,
Всегда один он неизбежно,
Катастрофически один.

С утра еще — осенний морок,
Заладил дождик: кап да кап.
Смотрителю едва за сорок.
На ужин — студенистый карп.

Он все проверил. Запер двери.
С собакою и с фонарем
Все осмотрел. Здесь даже звери
Не вхожи в их ночлежный дом,

Не то что люди. Здесь на плитах
И выпить есть, и закусить.
Но у него с собой пол-литра.
И можно всласть поколесить

В своих химерах. Так, бывало,
Возьмет он свой велосипед
И повернет не там направо —
Вот и приехали. Тот свет.

Воображает, как привольно
Ему задышится в раю...
И умирать совсем не больно,
И смерть — как будто дежавю.

И ветер всей охапкой листьев
Обдаст лицо, не пожелтев,
В земной еще, не прошлой жизни
На кладбище Сент-Женевьев.

* * *

...и винный этот смех
перебродивший в укус
ухмылки на губах
опустошенный сядешь
под сливами и там
в листы свои потупясь
с отточенным пером
и азбукой не сладишь...

...в инфарктной духоте
рифмованной латыни
зальется соловей
умеющий по-русски
торопишься сказать
и в спешке запятые
теряешь и песок
в часах для пущей грусти...

...ну что тебе еще
на тему сельской жизни
в душливом раю
где русский соловей
что надави чуть-чуть
на ягоду и брызнет
Юпитерова кровь
Исусовой красней...

* * *

...И в самом деле, мчишься вниз
На детских саночках с обрыва...
И на мгновенье, но завис
Над миром. Над картиной мира.
Что успеваю уловить?
Что фокус зрения мой смазан.
Что (хирургическую!) нить,
Как пуповину, режут сразу,
Затем накладывают швы
На рассеченный лоб по краю
Неровному. Что миражи
Реальной яви, полагаю.
Как ангелы, в халатах шьют
Смертельно белых. Что бесплотен
Там, за спиною, парашют.
И, значит, я уже в полете.
Обрывки облака. Туман.
Снежок, почти что погребальный.
Что чувствую теперь? Что пьян.
Толчок подземный пятибалльный.
Что просыпаюсь. Выхожу,
Приговоренный, из наркоза,
По стрелкам вниз. По чертежу
Эвакуации. Но поздно.

* * *

Душа истощена.
Две-три еще затяжки
Весенним — допьяна,
До порванной тельняшки.

Как полиэтилен,
Легко мое дыханье.
И ничего взамен.
Вернее, только камни

В обеих почках. И
Довольно минералки.
То — всё мои грехи,
То — всё твои припарки.

И хватит выключать
Свет дня перед глазами!
Часть речи — только часть.
И то не мы сказали,

А жил один поэт...
Из ленинградцев. Умер.
И тянешь нараспев
Строку, в которой зуммер.

* * *

Во мгле сырой, гортанной,
Лишь сердца стук под курткой.
И звуки фортепьяно.
И на столе окурки.
И тоненькие тени
Двух тополей в гостиной.
И простенькие темы
Плохого пианино.

Они без вариаций,
Те темы на пластинке.
Но я готов сорваться,
Как в воздухе пылинки,
По комнате, по жизни,
На лунный свет сквозь тюль... И
Подолгу снег ложится
На комнатные стулья.

Наталья ТАРАСОВА

ТРЕБУЕТСЯ ХРАНИТЕЛЬ

Р а с с к а з

У этой сосны никогда не было доброй судьбы. На ее коре не вырезали свои имена влюбленные, дети не вешали на сильные молодые ветки канатов и не качались, хохоча во все горло. Не трогали ее теплые руки, никто не запрокидывал голову, ухая и восторгаясь красотой ствола. Не вырастали поблизости сестры-сосны, не тянули к солнцу тоненьких рук. В густой кроне ее не селились птицы. Только ворон в последнее время зачастил, да и то лишь ради удовольствия подразнить старика, живущего в доме поблизости.

Посеревший от возраста, ворон нашел глупую забаву и каждое утро теперь тревожил пустые ветви сосны, пригибавшиеся под его тяжелым телом. Противно скрежетал по стволу клюв, противно впивались твердые когти в живую плоть дерева, мерзко шелестели перья на крыльях. Ворон оглядывался, неприятно кашлял раз-другой, пробуя голос, и наконец сильно и нагло раскатывал звонкое «ар-р-р» по округе. И каждый раз утро отзывалось тяжелым эхом, а погода — и злобной человеческой руганью.

Сосна пыталась стряхнуть дурную птицу с ветки, но ни разу не удалось, ворон держался крепко. А на звук его голоса из дома выходил страшный и странный старик, белая голова его мелькала среди зеленых кустов сирени, тяжелые шаги стучали по тропинке, и резкий человеческий крик разрывал тишину летнего утра.

Не первый день проклятая птица доводила старика до бешенства хриплым карканьем. Спроси кто, не ответил бы, что так злило в этих звуках. Разве только виной тому было людское глупое поверье о птице, приносящей дурные вести? И без того с начала лета тревожило его что-то, давило в груди предчувствием беды, тошнотой подкатывало к горлу. Когда совсем допекало, принимался перебирать в уме хозяйственные дела: все ли сделано, учтено, нет ли где недогляда, — и не видел своей вины ни в чем. А ночами не спалось, и днем нет-нет да и защемит сердце...

А тут еще карканье это с ума сводит!

Сейчас в руке старика лежал увесистый осколок красного кирпича, но высмотреть супостата все никак не выходило. Выждав пару минут, старик сдался. Отвернувшись и приложив свободную руку к пояснице, он похозяйски оглядел двор. Серый покосившийся сарай полуслепым оконцем выглядывал из-за стены такого же серого, старого рубленого дома. В этом дворе редко бывали гости: жители поселка не любили и не доверяли этому месту и его хозяину. Больно уж смущала людей буйная яркая зелень, в которой утонул этот кусок земли с ранней весны до поздней осени. Еще не

пробьется первая травка в полях, а здесь уже тонкий зеленый ковер прячет серую землю, лезет сквозь щели забора, травит душу запахом. Едва чудом сохранившаяся береза под окнами поселковой многоэтажки обвешается сережками — а за забором старика уже первые листья развернулись, дрожат на майском ветру. Да разве же это по-людски?

— Кх-ар-р-р!

Резкий вскрик вывел старика из задумчивости. С трудом разогнувшись, он повернулся и наугад запустил кирпич в дерево. Что-то среди ветвей зашуршало, щелкнуло, под ноги старику посыпались сухие веточки. Ворон сорвался в полет с другой стороны дерева, вслед ему потянулись тяжелые проклятия.

— Спилю я тебя, — наконец выплюнул старик, погрозил кулаком сосне и неторопливо пошел к дому, чуть подволакивая левую ногу.

До крыльца не дошел: над забором появилась голова парнишки. Увидев хозяина, он открыто, до глупости доверчиво заулыбался, но раздраженный взгляд старика согнал улыбку. Губы парнишки вытянулись трубочкой, глаза сузились, он повел головой из стороны в сторону и глухо просипел:

— Мамка кла-аняться-а велела, пирожо-очек испекла!

На тропинку шлепнулся кусок грязи, парнишка за забором гыкнул и пропал. Старик постоял, ожидая чего-то, обдумывая, потом рявкнул уверенно, точно зная, что его услышат:

— Кузьма, отца сюда позови! — и, не дожидаясь ответа, пошел дальше.

Обогнув дом, старик вышел к небольшому огороду. Аккуратный ряд грядок с дружными и сильными всходами моркови и лука, светлые листья молодой капусты, чистые, ухоженные тропинки, ровно отделяющие молодые заросли малинника от строчки виктории, набирающей цвет, вызвали на лице хозяина лишь кривую усмешку. Он долго стоял, сцепив руки за спиной, и, недобро щурясь, оглядывал кусочек земли, на которой редко работал сам. Две или три весны за всю его жизнь выдавались такими холодными, что земле нужно было помочь проснуться, и то делал он это без души и охоты. И этим летом его радовало, что земля обошлась без его помощи. Однако, утверждая свою человеческую волю, он все-таки взялся и раскорчевал один из разросшихся кустов пионов, да так и бросил его, разоренный с одного бока. Выпрямился, дернул головой, приняхиваясь, и, не оглянувшись, ушел в дом. Не успевшие расцвести бутоны застыли на сухой тропинке, муравьи сновали по ним, собирая невидимые капельки незрелого сока.

Какое-то время в огороде было тихо. Но вот налетел ветер, прозвенел туго натянутой над грядками бельевой веревкой, обогнул домишко, стукнулся раз-другой в дверь. Та согласно заскрипела, будто открываясь гостю, хлопнула, снова распахнулась и еще раз шлепнулась о косяк. Из-под крыльца выглянула облезлая грязно-пятнистая кошка, замерла, прислушалась, подрагивая тонкими ушами, и шмыгнула к забору. Ветер прощелкал ветками молодой сирени, словно пересчитывая их, прошуршал мелкими камешками на тропинке, ведущей к калитке, запутался в тонких ветках вишенки, растущих по обе ее стороны, и исчез.

Натягивая на плечи легкую куртку, с крыльца спустился старик.

— До магазина схожу, — по привычке бросил он через плечо. — И чтобы тихо мне тут было! Кто придет — пусть ждут.

За калиткой старик остановился, спрятал руки в карманы. Тропинка, деловито пробегающая мимо его дома, вела к поселку, от которого он давно

отгородился своим одиночеством, лишь изредка выбираясь за продуктами да за газетами, чтобы было что почитать перед сном. Но сейчас старик смотрел в другую сторону — туда, где за тонкой полосой поля бежала речка. Его тянуло к ней, тянуло властно, как будто дело требовало спешки. Он все топтался на месте, все медлил, не желая верить своим чувствам, а его подталкивало в спину, дергало за рукава, теребило штанины — да иди же, иди! Порыв ветра рванул капюшон куртки, бросил в спину мелкий мусор, подхваченный с лужайки, лисой обернувшись вокруг, запорошил глаза пылью. Старик сделал шаг, другой, потер лицо широкой ладонью и, сгорбившись, похромал к реке.

Беспокойная тропинка помогла человеку спуститься по пологому склону к самому берегу небольшой, но живой течением речки. Старик не сразу пошел к воде, сначала огляделся, слегка задрав голову, как делают дальнзоркие люди, потоптался, пробуя, тверда ли под ногами земля, потом неторопко шагнул на каменистый берег.

Беду увидел сразу, да и выглядывать ее не пришлось: две широких колеи толстыми змеями ползли по берегу. Вот остановились, прожали глубокие ямы среди камней, потом машина снова тронулась и ушла за поворот, под тонкие ветви ив, туда, где был удобный широкий выезд. Река волновалась. Противу ветра гоняя волны, она шуршала-стонала камнями, выплескивала брызги-слезки, раздраженно кусала берег. Старик глубоко вздохнул, смиряясь, медленно разулся, закатал штанины и тяжело пошел в воду.

— Не мое уже дело это, дура ты! Скоро надзор поедет, уберет. Стар я для этого, пойми. Что вам всем надо от меня, а? Всю жизнь на вас... и теперь покоя нет... Оставьте меня, дайте дожить спокойно... Ну сейчас... да погоди, не замочи... Не мешай!

Под свое тихое недовольное ворчание старик выбирал из реки тонкую сталь жестокой сети. Попавшие в нее рыбы бились за жизнь, но не каждая уже могла выжить: порванные жабры, искалеченные плавники, вырванные куски плоти, пустые глазницы, — неисчислимы беды, принесенные грубым железом. Самых увечных старик, сжав на мгновение в ладони, выбрасывал на берег, где они быстро затихали, остальных выпускал по течению, наудачу. Река курицей-наседкой вертелась вокруг ног человека, нежно принимая каждую спасенную рыбешку.

Пасмурный день сгущался летними легкими сумерками, когда последний кусок сети вышел из воды и с тяжелым скрежетом лег на камни, а старик опустил в воду кроващие мелкими порезами ладони. Река, забыв и о своем недавнем горе, и о человеке, мягко заскользила по любимому уютному руслу, зажурчала, перебирая прибрежные камешки. Старик сморщился, выпрямляясь, досадуя то ли на равнодушие спасенной, то ли на тянущую боль в пояснице, обулся, скрутил сеть в комок и, не обернувшись, поплелся к тропинке.

У дома его уже ждали. За калиткой вертелся щуплый человечек в потрепанном, широком в плечах пиджаке. На несообразно большой шишковатой голове топорщились остатки волос, на тощей шее пугливо дергался кадык. Гость бросал короткие взгляды на тропку, а чуть завидев хозяина дома, бросился к нему на помощь. Старик отмахнулся, донес сеть до сарая, зашвырнул ее в темноту, медленно обернулся и пожал тонкую ладонь гостя.

— Здравствуй, Федор Степаныч! Звал же? — настороженно и торопливо прострекотал тот, еще бойчее задергав кадыком. — Сын сказал, я с работы сразу к тебе, а тут никого, опять застрял, Нинка волноваться будет, темнеет уж...

— Ну, понесло Якова! Никшни! Дело есть.

Старик подтолкнул гостя по тропинке к сосне, облюбванной вороном. Им не нужно было ее видеть, оба отлично знали, где она и какая, и потому гость, мелкими шажками семеня впереди, искоса, через плечо поглядывал на хозяина, не понимая, чего от него хотят.

— Спилить надо, — коротко бросил старик. — Вызови завтра мужиков, я заплачу. Отсюда — вон туда, забор потом поправлю сам. И на дрова разобрать тут же.

— Спилить, Федор Степаныч? — растерянно протянул гость. — Спилить ее? Да эту красавицу! Как же можно, Федор...

— Не совета прощу! — оборвал причитания хозяин. — Сказал же — заплачу! Нужен будет совет — к умному пойду, а не к тебе. Свет застит только. Другую вырастишь, беда-то. Может, к тому времени я сдохну, мешать вам перестану. Ну, сделаешь?

Гость поник, опустил плечи, втянул худые руки в широкие рукава, отвел глаза, будто стыдясь себя, и кивнул:

— Сделаю. Завтра до обеда жди. Вырежем, как и не было, и пень выберем завтра же, да только знаешь, Федор, не дело это, ох не дело. Спросил бы сначала, поговорили бы, подумали. Что ж ты сразу, горячей рукой-то...

— Спросил бы? — вдруг взревел старик и шагнул к съезжившемуся человечку. — А меня вы спросили, а?! Черта с два! Ну, Леша, скажи мне, что ты спросил у меня тогда? Может, вспомнишь? А я так помню! Про армию ты у меня тогда спрашивал, а про планы мои — спросил? Про то, хотел ли я вековать здесь, ты спросил? Думаешь, я забыл, что глохнуть стали машины под моими руками как раз после того разговора? Думаешь, я не знаю, чьих лап это дело? Спроси-ить! Много ты меня наспрашивал, в угол загоняя! «Пропадем без тебя, погибнем, умрет лес, заглохнет река, иссякнет поле!» Я ж на механика шел учиться, я ж мечтал инженером, мечтал самолеты собирать, а ты что сделал? Спроси-ить!

Старик наступал на гостя, а тот пятился, не оглядываясь, не оправдываясь, лишь все больше вжимаясь в пиджак, совсем теряясь в его тяжелом вороте. Упершись в столб крыльца спиной, он замер, как заяц, схваченный за уши свирепым охотником. Старик навис над ним, злобно выдохнул:

— Спросить его!

Зашуршало вокруг настороженно, тревожно потянулись к людям ветки сирени, старик откинул их резким движением руки.

— Я спрашивал! «Дядя Леша, когда меня в город отпустите?» Спрашивал, все на дорогу глядел, все дни считал, когда позволит дядя Леша уйти. И где я теперь? И где ты? И где тот мальчишка, что придет мне на смену? Тоже песни ему про нужду мурлыкать в уши будешь? Нежить и есть, черти бы тебя... Ненавижу вас: и тебя, и реку, и поле — всех! Провалитесь вы!

Захрустели в пальцах зеленые ветки, охнул-взвизгнул гость, вцепляясь в тяжелую руку старика. Зарычав, тот развернулся и приложил мужчину спиной о столб.

— Фе-др, — вылетело с коротким всхлипом из щуплой груди, — что мне было делать, что-о? Сам знаешь! А ты один такой! А ведь еще можно... — Человечек потянулся к старику, перебирая длинными пальчиками по руке, прижавшей его к столбу, зашептал скороговоркой: — Не поздно, я ведуном тебя сделаю. Немного в тебе открыть осталось. Федор, соглашайся! Федор, я тебе лес отдам, кусок тот, что за рекой... Ты же царем тут станешь, Федор...

— Царство твое — гнилье да болота. Пшел отсюда! — рявкнул старик и толкнул гостя в куст сирени.

Всхлип боли, короткое вяканье, стук калитки — и во дворе повисла мутная тишина, какая бывает после семейной ссоры. Тяжело прошагав по крыльцу, хозяин вошел в дом и запер дверь.

Ни в одном окне в эту ночь не было ни проблеска света.

— Кха-ар-р!

Утро старик встречал на крыльце, с дымящейся кружкой чая в руках. Рассветные лучи бойко разгоняли ночной сумрак, торопя день, и на фоне светлеющего неба четко вырисовывался силуэт молодой сосны, в ветвях которой опять прятался ворон. Но сегодня старика он не раздражал, даже наоборот — каждый хриплый «карр» вызывал довольную усмешку на сухих губах: человек считал последние часы перед освобождением. Вспрыгнула на перила крыльца кошка, мазнула боком по плечу старика и устроилась рядом умываться.

За забором загудела машина, фыркнула, затихла. Послышались мужские голоса, тягучие, ленивые. Загрохотало железо, хлопнула дверца багажника.

— Хозяин! — закричали с улицы. — Спишь, что ли? Степаныч, зарос ты тут совсем кустами, давай мы тебе все выпилим, хоть на мир взглянешь! Да и мы тебя увидим, чудо-юдо такое... Да где он, не помер часом?

— Помрет он, как же. Годи, сейчас выйдет. Не трожь! — резкий окрик, наверное, самому молодому и шустрому. — Без приглашения к Степанычу не суйся, дурак! Чо-чо... А ничо, потом расскажу.

— Заходите! — крикнул старик, пристраивая кружку на перила и спускаясь с крыльца. — Здесь я, идите сюда.

В калитку один за другим прошли три знакомых мужика и один чужой парень. На вопросительный взгляд старика главный в бригаде только рукой махнул: приезжий! Не любили здесь чужих, но деваться было некуда, поселок потихоньку рос.

— Привет, Петро! — почти дружелюбно приветствовал старик бригадира, протягивая ему руку.

— Привет, Степаныч! Чего звал-то? Алексей говорил, дерево свалить хочешь? Так мы перед работой заскочили, чего ж не помочь...

— О, здоровая! — удивился бригадир, когда старик показал ему на сосну. — Крас... Санька, тащи пилу, щас мы быстро!

Последнее обвиняющее «карр» утонуло в визге бензопилы. Сцепив руки за спиной, старик молча следил за тем, как летит светлая стружка из-под ненасытных зубьев. От отчаянно-острого запаха в носу защекотало, стало вдруг холодно и одиноко, и даже вид сорвавшегося с веток ворона не утешил.

Сосна взмахнула ветвями, будто тоже пытаясь улететь, застонала всем стволом, уступая напору железа. Мягко, как изнуренная тяжелой работой девушка, она склонилась над забором, над дорогой, еще цепляясь за воздух пушистыми лапками, вскрипнула раскрывшейся раной и бережно опустила себя в пыль. Мужики, следившие за тем, чтобы ствол не рухнул куда не надо, запереглядывались и захлопали ладонями по карманам: вдруг нестерпимо захотелось курить. Старик скривился, потер грудь там, где вдруг зачастило сердце. Бригадир хотел было что-то сказать, но, посмотрев на хозяина двора, сплюнул и молча кивнул мужикам: пошли, мол.

Огибая застывшую фигуру старика, трое прошли по тропке к калитке, и только новенький парнишка споткнулся о подвернувшуюся под ноги кошку и нагнулся погладить худую серую спинку. Кошка муркнула, выгнувшись, прошла перед ним туда-сюда, протащила хвост по штанине робы.

— А ну-ка, не трожь! — неожиданно раздалось над ухом паренька, и тот испуганно присел, оборачиваясь.

Глаза старика сверкали.

— Убери руки! Не трогай ее! — с отчаянием прошептал хозяин. — Не трогай, парень. А еще лучше — беги теперь отсюда. Она не каждому дается, но раз пошла к тебе... Ой, беги, парень! А будут предлагать — не соглашайся. У тебя ведь есть свои мечты, да? Свои? Так беги! Никого не слушай!

— Саня, где ты там? — окликнул бригадир из-за кустов, и парень попятился, не сводя глаз со старика.

А тот, отодвинув кошку ногой, шел на него, и на губах его замерло еще одно «беги».

Нервы парня не выдержали, он дернулся, развернулся и побежал по тропинке. Старик посмотрел ему вслед, медленно выдохнул и потер лицо.

За забором взвизгнула пила, затихла, снова зажужжала, злобно разрывая день. И вновь затихла, теперь уже резко, будто кто-то заткнул ей пасть. В тишине вкрадчиво прошуршали шины. Старик прислушался, нахмурился и торопливо пошел на улицу — что-то было не так.

На стук калитки обернулся только Санька. Мужики не сводили глаз с двух угрюмого вида амбалов, упакованных в новенькие камуфляжные куртки. Отдвигая руками поникшие ветки сосны, они неторопливо, по-хозяйски уверенно вышли на тропинку. С той стороны упавшего дерева пофыркивала их тяжелая машина. Перед чужаками выскочил Кузьма, счастливо и глупо улыбаясь. Завидев старика, он улыбнулся еще шире и присел, разведя руки в стороны:

— Дядь Федь, я к вам гостей веду! Дядь Федь, они про сетку спрашивали, а я знаю! Дядь Федь, папка вчера говорил. Вот, у него сеть, дяденьки! Папка вчера го...

Сильный толчок в спину прервал его возбужденную речь. Старик успел перехватить парнишку, не дав ему упасть, и тут же подтолкнул в сторону бригадира.

— Мужики, — неуверенно произнес тот, прихватывая Кузьму за худые плечи. — Пацана зачем трогать-то? Он же дурачок. Руки-то при себе держите...

— Петр, уведи всех во двор, — негромко произнес старик. — Дальше я сам. Твою ж, Петр! Быстро! — добавил он, видя, что бригадир колеблется.

И только когда стукнула калитка за спиной, обратился к незванным гостям:

— Чем могу быть полезен, товарищи?

— Товарищ дядя Федор! — с усмешкой ответил один. — Нам тут донесли, что вы чужую собственность взяли. Не желаете ли вернуть?

— Я много чего за свою жизнь брал, не припомню все. Что потеряли вы?

— А сеть мы потеряли, вот что. Такую дорогую сеть, вторую уже за месяц. Не видел ли... товарищ?

— Видал, — старик не стал отпираться. — В сарайке у меня лежат, обе. Только, мужики, вы завязывайте с такими делами. Рыбнадзор снимет — дорого возьмет. Да и не надо так с рекой, бедная она у нас.

— А это уже не твое собачье дело! — подбасил второй, судя по голосу, привыкший командовать теми, кто голос против подать боится, столько немной уверенности было в его фигуре и в старательном усердии выставить себя грозным. Он сделал было шаг к старику, но штанина зацепилась за ветку, и вышло, будто он скромно потоптался на месте.

Старик раздвинул губы в усмешке:

— Не мое так не мое, я ж не спору. Но сеть больше не ставьте здесь. В сотне километров, под Южным, богатая заводь есть, дальше озёра с карасями, на вашей тачке в полдня доберетесь. А тут ловить вам нечего.

— Ты, старик, не умничай, мы сами умные. Неси давай, что взял без спросу! А то...

Первый мужик явно нервничал, что-то чуял, оглядывался, дергал головой, словно за ворот ему муравейник высыпали. Как бы случайно расстегнул молнию на куртке. Неудивительно: в этом углу люди всегда чувствовали себя неуютно. Особенно такие, чужие люди.

— Я-то принесу. Но я предупредил... И еще — пацана не трогайте. Никогда больше. Очень прошу.

— Спрашивать еще тебя будем, ага! Пацана ему жалко, а людей обворовывать нормально! — понеслось ему в спину.

Старик пожал плечами: как скажете.

Заметить, как хлопнула калитка, он успел, но схватить шустрого мальчишку, утрем скользнувшего мимо дернувшейся к нему руки, не вышло. Всклипывая и подвывая, ни за что обиженный дурачок бросился к чужакам, бессвязно мыча и замахаясь чем-то, зажатым в кулаке. Чужак оказался быстрее, ему и надо-то было — чуть податься вперед и с размаху ударить мальчишку по голове. Тонкая фигурка споткнулась о воздух, с коротким криком упала в пушистые лапы сосенки и замерла там.

Стало тихо.

— Да вы что ж творите-то? — зарычал-зашипел старик. — Он же ребенок! Я же просил — никогда! Слабых, значит, любите?

Выпрямившись, старик будто стал вдвое шире в плечах и на голову выше. Глаза его потемнели, руки согнулись в локтях, ладони повернулись к утреннему небу.

Начальственного вида мужик не выдержал, дернулся, в руке его появился небольшой пистолет.

— Стой на месте, дед! — проверещал он по-заячьи. — Стой! У меня брат в Москве, мне ничего не будет, я выстрелю! Не подходи, дурак!

— Я тоже слабых люблю.

Старик сделал несколько шагов, в его руках родился ветер, выскользнул, вольной птицей рванулся вверх, прошел по лицам чужаков, обжигая холодом. Те попятнулись, закрываясь рукавами, но дорогой камуфляж не спасал от ледяных январских укусов. Ветки сосенки запутались в ногах, полезли в кашпоны, дотягивались — отчаянно хлестали по лицу и голым ладоням. Мужики взвыли, а с рук старика уже сходила вторая волна вьюги.

— А слабыми быть — любите?

Выстрел все-таки раздался, но чужакам это не помогло. Ледяные иглы легко прошли сквозь ткань, выстужая прогретые летом тела, осыпая людей и зеленые веточки инеем.

Старик покачнулся, хрипнул чем-то внутри, повернул ладони к чужакам и толкнул перед собой воздух:

— Вон!

Незванные гости не задержались: чуть только дал передышку ледяной ветер — и они ломанулись напрямик через жесткие ветки сосенки, уповая на машину как на единственную защиту.

Где-то дальше по тропинке взрычал еще один мотор.

— Мы полицию... Юрка едет, Степаныч!

Бригадир успел поймать клонящегося к земле старика, успел крикнуть что-то про скорую и про уродов, а не людей, и только потом старик потерял сознание.

— Дядь Леш, а что тут раньше было?

— Село было, Сань. Верховеденское — как тебе название, не слышал, поди? Давно было, потом люди ушли отсюда. Потом вот вернулись. Ты вот приехал. Нравится тут?

— Ну да, лучше, чем в городе. Погулять есть где. На Иванова будут киношку строить, а рядом — торговый центр, мне пацаны говорили. У Кольки отец взял этот... подряд на отделку... чего-то там. Думаю тоже к нему податься, руками-то работать хорошо!

— Хорошо! А давай я тебя электрике научу, а? Сейчас самое то! Потом на разряд сдашь, на себя работать будешь. А чего ты ржешь, я серьезно! Думаешь, я эти современные штуки не знаю? Я тебя такому научу — никто не научит! Такие вещи в этой голове, у-у-у!

Худощавый мужичок постучал по шишковатой голове кривым пальцем, больше похожим на тонкую веточку. Парень хохотнул:

— А чо, давайте! Я люблю такое.

Они помолчали, будто подписывая договор. Тихо текла перед ними речка, мягко плескалась, выбираясь на каменистый берег, бережно собирая мелкие камушки и утаскивая с собой на глубину.

— А это... Все спросить хочу. Федор Степаныч-то... У мужиков травмат же был, не боевое. Сильно ударило его?

— Степаныч... — вздохнул мужичок. — Сердце не выдержало. Ему ж прямо в грудь прилетело. Где-то что-то замкнуло, или этот... тромб оторвался. Да и возраст все-таки... Жалко Степаныча. Ох и дед был! Перед смертью все о той сосенке вспоминал.

Вспоминал, как цепляла она из последних сил чужаков, не давая им шагу ступить. Как приняла в мягкие лапы мальчишку. Как не пустила машину в поле, сплетая умирающие ветки под колесами, пока полиция не поспела...

Мужичок шмыгнул носом, потер глаза не очень чистым рукавом пиджака.

К сидящим на бревне людям подошла худая серая кошка. Парень взял ее под живот и посадил к себе на колени.

— Дядь Леш, а мне вот тогда привиделось, а? Никому ведь не расскажешь — решат, что дурак. А все-таки... Федор Степаныч... он что-то такое тогда сделал? Непонятное, а? — Парень смутился, смешался, натужно хохотнул: — Не, ну ладно, показалось, чо...

Они опять помолчали, только кошка завела громкое мурлыканье.

— Видел, значит, — произнес наконец мужичок. — Не показалось. Знаешь, эта река может умереть... И поле... И лес...

Наталья РЕВКОВА

ПОПУТЧИК

Р а с с к а з

Солнце катилось в гору, малогабаритный автобус чихал и конвульсивно дергался, многоголовая толпа пассажиров угрожающе колыхалась над счастливыми, которые тихо потели на сидячих местах. Ах, июнь, всем надо за город!

Я оказался из условно счастливых, а потому несчастные давили на меня физически и морально, жарко вздыхая над моей низко склоненной головой. Глаза поднимать я не собирался. Смысла-то встречаться с полными укоризны взглядами двух притиснутых ко мне дородных теток, груженных сумками, сумочками и сумищами?

Телефон разрядился, и развлекался я тем, что уворачивался от качающейся руки, явно теткам не принадлежащей (раздавили они, что ли, ее хозяина?). Рука была толстая, волосатая, в синеватых разводах татуировки. Пазик трясло, и она норовила заехать мне то в нос, то в глаз.

«Татушки» на сосискообразных пальцах были здорово размытыми, и я никак не мог понять, что же они изображают. Может, толстяк пытался их сводить? Вот батька мой в розовой юности наколол имя «Люся», а потом женился на Вале и давай эти буквы уксусной эссенцией...

Автобус накренился, и татуированная рука поймала меня за голову, впечатывая ухом в стекло!

— Ты че! — заорал я. — Козел одноклеточный!

Ухо мое горело, прямо на ходу распухая в вареник.

Меж тетками втиснулась бритая голова и, багровея от натуги, уставилась на меня круглыми злыми глазами. Я увидел, как натянулась золотая цепь на мощной шее, и сразу явственно осознал, что было наколото на толстых пальцах случайного попутчика!

Толстяк раздвинул теток и оскалится.

Был он на две головы выше меня, каждый кулак — с кочанчик ранней капусты.

«Все, — обреченно подумал я. — Следующая — конечная, мы выйдем, и он меня заставит за козла ответить. И в лесу прикопает».

Мне вдруг стало так холодно в этот жаркий июньский полдень, что я икнул.

Автобус неожиданно проявил солидарность и тоже икнул, проседая на задние колеса. На меня повалились обе тетki, сверху их придавил «одно-клеточный», и я обрадовался, что не доживу до конечной.

Изогнувшись из последних сил, я попытался воззвать к кондукторше, и тут в лицо дохнуло жаром. Я сам себе не поверил: на нашу заднюю площадку, проломив крышу, втиснулась летающая тарелка. Небольшенькая такая. На одного.

Вокруг тарелки осталось пустое пространство, сантиметров сорок с каждой стороны. Видно, ее охраняло какое-нибудь поле, вроде гравитационного.

— А-ах? — только и сумел просипеть я.

Остальные пассажиры сплюснуто промолчали.

Я задыхался, придавленный тетками и толстяком, но глаз от неопознанного объекта оторвать не мог.

Инопланетная штукавина была больше похожа на мультиварку, чем на тарелку. Только вместо панели управления наличествовал круглый люк с кнопками-шариками. Пока я их разглядывал, кнопки замигали, люк открылся, и из него выглянул синий червеобразный уродец.

— Ура, земляне! — проквакал он. — Играем? Мир или война?

Инопланетянин прямо из груди вытащил белый кубик, который тут же превратился в шарик, и подбросил в трехпалой руке.

— Кидаю: кубик — мир, шарик — война. Угадываем, земляне! Или вам всем хана вместе с вашей планетой! — Он направил на меня синий палец и изобразил, что стреляет.

В автобусе повисло сдавленное недоумение.

Инопланетянин снова подбросил свою игрушку, и она тут же превратилась в пирамидку. Он поморщился, потряс рукой, заставляя фигурку вернуться к форме шарика.

— Шулер! — прошипел толстяк.

Я сразу ему поверил: рыбак рыбака...

— Почему мы? — неожиданно тонкими голосами задребезжали тетki.

— Логика протокола! Земляне должны сами сделать свой выбор. Иначе — мгновенная утилизация всех и сейчас без предварительной сортировки! — осклабился синий и обвел глазами пассажиров. — Тарелка пишет! Голограмму потом к делу пришьют! Кто тут главный?

Он ткнул пальцем в левую тетку:

— Ты, человек! Ты ближе — ты выбираешь!

— Я не хочу! — затрепыхалась тетка. — Я не умею! Мне не надо!

— Не хочешь — твое дело, — хмыкнул инопланетянин и щелкнул пальцами.

Тетка пожелтела, потом позеленела... и вдруг слизью стекла на меня и соседку, а с нас — закапала на пол.

Дышать сразу стало легче: слизь запаха не имела, а вес сидящих на мне уменьшился примерно на треть. Однако меня это совсем не обрадовало.

Инопланетянин тем временем ткнул пальцем в другую тетку, которая раньше мостилась на моем правом колене, а теперь усиленно ерзала, закапываясь между мной и толстяком.

— Человек, теперь ты выбираешь! Мир или война?

Несчастная женщина перестала трепыхаться. Желудок мой сдавило от жалости: лицом тетка была просто вылитая теща, но есть ситуации,

когда пожалеешь и маму жены, особенно если сидишь с нею в одной очереди в морг.

Синий уродец нахмурился — кожная складка нависла над круглыми, похожими на шарики от пинг-понга глазами. Его пальцы угрожающе зашевелились.

— А-а! — завывала тетка.

— А-а! — попытался протестовать я.

Нет, я, конечно, трус, но нельзя же вот так, щелчком пальцев, решать судьбу всего человечества! Сначала одна тетка — в желе, потом другая... А потом кто? Я?

— Это же баба! — рявкнул толстяк и замер, испугавшись собственной громкости.

Инопланетянин удивился — глаза его слегка вылезли из орбит.

— У вас же тут вроде женоправие? — спросил он и занес пальцы для щелчка.

— Э-это на бум-маге... — Язык мой в ужасе цеплялся за зубы. — Н-нет у бабы такой функции — в-выбирать!

Тетка подвывала, кивая головой. Желе из ее товарки испуганно колыhalось на толстом боку.

Инопланетянин вытянул средний палец, дотронулся до виска жертвы.

Тетка взвизгнула, и звук в ней сломался.

От усилия лицо инопланетянина собралось гармошкой: видно, пытался читать, что у бабы в мозгах.

— Функционал, что ли, неполный? — определил он наконец и хмыкнул, перенаправляя палец на меня. — Тогда ты выбирай, человек: кубик или шарик? Кубик — мир, шарик — война! А то я устал. Вот устройю сейчас превентивно конец вашей планете!

Он подбросил шарик, и я лишился дара осмысленной речи.

— Не-е! — толстяк с силой подался вперед, вонзаясь локтем мне в грудь и частично приводя в чувство. — Ему никак нельзя выбирать, он же лох, терпила!

Инопланетянин замер. Шарик беспомощно повис в воздухе.

— Что значит «терпила»? — спросил синий уродец, усиленно вращая глазами.

Толстый замычал и покрутил в воздухе пальцами. Неподходящее у него было образование, чтобы читать сейчас лекции по лингвистике.

Инопланетянин задумался, причем надолго. Сумел он выяснить, кто такой терпила или нет, я не понял, но вид у него стал слегка потерянный. Может, и в его кастрюльно-шулерском обществе имелся свой уголовный мир?

— Тогда ты выбирай, человек! — указал он на толстяка.

— Не-е! Мне нельзя, я не пахан! — замахал тот всем телом. — Не проканает твоя запись! Начальство не одобрит! Пахану выбирать положено!

Лицо инопланетянина вытянулось, глаза вылезли так далеко, что показались синие штырьки.

— А где пахан? — спросил он, шевеля глазами.

— Сюда смотри! — толстый ткнул себя пальцем в висок. — Конечная. Турбаза «Уют»!

Инопланетянин ткнул пальцем в висок толстому, и синее лицо озарила улыбка понимания и облегчения — видно, узрел там что-то знакомое.

Он подался назад, тарелка завибрировала и, даже не закрыв люка, ринулась вверх.

Миг — и словно ничего и не было. Только синее небо заглядывало сквозь рваную дыру в крыше автобуса.

— Вы чего там творите?! — донесся запоздалый крик кондукторши.

Толстяк выпрямился, оттолкнувшись от моей груди. Его ладонь со следами наколотых на пальцах «перстней», такая родная и крепкая, оставила влажный отпечаток на моей рубашке. Видно, и ему недешево далась эта беседа.

Пассажиры запоздало заголосили. Уцелевшая тетка разрыдалась. Автобус затормозил на конечной.

Стряхивая слизь, мы вывалились на окраинную улицу, где город кончался, а к лесу тянулись садовые участки. Вывалились и сразу же опять присели, только теперь оттого, что земля внезапно дрогнула и едва не ушла из-под ног. Я сначала подумал о подземном толчке, но вскоре до нас докатился оглушительный грохот. Мы все разом обернулись на звук и увидели, как алое зарево поднимается за ленточным бором.

— Это он турбазу разбомбил для начала? — спросил я толстяка, ощущая запоздалую дрожь во всем теле. — Он ведь туда полетел?

— Полетел. Но не долетел. Видишь, где рвануло, прямо за бором. Там сейчас братва по бутылкам стреляет. Ну и по тарелкам тоже... Пацанам это без разницы.

— Ты его развел?

— А надо было наоборот — чтобы он нас? Не на ту планету нарвался, терпила, нас лохотроном не возьмешь! — Толстяк утер испарину и попробовал улыбнуться мне.

А я — ему.

Александр ПРАВИКОВ

О СИНИЦАХ

* * *

Чем думать о вечном или настоящем,
Я лучше придумаю вам о синицах.
Синицы купаются в желтом, кипящем,
Листают березовые страницы —
Наверное, хочется впрок начитаться,
А то библиотеке скоро сугроб,
Наверное, хочется впрок закупаться,
На долгую зиму хватило бы чтоб.
Антропоморфизм? Ну а что тут такого?
И греки, я думаю, им согрешали,
Когда со звериным и божьим мешали
Свое, человеческое, дураково.
Люблю вас, синицы, а что ваши свисты
Невнятны — оно и с двуногими так.
Трусливы, красивы, остры, голосисты,
Посвищем еще и подразним собак.

* * *

А перед смертью к человеку
Приходит совесть, говорят,
Осматривая деловито
Года, составленные в ряд, —

Как перед выездом на дачу
Выносят вещи в коридор.
Шофер по пробкам, не иначе,
Раз не приехал до сих пор.

Но вот и он. Присели, едем,
Пльвем, точнее. Суета
Стихает. Правда, путь невидим,
Но мы везем с собой кота.

* * *

Князь Петр стар и, кутаясь в халат,
 Пером ведет неторопливо.
 Лакей, наморщенный, как слива,
 В библиотеку вносит шоколат.

Князь Петр пишет лучше с каждым днем.
 Дни, как чернила, высыхают.
 На окнах ставни, их не поднимают.
 За окнами шумит река времен.

На острове живя, почти один,
 Он беден силами и вовсе нищ друзьями
 Уплывшими, но обезьяне
 Из зеркала пока что господин.

Лишь с памятью он может говорить
 Как ранее, изысканно и тонко.
 Река стучится в окна.
 Он думает — пора и отворить.

Песенка простая, как три копейки

Я вовсе не сентиментален,
 Но если приглядишься ты —
 Тут прожжена любовью дырка,
 Как от соляной кислоты.

И если кто-то из любимых
 Не рядом, или что не так,
 Тогда через нее до сердца
 Просачивается сквозняк.

Еще я ей пою тихонько
 (Ты знаешь, так себе пою),
 И ветер входит и выходит
 Сквозь эту скважину мою.

И если кажется снаружи,
 Что я грущу, — я не грущу.
 Я просто — как у Юнны Мориц
 тот ежик — дырочкой свищу.

* * *

Ангел, который отстал от своих,
На подоконнике найден.
Как обратиться? Не знаю я их
Званий... э-э-э, Вертер, Ванадий,

Аминадав... Может, лучше в тепло?
Дома не заругают?
Молча лежит, опершись на крыло.
Смотрит в окно, не мигает.

Гули глядят на него из стекла —
Слопать мечтают, наверное.
Он жил на елке, а елка была
Маленькая, фанерная.

Меньше мизинца, личинка почти.
Я подхожу к нему робко,
Чтоб куда надо его отнести —
К ангелам-братьям в коробку.

Спите, а там и опять Новый год
С глупостями и с дарами —
И возвращайтесь тогда, или в тот
День, когда будет пора мне.

Игорь НАЗАРОВ

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Административно-фантастическая быль

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Фей, начальник Департамента сказок в Управлении сказок и фэнтези.

Секретарша, его ближайшая помощница.

Сказочница, она же **Настенька**, она же **Алёнушка** — штатная сотрудница Департамента сказок.

Отец Настеньки.

Орк-каретник.

Первый ходок, человек из-за Урала.

Второй ходок, человек из-за Урала.

Черепанов, сказочник.

Лёша, сказочник.

Вий, Финдиректор, чиновники и прочие сказочные персонажи.

Действие происходит в параллельной реальности, и любые совпадения с реальностью нашей невозможны, а если они и появятся, то виной тому — буйная фантазия почтеннейшей публики, за которую автор ответственности не несет.

1.

Занавес закрыт. Звучит музыка из передачи «В гостях у сказки».

Входит Сказочница, одетая в сарафан.

Сказочница. Расскажу я вам, ребятушки, сказочку про героя Ясна-сокола да про... (*Замечает, что в зале только взрослые.*) Эм... хм... извините... Секундочку! (*Достает телефон и убегает за кулисы, откуда слышится ее возмущенный шепот.*) Че за нахрен опять? Че за левый текст? А вот представь, родная, здесь ни разу не детский утренник! Здесь взрослый вечерник! Ты, коза пуховая, если в циферблате не разбираешься, хоть за окно смотри, когда сказку запускаешь! Достал уже этот бардак! (*Сказочница снова появляется на сцене.*) Значит так, дамы и господа, сказки сегодня не будет, потому что кой у кого — паралич головного мозга. А раз мне все же надо что-то рассказывать и поскольку мне по некоторым причинам уже на все плевать, то расскажу я вам не сказочку, а правдочку. Дело в том, на самом деле ни одна сказка не сказывается сама по себе —

исправное функционирование сказочно-фэнтезийного мира обеспечивается неустанным трудом целого штата скромных административных сотрудников Главного управления сказок и фэнтези, которое, в свою очередь, подразделяется на Департамент сказок и Департамент фэнтези, которые, в свою очередь, подразделяются... А знаете что? Я вам лучше это покажу. Мне теперь их секреты хранить резона нету! (*Обращается к занавесу.*) Сим-сим, откройся! (*Зрителям.*) Смотрите, а я пошла. Я уже насмотрелась.

Сказочница уходит. Занавес открывается. Фей сидит за столом, рядом стоит Секретарша с планшетом в руках.

Секретарша (*печатая в планшете*). Приказ по Департаменту сказок...

Фей. Далее. Пункт первый. Об оптимизации.

Секретарша. О! Кого сегодня?

Фей. Будем создавать кукольный театр.

Секретарша. Еще один?

Фей. Вообще — один. У нас же два? Зачем их столько? Будем делать один.

Секретарша. Очень правильно! Оптимально, я б сказала. Хотя по мне — так и одного много... А давайте лучше из двух сделаем минус один? Вот это будет оптимизация так оптимизация! Все управление обзавидуется.

Фей. Чувствуется творческая дерзость, полет фантазии...

Секретарша. А когда я что другое предлагала?

Фей. Но мы не станем поддаваться соблазну и перескакивать через этапы. Сначала сделаем один театр. Значит, так... В целях оптимизации сказочно-бюджетных расходов...

Секретарша (*печатая*). ...расходов...

Фей. Как-то обоснование не оптимально звучит... Обоснование для оптимизации должно звучать оптимистически, а у нас как-то сухо...

Секретарша. А давайте так: «В целях улучшения культурного обслуживания населения...»

Фей. А продолжи так: «и дальнейшего развития театрального искусства»... Чего хихикаешь?

Секретарша. Не-не-не, продолжайте, продолжайте!

Фей. Приказываю...

Секретарша. Расхреначить два театра! Хи-хи!

Фей. Заклятье наложу! Вон тем жезлом — да по рогам!

Секретарша. Чего по рогам-то? Привыкли чуть что — сразу: по рогам, по рогам... (*Смотрится в зеркало.*) Маленькие симпатичные рожки... А если вот так причесаться, то их и не видно вовсе! А если так, то немного видно... Шеф, по-вашему, как лучше?

Фей. На чем я остановился?

Секретарша. Вы там приказать чего-то собирались.

Фей. А! Приказываю объединить кукольный театр Карабаса-Барабаса с кукольным театром «Золотой ключик», создав на их базе сказочное унитарное культурное учреждение «Объединенный театр кукол».

Секретарша. Сокращенно будет СУКУ «Обтеку».

Фей. Как-то не очень звучит...

Секретарша. А мне нравится! Вслушайтесь! СУ...

Фей. Не надо вслух!

Секретарша. Ну, пусть на бумаге остается. Вывеску я прям сегодня закажу.

Фей. Никаких вывесок! Другое название придумаем...

Секретарша. Не имеем права. Наименования учреждениям даются в соответствии с инструкциями. Мы этот театр можем назвать только так, а не иначе.

Фей. Гм... Я недалеко от нашего управления видел школу — называется МОУДОД*. Тоже по тем правилам?

Секретарша (*кивая*). У нас с этим строго.

Фей. А как на русский переводится?

Секретарша. МОУДОД-то? Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей. Все по правилам.

Фей. И какой моудод эти правила придумал?

Секретарша. Подпись ваша.

Фей. А кто мне это на подпись принес, а?

Секретарша. А я не устанавливаю здесь правила! Я просто их пишу и приношу вам на подпись.

Фей. Да ты их каждый день несешь! Ты чем думаешь, когда мою работу организовываешь? Моудодом?

Секретарша. Будете так со мной разговаривать — встану уйду, а вас через час тут с головой бумагами засыплет! Да я каждый день эти бумаги тысячами от вашего кабинета отшибаю! К вам уж совсем чуть-чуть пробивается! (*Всхлипывает.*) Уже и резолюции сама пишу, чтоб вам только расписаться побыстренько... И вот дождалась вместо «спасибо»...

Фей. Чего я такого сказал-то?

Секретарша. Я что, моудод? Моудод я, да?

Фей. Сама же это слово выдумала! Обогастила русский язык...

Секретарша. Это непросто, между прочим! А вы вместо «спасибо»...

Фей. Да за такое обогащение я тебе вот этим жезлом...

Секретарша. Мы работать будем?

Фей. Будем! На чем остановились?

Секретарша. Сделали из двух театров то, что вы вслух называть запретили. Дальше что?

Фей. Руководителя надо назначить. Карабаса-Барабаса или папу Карло?

Секретарша. Конечно, Барабаса.

Фей. А почему не Карло?

Секретарша. Руководителю положено профильное образование. У Барабаса — диплом магистра кукольных наук. А Карло кто? Шаромыжник.

Фей. Шарманщик.

Секретарша. Это одно и то же в его случае. И жмот к тому же! В том году просила пару кукол прислать — маме на день рождения в подарок. А он знаете, что ответил? Вы такие слова вообще запретили в сказках говорить! С куклами он, видишь ли, отношения портить не хочет... А со мной можно портить отношения, да?

* Это слово выдумал не автор — автор так не сумеет. МОУДОД — реальное название учреждений дополнительного детского образования в России. — *Примеч. авт.*

Фей. Ладно, пиши Барабаса. Ох, Карло разорется... Ты поговори с ним, работу ему подыщи...

Секретарша. То есть как с Карло говорить, то я уже не моудод, да?

Фей. Ох и злопамятная ты у меня!

Секретарша. Я? Я справедливая. И добрая. Не в меру! На меня все орут, все обзывают, а я всем все прощаю...

Фей. Кто это на тебя орет?

Секретарша. Эта, например, овца лупоглазая, Сказочница первой категории разоралась! Текст ей, видите ли, перепутали, так она вопила, как пьяный орк! Обзывалась... Я ж ее простила? Даже должность другую подыскала. С повышением! И проект приказа подготовила.

Фей (*берет проект приказа, читает*). «Перевести в сказку “Морозко” на должность Настеньки с окладом согласно штатного расписания...» По-твоему, из управления в сказку — это повышение?

Секретарша. По зарплате-то повышение, в сказках же доплаты всякие.

Фей. За вредные условия труда! И льготный стаж — за должность падчерицы!

Секретарша. Разве плохо?

Фей. Ты, когда такие добрые приказы несешь, хоть причесывайся, чтоб рожки не торчали.

Секретарша (*причесываясь*). Так, да?

Фей. Прямо древний символ добра! (*Подписывает приказ.*) Надо же кому-то и на местах работать...

Секретарша. А то там такая текучка!

Фей. Опять же, местные кадры пора укрепить работниками из центра...

Секретарша. Давно пора! Печать приложить не забудьте.

Фей. Ну, подай ее...

Секретарша. Не-не-не! Вы сами. Я к ней и подходить-то боюсь. (*Фей ставит печать, Секретарша забирает приказ.*) Вот и укрепили местные кадры квалифицированным работником. Падчерицы — они тоже нужны.

Фей. Я, кстати, сейчас тоже в сказку.

Секретарша. Вам-то зачем?

Фей. Вчера Крестная Фея сделала предложение, от которого я не смог отказаться. Золушку знаешь?

Секретарша. Это Синдереллу-то?

Фей. Ты прекрати тут выражаться!

Секретарша. Как я выражалась?

Фей. Ну вот... синди, как ее там? Что за слова в сказке?

Секретарша. Синдерелла, что ли? Это Золушка. На ихнем басурманском языке.

Фей. При чем тут басурмане?

Секретарша. Ну, Золушка же типа заграничная вся такая. Коза противная... А раз она импортная, ее по-импортному и надо называть.

Фей. А что, такое правило, чтоб все заграничное по-заграничному называть, тоже есть?

Секретарша. Пока нет.

Фей. И проследи, чтоб не появилось. Нет! Лучше я сам прослежу!

Секретарша. Кто ж лучше вас проследит? А я прослежу, чтоб вы проследить не забыли.

Фей. Звучит подозрительно.

Секретарша. Опять я плохая, да?

Фей. Не начинай! Эта самая Золушка теперь крестница Крестной Феи...

Секретарша. Выдра мокрая! Ну без масла пролезет в любую... *(улыбается)* в любое место, я сказать хотела. И что дальше?

Фей. Золушка на королевский бал попросилась. А Крестная Фея попросила меня это устроить. По дружбе.

Секретарша. А взамен?

Фей. Среди друзей не принято за услугу взамен что-то брать.

Секретарша *(всхлипывая)*. Ах, как трогательно...

Фей. А Крестная пообещала нам расширение штатов и бюджета пробить.

Секретарша. Тоже чисто по дружбе?

Фей. Представь, тоже.

Секретарша *(всхлипывая)*. Я так взволнована, что теперь весь день работать не смогу. Как же радостно и светло на душе! *(Вполголоса, Фею)*. Кто нас сейчас снимает-то, понять не могу?

Фей. Никто. С чего ты взяла?

Секретарша *(утирая глаза)*. А с чего вы тут роль верного друга разыгрываете? Внезапно.

Фей *(вздыхая)*. По молодости в одной сказке в этой должности работал. Все забыть не могу...

Секретарша *(смотрясь в зеркальце)*. Вы забыть не можете, а у меня глаз потек.

Фей. Я ж говорил, что на этом этаже никогда съемок нет. Здесь можно не играть.

Секретарша. Потому и удивилась... Кстати, о Золушке. У нас жалоба по той сказке поступила. *(Достает из папки лист бумаги, читает.)* «Директору Департамента сказок г-ну Фею от ученика волшебника Криблекраблебумсова. Докладная записка. Довожу до Вашего сведения факт возмутительного поведения огородного овоща из сказки “Золушка” по имени Сказочный Тыкв. Когда я по поручению руководителя своей практики пробовал превратить означенного Тыква в карету, он категорически и в грубой форме отказался превращаться. А когда я стал настаивать, говоря, что хоть я не волшебник, а только учусь, но права у меня такие же, как и у штатных работников, то означенный Тыкв общенко обругал меня, перевернулся на другой бок и общенко замолчал. Это уже не первый случай такого отношения Сказочного Тыква к нам, ученикам волшебников. До каких пор мы будем выслушивать от этого овоща грубости типа: “Мне больше делать нехрен” или “Понаберут тут школоту”? Прошу принять меры. Подпись».

Фей. На Тыква это не первый сигнал. *(Задумчиво.)* Говорят, он на огороде дурь разводит да приторговывает ей.

Секретарша. Да ну?

Фей. Он уже за это привлекался. Там. За бугром. Говорят, за ним и страшней делишки были. Ты про Хэллоуин слыхала? В Департаменте фэн-тези досье запроси и ознакомься.

Секретарша. А это точно про нашего Тыква?

Фей. Чего он тогда к нам перебежал и на огороде затихарился? И тоже у иностранки, заметь. Прямо гнездо какое-то! И мы его распотрошим! Но аккуратно...

Секретарша. Испелим?

Фей. Это аккуратно?

Секретарша. Это надежно.

Фей. Слухи пойдут нехорошие.

Секретарша. Нет свидетелей — нет слухов.

Фей. Ты всю сказку предлагаешь, что ли...

Секретарша. Точечным ударом.

Фей. Добрая...

Секретарша. Ой, не надо, а? Добрая. Даже самая добрая! В нашей семье.

Фей. А, вон ты о чем...

Секретарша. Да я, может, потом ночей спать не буду! Я, может, два ведра слез наплачу! Но пойду на это, раз для дела надо. И почтеннейшая публика довольна будет. Большой ба-бах всегда народу нравится! Так я позвоню, скажу, что вы распорядились?

Фей (*отрицательно качая головой*). Уберем тихо. Найди сказочников получше, закажи изготовить новую сказку. И пусть там все будут вегетарианцы.

Секретарша. Все-все?

Фей. Абсолютно. И пусть там будет Змей Горыныч. (*Мечтательно.*) Люблю я Горынычей! Трехголовые такие...

Секретарша. Он тоже вегетарианцем должен быть?

Фей. А как же!

Секретарша. Ну, не знаю... Обычного Горыныча любой сказочник изобразит. Но вегетарианца... На это только Черепанов способен.

Фей. Эта пьянь?

Секретарша. А вы хотите, чтоб и сказочник трезвый, и Горыныч — вегетарианец? Черепанов хоть представить себе такое сможет! У меня вот никак не получается: Горыныч — и вдруг веган? А Черепанов — тот сможет.

Фей. Ладно, посылай ему техзадание. А я — в сказку.

Секретарша. Берегите себя. Я беспокоиться буду.

Фей. Ты вот о чем побеспокойся: найди финдиректора, пусть мне деньги перечислит. Карточка пустая — я платье и карету как буду покупать?

Секретарша. Его вторую неделю никто не видит. Он же, гад, как срок подходит квартальные бонусы выплачивать, — невидимым становится.

Фей. А ты его увидь! Уж постарайся!

Фей уходит.

2.

Секретарша. Я ли не старалась?.. Этот козел мне столько должен! Для себя найти не смогла, а чтоб овцу заграничную на бал отправить — вот прямо на рога встану, ага... (*Садится за стол, перебирает папки с делами.*) Так, это на согласование, это на консультацию... Это... куда ж его спихнуть? А!

На доработку. А это... ой, форма с ошибками заполнена! Вернуть заявителю. Ишь, формы заполнять не умеют, а туда же! А это кто тут у нас такой пухленький? Надо же, с третьего согласования живым вернулось. И как поправилось! А помнишь, каким ты первый раз сюда поступило? Худющее, тощущее, и в чем только душа держалась... А сейчас — вон какая пышечка, смотреть приятно. И что там в тебя наворотили? *(Открывает папку, читает.)* Ой, мамочки! И не поймешь, где начало, где середина, где что. Не-не, теперь в тебе сама я ногу сломлю. *(Захлопывает папку, морщится от поднявшейся пыли.)* Что с тобой делать-то? На подпись, что ли, отнести? Рановато... Отправлю-ка я тебя на согласование вот в одно место... *(Пишет что-то на папке.)* Там ты мне второй том родишь! *(Звонит телефон, Секретарша берет трубку.)* Кого надо? Узнала-узнала. Чем же я могу помочь, Карло? Что значит — «уже помогла»? Это оптимизация, Карл. Слышал про такую? Вот это она и есть. Ты еще легко оптимизирован, ты глянь на Лихо Одноглазое — оно ведь до оптимизации многоглазым было... Ты чем недоволен, шарманщик хренов? Кто-кто ты? *(В сторону.)* Ой, не могу, музыкант он! *(В трубку.)* Ну, раз музыкант, с голоду не помрешь, в метро тебе всегда мелочи полную шапку набросают. Что-что? Ах, значит, вот кто я такая? Понятно. А еще кто я? Ага. Ага. И это тоже я? Угу. Не-не, а вот это не пойдет, это для меня комплимент. Давай другое что-нибудь. Вот так. Все, достаточно. А теперь, музыкант, слушай меня! Я сама не знаю, в кого такой доброй уродилась, но даю тебе аж целых пять секунд, чтоб ты слова свои поганые назад взял и к себе применил. Тогда, может быть, я тебя прощу и, может быть, разрешу приходить в управление и просить работу. А вот если ты этого не сделаешь, тогда ты у меня будешь не просто музыкант, а Бах. Потом — бух! А потом — бултых! Пять секунд у нас пошли: раз... Молодец, быстро среагировал. А теперь скажи, кто ты? Вот. Правильно. А еще кто? Тоже неплохо, но темперамента не хватает. Попробуй еще раз. Уже лучше! Ладно. Прощаю. Понаведайся на днях. Поговорим. *(Бросает трубку.)* Я тебе дам работенку! Благодарить устанешь!

3.

Каретная мастерская. За столом сидит Орк-каретник и сосредоточенно обедает. В стороне Фей разговаривает по мобильному телефону.

Фей. Не нашла финдиректора? А работать мне, моудод твою мать, без денег как? Вернусь — не обрадуешься! *(Убирает телефон, подходит к Орку-каретнику.)* Добрый день.

Орк-каретник. Угу.

Фей. Хлеб да соль.

Орк-каретник. Я ем свой, а ты подальше стой.

Фей. Вижу, у вас тут каретная мастерская.

Орк-каретник. Угу.

Фей. Стало быть, каретами торгуете.

Орк-каретник. Угу.

Фей. У меня, видите ли, сегодня бал.

Орк-каретник. Хорошо тебе.

Фей. И мне нужна карета. Хотя бы одноместная.

Орк-каретник. Вон кареты. Вон ценник.

Фей. Видите ли, в настоящий момент у меня некоторые затруднения с финансами. И я хотел бы просить о рассрочке. Вы меня понимаете?

Орк-каретник. Понимаю. Вали на хрен отсюда.

Фей. Боюсь, вы меня не поняли. Мне срочно нужно отправить на бал одну бедную девушку. Несчастную сиротку. А денег нет. И что же мне делать?

Орк-каретник. Свалить на хрен отсюда.

Фей. По-хорошему не понимаем, да?

Орк-каретник. Угу.

Фей. Да ты хоть знаешь, кто я такой?

Орк-каретник. Нет. Зато хочу знать: когда ты свалишь отсюда? Или помочь? Правда, немного больно будет.

Фей. И кто ты после этого?

Орк-каретник. Ну, и кто я после этого?

Фей. Моудод! Вот натуральный моудод! Сидит жрет при клиенте!

Орк-каретник. Так. Значит, вот кто я такой, да? *(Встает.)* Я ведь хотел тебя просто на хрен послать, а сейчас еще и надругаюсь! *(Фей убегает, Орк-каретник бросается за ним.)* Стой, сквернословец! Удавлю!

Входят два человека в старинной одежде.

Это ходоки, люди из-за Урала.

Первый ходок. Ну, кум, кажись, добрались.

Второй ходок. Добрались, слава те... А куда теперь-то? Где тут самое главное начальство?

Первый ходок. Отыщем! В такую даль пришли... Народ поспрошаем. Язык, он до Киева... не то что до начальства...

Выбегает Фей, за ним Орк-каретник. На полдороге он, задыхнувшись, останавливается и грозит кулаком вслед убегающему Фею.

Орк-каретник. Ничего, мерзотник, Земля-то плоская, дальше края не убежишь!

Первый ходок *(Орку-каретнику)*. Здравствуйте, уважаемый.

Орк-каретник. Проживу без твоего «здрасьте»! Чего нат?!

Второй ходок. Нам бы к начальству. Где у вас тут?

Орк-каретник. Да везде! Это вот подмастерье я себе найти не могу, а начальства полным-полно. Хошь, сейчас швырну тебя в любую сторону? Беспременно на какого-нибудь начальника упадешь!

Первый ходок. Спасибо, но мы уж лучше своими ногами. Ты дорогу покажи.

Орк-каретник. Вон, вишь, домина? Там на каждом этаже от стены до стены — сплошь начальство. *(Уходит.)*

Второй ходок. Ну и домище... Ты, кум, видал такой когда?

Первый ходок. Там начальников, небось, тьщици. Где бы нам наиглавнейшего?

Второй ходок. Посмотрим, послушаем, бог даст...

Входит Настенька, за ней — ее отец.

Настенька. Ты, папаша, своей жене передай: если она еще раз так со мной заговорит...

Отец Настеньки (*показывая на камеру*). Настя, Настенька, глянь туды!

Настенька. «Все зерно перебери да пересчитай...» Я ей переберу! А если, тварь, еще раз на меня руку поднимет, я ей зубы вышибу! И пересчитаю!

Отец Настеньки. Да глянь на камеру-то! Работает же!

Настенька. Ой, это нас сейчас дети смотрят, что ли? (*Приближаясь к камере, тоненьким голоском.*) Пожалей меня, зорька ясная, пожалей меня, солнышко красное...

Металлический голос из репродуктора: «Настенька, к руководству зайдите срочно».

Настенька. Разреши мне закончить вязание, а то будет мне наказание...

Секретарша (*из репродуктора*). Слышь, принцесса Пучеглазка, это не рабочая съемка была, а контрольная. На предмет потери берегов некоторыми сотрудниками. Так что кончай играть и быстро сюда!

Настенька и ее отец уходят.

Первый ходок. Слышь, кум, эти двое точно к наиглавнейшему идут...

Второй ходок. Давай-ка увяжемся...

Уходят.

4.

Кабинет Секретарши. За столом сидит Секретарша, перед ней стоят Настенька и ее отец, в углу робко жмутся два ходока.

Секретарша (*Настеньке*). А если бы ребенок в этот момент сказку посмотреть захотел? Ты иногда голову используй, а не только другие места, как до сих пор!

Настенька. Не ори на меня, коза канцелярская! Ты мне начальство, что ли?

Секретарша. Что ты, Настенька, я тебе не начальство... Я та, кто выбирает для тебя начальство! Вот захочу — и над тобой пятый зайчик в масовке начальником будет!

Настенька. Выхухоль рогатая! Ты, смотрю, в последнее время худеешь? Без буквы «д»!

Настенька уходит. Отец Настеньки идет следом, но Секретарша его останавливает, знаками подзывает к себе.

Секретарша. Пс-с, дед! Сюда иди! Отвези ее в лес, негодную... С глаз долой, змею подколодную...

Отец Настеньки. Сделаю, госпожа. (*Уходит.*)

Секретарша (*заметив ходоков*). А это чье? Вы как здесь?

Первый ходок. Ой, матушка, издалека мы! Из-за Уральских гор сюда...

Секретарша. Да плевать на горы! Как на этом этаже-то оказались? Как вас двери пропустили?

Второй ходок. А мы вот за той девицей-красавицей увязались, перед ней двери раскрылись, и мы следом.

Секретарша. И это называется — магические врата! Говорила я, лучше вахтера с собакой поставить — нет, несовременно, видите ли... А итог — две незваные бороды в приемной. Что мне с вами делать, а, люди из-за Уральских гор? Чего приперлись в даль такую?

Первый ходок. Ходоки мы, от всего общества к наиглавнейшему начальнику сказок.

Секретарша. Ой, незадача! А наиглавнейшего сейчас и нет на месте! Так что идите по холодку, а на недельке понаведайтесь — на первом этаже на прием запишитесь. И ждите.

Второй ходок. Матушка-голубушка, не обессудь, мы люди-то простые, вот постояли, посмотрели, послушали, да смекнули — ты здесь наиглавнейший начальник и есть!

Секретарша. Ох ты, борода многольстивая... Я тут на побегушках, можно сказать, — бумаги собираю в папку да наиглавнейшему на подпись подаю.

Первый ходок. Милая, да нам больше ничего и не надо! Только бумагу от общества наиглавнейшему передать. Кум, где она у тебя?

Второй ходок достает бумагу, с поклоном подает Секретарше.

Секретарша. Стой там, где стоишь, со своей бумажкой! Больно вы быстрые там, за Уралом.

Первый ходок. А нам медлить некогда, беда у нас.

Секретарша. Ну-ка, ну-ка расскажите, распотешьте меня. А я пока пообедаю. Буду кушать и внимательно вас слушать.

Второй ходок. Жили мы себе, не тужили, тихо-мирно, мастерили шка-тулки малахитовые, цветки каменные...

Первый ходок. Как вдруг невесть откуда приволоклась к нам волокита судебная и говорит: желаю быть на вашем заводе волшебницей!

Второй ходок. Огневушкой-поскакушкой! Мы ей говорим: какая ты поскакушка? Ты ж если раз подпрыгнешь, тебя скрутит, скрючит да еще и перекондубасит!

Первый ходок. А она в ответ давай нам грамоты да дипломы всякие совать, где написано, что она самая настоящая огневушка-поскакушка!

Секретарша. Ну и взяли бы, коль диплом есть.

Второй ходок. Да мы бы взяли, но пусть она сначала прыгать научится! Бумажка же не будет за нее прыгать да скакать.

Секретарша. Ой, удивили! Да у нас тут пол-управления при дипломах, кандидаты да доктора, а в сказку работать — послать некого. Вот и терпим всяких чучундр, вроде той, что вы тут видели. Которые хоть чего-то умеют! Зря вы с этим делом к нам пришли — ничего в нем такого, чтоб я шефа беспокоила, нету.

Первый ходок. Вот так раз! И что ж нам теперь?

Второй ходок. Теперь нам, кум, только пропадать.

Секретарша. Ладно, люди из-за Урала... Вы ко мне с уважением, и я вам подскажу. Если эта огневушка-поскакушка сильно надоела, так просто шлите ее к моей бабушке! Она у меня по старинке работает. Без бумажек.

Первый ходок. Посылали. Не идет, зараза...

Секретарша. Ишь ты... Тогда пошлите ее... пошлите ее знаете к кому?

Второй ходок. Да, голубушка ты наша, мы уж ко всей твоей родне посылали. И к ближней и к дальней.

Секретарша. Не ушла?

Первый ходок. Ни в какую! Да еще и начала волочить нас по приказам судебным да палатам воеводским. Вконец изволочила...

Второй ходок. Погибаем всем заводом! Заступись, матушка!

Секретарша. Ох, ходоки, ходоки... Пожалеть вас, что ли?

Первый ходок. Пожалей, матушка. Век за тебя... *(Истиво крестится.)*

Секретарша. За меня? Ну, попробуйте... Даже интересно, что выйдет! *(Хохочет.)* Вот вы, ходоки, говорили про шкатулку малахитовую, а я про них только слышала, а видеть — ни разу! Посмотреть бы...

Второй ходок. Ох, кум, оплошали мы! Надо было захватить.

Секретарша. Надо было.

Первый ходок. Мы в другой раз непременно!

Секретарша. Как мило... А вот я слышала, что у вас там водится Серебряное Копытце?

Второй ходок. Точно. Есть такое. Редко, но встречается.

Первый ходок. Только у нас оно есть. Больше нигде.

Секретарша. И что, правда, монеты серебряные прям из-под копыт летят?

Второй ходок. Дождем летят, матушка!

Секретарша. Ни разу монет такой чеканки не видела... Вот бы посмотреть...

Первый ходок. Ох, что ж мы? Надо ж было прихватить с собой-то...

Секретарша. Надо было.

Второй ходок. Мы как-нибудь непременно тебе покажем.

Секретарша. Как-нибудь? *(В сторону.)* Надо же, какой редкий вид оленей... *(Ходокам.)* Что-то, гляжу, вы уж совсем простые... Ладно, приму вашу бумагу.

Первый ходок. Кормилица ты наша! Кум, кум, чего стоишь? Падай на колени да ползи с бумагой к благодетельнице!

Секретарша. Куда? Разбежались... Вон, видите, бумаги лежат? Туда свою и суйте.

Второй ходок. Матушка, это что за куча такая?

Секретарша. А это, простые вы мои, общая очередь. Слыхали про такую? Там бумаги лежат себе, лежат, а очередь подойдет, так я их в папочку — и на подпись.

Первый ходок. Дак когда ж она подойдет, очередь-то? Больно уж куча велика.

Второй ходок. В такой-то громадине, гляди, и потеряется бумага-то наша...

Секретарша. Ну что вы! Никуда она не потеряется. Если, конечно, не случится потопа, пожара, землетрясения, оползня, инвентаризации, реорганизации, модернизации, цифровизации или инновации, то ваша бумага непременно к шефу попадет. Я даже пару таких случаев знаю.

Первый ходок. Кормилица, ты уж не гневайся, а нам это не подходит.

Второй ходок. Уж лучше бумагу нашу на твой столик... Чтоб на глазах у тебя.

Второй ходок кладет бумагу на стол Секретарши. Входит Фей и, буркнув Секретарше: «Ко мне зайди», скрывается в своем кабинете, хлопнув дверью. Поток воздуха бумагу со стола сносит на пол.

Секретарша. Видали, какие сквозняки? Сдует вашу бумажку, и концов не найдешь. Пихайте в общую кучу, там хоть ветром не унесет.

Первый ходок. Матушка, мы лучше ее тебе на столик, а сверху грузиком придавим. *(Кладет бумагу на стол, а на бумагу — золотой самородок.)* Так, небось, не сдует?

Секретарша *(разглядывая самородок)*. Ну что ж с вами поделать? Так и быть, положу вашу бумагу в папку.

Второй ходок. Только уж, матушка, ты попроси на волокиту эту заклатье наложить посильнее. Чтоб расплющило ее, окаянную!

Первый ходок. Какое заклатье? В кувшин ее да в море!

Секретарша. Вы там, чего, за Уралом, кино, что ли, обсмотрелись?

Второй ходок. Ты, кум, чего плетешь-то? Это ж столица! Тут, небось, так уж давно не делают, наверное, как-то по-другому издеваются...

Секретарша. Обяжем ежемесячно отчетность сдавать — сама утопится. Так, мне работать надо! Ступайте, ступайте.

Первый ходок. Ты, матушка, не сомневайся — шкатулку малахитовую мы пришлем. Сразу, как на завод вернемся.

Второй ходок. И набьем доверху такими самоцветами, каких здесь никто отродясь не видывал.

Ходоки, кланяясь, пятятся и уходят.

5.

Входит Фей.

Секретарша. И как там, в сказке?

Фей. Без денег везде плохо. Финдиректор где?

Секретарша. Сказать?

Фей. Если это все, что ты сказать можешь, то не надо. Понадеялся, блин, на тебя... А меня там орки гоняли!

Секретарша. Орки в «Золушке»?

Фей. Не в «Золушке», на базаре. Карету у них в рассрочку взять хотел.

Секретарша. У орков в рассрочку? Я и не знала, что вы такой герой.

Фей. Я все же эльф по маме...

Секретарша. А я о чем-то таком всегда догадывалась. И что с каретой?

Фей. Платье и туфельки только взял. И то в прокат, до полуночи. А карету...

Секретарша. Оп-па! Значит, овца на бал не едет?

Фей. Не в ту сторону думаешь! Мы расширение бюджета не получаем, это да...

Секретарша. Что-то я и правда берега маленько потеряла... Сейчас найду. Сейчас-сейчас! А вы пока вот бумаги подпишите...

Фей не глядя подписывает бумаги.

Секретарша. Давайте Золушку испелим. (*Фей недоуменно смотрит на Секретаршу, крутит пальцем у виска.*) Да вы до конца планто дослушайте! Значит, испелим, а потом докладываем, что она — иностранный шпион, экстремист и пятая колонна. Фактуру я подберу. Нам за это не только бюджет увеличат, но и по ордену дадут.

Фей. Чтоб я всю эту хрень про шпионов и колонны экстремистов попробовал Крестной Фее впарить?

Секретарша. Не поверит?

Фей. Ты бы поверила? Будет нам вместо увеличения бюджета — оптимизация...

Секретарша. Это не гуманно.

Фей. Тогда поумней что-нибудь придумай!

Секретарша. А ничего больше не придумаешь, как обратиться к Тыкву. Он в карету умеет превращаться.

Фей. Обращался. Он меня в пим дырявый послал...

Секретарша. Вы, небось, к нему с пустыми руками обращались? Прямо как ребенок...

Фей (*протягивая руки*). На! Наполни!

Секретарша. Я записочку могу Тыкву черкануть такую, что он в карету махом превратится. А может, даже и в автомобиль.

Фей. Разбежался он, ага...

Секретарша. В записочке той будет написано — от моего имени, конечно, не от вашего, — что мы можем с пониманием отнестись к его торговле дурью, если он с таким же пониманием отнесется к нашим транспортным проблемам.

Фей. Дурью? В сказке?

Секретарша. Что вы кричите?

Фей. Наркоту в сказке разрешить?

Секретарша. Во-первых, только легкую. Это сейчас мировой тренд.

Фей. Только через мой труп!

Секретарша. Во-вторых, исключительно в лечебных целях.

Фей (*хватает магический жезл*). Сейчас ты у меня схлопочешь...

Секретарша. А в-третьих, кто сказал «разрешить»? Да ни в коем случае! Только через ваш труп! Я ж не разрешать предлагаю, я предлагаю «отнестись с пониманием». Это совсем другое дело.

Фей. Ох, не знаю...

Секретарша. А вы представьте — карета! Несчастливая сиротка веселится на балу! Крестная Фея довольна! Бюджет растет! Штаты увеличиваются! Ну как, шеф, я пишу записочку?

Фей. Помнишь, я новую сказку заказывал? Про вегетарианцев? Как там с ней дела?

Секретарша. Черепанов говорит, что уже тестируют на местности.

Фей. Ну тогда хрен с ним... Потерпим еще. Пиши записку!

Секретарша. А вот она!

Секретарша выхватывает из воздуха записку, подает Фею.

Тот, кивнув, берет ее и уходит.

Секретарша (*вслед*). Берегите себя! Вы такой отчаянный! Наверно, и по папе тоже эльф...

6.

Лес. Настенька и ее отец стоят, озираясь.

Отец Настеньки. Наверно, подойдет. Густой, темный...

Настенька. Ну и папаша мне в этот раз достался!

Отец Настеньки. Здесь, пожалуй, тебя и брошу.

Настенька. Да по тебе ювенальная юстиция плачет! В три ручья!

Отец Настеньки. Ничего не могу поделать. У меня строгий приказ.

Настенька. Это ты следователю расскажешь.

Отец Настеньки. Ну, доченька...

Настенька. Что, мухомор маринованный?

Отец Настеньки. Бывай здорова! Пирожков оставить?

Настенька. Себе забери. И засуши. Тебе сухари скоро пригодятся.

Отец Настеньки. Пошел я...

Настенька. А и правда, пошел ты!

Отец Настеньки уходит.

Настенька. Вот завез, козел! (*Оглядывается.*) Как там учили: с северной стороны у сосен мох... Или с южной? Тьфу, да здесь со всех сторон мох! Вот делают сказки... Экономят на консультантах, халтурщики.

Входит Фей. Останавливается. Озирается.

Настенька (*тихо*). Вот кого увидеть не ждала... Спокойно, Настя, маза прет...

Фей. Как-то я неудачно в сказку зашел. Навык, видать, растерял.

Настенька (*бросается к Фею*). Помогите!

Фей. Настенька? А ты здесь как?

Настенька. Завезли меня сюда и бросили! Мне так страшно! (*Прижимается к Фею.*) Я такая слабая! Такая беззащитная!

Фей. Ты одна здесь, что ли?

Настенька. Совсем-совсем одна! Вообще ни души на сто верст!

Фей. Вот занесло! Надо нам как-то выбираться.

Настенька. Конечно! Я там тропинку видела, но одна по ней боюсь... Пойдемте, покажу.

Настенька и Фей уходят.

7.

Секретарша в кабинете работает с документами.

Секретарша. Ага, опять письмо от Скуперфильда! Посмотрим, до чего ты там дозрел. Так-так-так, ага-ага-ага... (*Убирает письмо, печатает на ноутбуке.*) Слишком ты скупер, господин Фильд, потому вот такой тебе ответ... (*Читает.*) «От начальника Департамента сказок г-на Фея начальнику коммерческого отдела г-ну Скуперфильду. По-прежнему не могу согласиться с Вашим предложением об установке холодильников с продукцией “Кока-колы” во всех лавках и кабачках сказки “Лоскутик и Облако”. Я понимаю, что именно там это особо выгодно, но это сделает ненужной штатную единицу “Облако”, а на сокращение штатов в настоящий момент мы пойти не можем по причине дрящегося конфликта с Профсоюзом неантропоморфных работников. Вряд ли в этих условиях они дадут согласие на сокращение своего профсоюзного активиста. Дата. Подпись». (*Встает из-за стола.*) И большая круглая печать, которую я так боюсь, что шеф ее даже и не прячет! (*Ставит печать.*) Вот так. Думай, Скуперфильд, думай. Мой телефон ты знаешь.

Входит веселая и довольная Настенька,
помахивая какой-то бумажкой.

Секретарша. А эта сирота в третьем поколении здесь откуда?

Настенька. Зашла к тебе, ондатра плюшевая, показать кой-чего.

Секретарша. А здороваться тебя учили, Настенька?

Настенька. Я теперь не Настенька. Знаешь, как меня зовут?

Секретарша. Давно знаю. И не я одна.

Настенька. Приказ про меня. (*Помахивает бумагой.*) Подпись узнаешь?

Секретарша (*берет бумагу, читает*). Бла-бла-бла... перевести в сказку «Аленький цветочек» на должность Алёнушки.

Алёнушка. Поняла, выдра? Я — младшая дочь купца-олигарха. За-меть, любимая дочь!

Секретарша. Я так рада за тебя, Алёнушка! Вот ты не веришь, а я правда-правда рада. Ты такая жизнестойкая, нигде пропасть не можешь. Мне только интересно — а за что тебе это повышение? Хотя я догадываюсь...

Алёнушка. И вот совсем не за то, за что ты подумала!

Секретарша. Я-то подумала, что за высокие квартальные показатели. А разве нет?

Алёнушка. Так... Это... Заболталась я с тобой... Ты хоть убедилась, что я не совсем енот?

Секретарша. Что ты, какой же ты енот? Ты антилопа. Безрогая! Столько лет здесь работаешь, а так и не поняла, с кем дружить надо.

Алёнушка. С тобой, что ли, скрепка канцелярская?

Секретарша. Ну что ты, Алёнушка? Зачем со мной дружить? Я так, побегушка-поскакушка... Куда уж мне до любимой дочки олигарха...

Алёнушка. Вот и торчи здесь! А мне на тропический остров пора. К принцу! Папочка мне жениха титулованного подогнал.

Секретарша. Как я за тебя рада, Алёнушка! Какая ты счастливая!

Алёнушка. Я тебе оттуда, так уж и быть, ананас в подарок пришлю.

Секретарша. Ой, благодарствую! А ты, Алёнушка, как сама ананасики кушать будешь, не забудь с них кожуру-то снять. А то у тебя уже раз было... Хотя лучше их вообще не кушай — у тебя желудочек к морковочке привык. Животик схватит — папочка-олигарх расстроится...

Алёнушка, фыркнув, гордо выходит. Секретарша хватается за зеркало и плюет в него.

Секретарша. Дура рогатая, сама виновата! Отпустила шефа! Почему он по сказкам шляется? Почему у него на это время есть? Ой, чего это я? (*Вытирает зеркало.*) Прости, моя хорошая, любимая, ты такая добренькая, красивенькая, умненькая — как ты можешь быть виновата? (*Пауза.*) А кто тогда виноват? (*Пауза.*) А-а, люди из-за Урала! Задурили голову огневушка-потаскушкой! Из-за них все! Испепелю! Ой, а кто самоцветы подгонит? Да что же это за день-то сегодня? Пожертвовать, что ли, самоцветами? Нет, не могу... Придется всех простить. (*Смотрится в зеркало.*) Какая же ты добренькая! Хотя они и не виноваты. Вспомнила я, кто на самом деле виноват... (*Топает ногой.*) Ну-ка, дед, встань передо мною, как лист перед травой!

Из ниоткуда появляется отец Настеньки.

Отец Настеньки. Чего нормально-то не вызвали? Больно же!

Секретарша. Коряга старая, трухлявая, я куда приказала эту путану пучеглазую деть?

Отец Настеньки. В лес.

Секретарша. А ты куда ее дел?

Отец Настеньки. В лес.

Секретарша. В какой именно, старая ты сволочь?

Отец Настеньки. В самый-самый дальний. Уж вез-вез, вез-вез... Потом гляжу — все в одеждах заграничных! Ну, думаю, в самую даль завез, место подходящее...

Секретарша (*ошарашено*). Он ее отвез в «Золушку»? Бабушка, матушка, вы слышите? Этот идиот ее отвез в «Золушку»!

Отец Настеньки. Коли что не так, извиняюсь. Я зла не хотел, госпожа. Добро хотел сделать.

Секретарша. Дед, хочу, чтоб ты перед смертью знал: зло на земле появилось в тот час, когда дураки добро делать начали. Злу больше появиться-то неоткуда!

Отец Настеньки. Перед смертью?

Секретарша (*расстилая простыню*). Вставай-ка сюда... Чтoб уборщице сподручней было твой пепел выносить.

Отец Настеньки (*падая на колени*). Помилуй!

Секретарша. Зачем?

Отец Настеньки (*подумав*). Жить хочу.

Секретарша. Я не про тебя, я про себя спрашиваю: мне зачем тебя миловать? У тебя есть пять секунд, чтоб объяснить, на кой черт ты мне живой сдался. Раз...

Отец Настеньки. Морозко!

Секретарша. Что — Морозко?

Отец Настеньки. Лесом на сторону торгует, морда кулацкая.

Секретарша. Сможешь доказать?

Отец Настеньки. У меня все записано: когда, кому, сколько и почему.

Секретарша (*подумав*). Знаешь, самое важное — понять, в чем смысл жизни. Тебе повезло, я поняла, в чем для меня смысл твоей жизни. Вали отсюда. Завтра принесешь свои бумаги по Морозко.

Отец Настеньки убегает.

Секретарша. Ах, Морозко! Ах, санта-клаус генномодифицированный! И ни разу не поделился! Ни разу даже подарочка не заслал! Обмануть решил... (*Смотрится в зеркало.*) Разве можно такую хорошую, такую красивую — и обманывать? Да за это... (*Раздается сигнал телефона, Секретарша достает его, смотрит.*) Она мне уже селфи шлет с тропиков! (*Швыряет телефон в стену.*) Испепелю я сегодня кого-нибудь или нет?

Входит маленький скрюченный человечек с толстой папкой в руках.

Человечек. Могу я видеть господина Фей?

Секретарша. Кругом! В коридор шагом марш!

Человечек послушно разворачивается, уходит. Секретарша уходит за ним. Раздается громкий хлопок. Валит дым. Входит довольная Секретарша.

Секретарша. Ой, как сразу полегчало-то... (*Смотрится в зеркало.*) Ути-пути, как у нас мордочка закоптелась! Прямо чучелко какое-то... Сейчас мы вытрем, сейчас-сейчас... (*Вытирает лицо.*) Вот если взбесишься, испепелить кого-нибудь — первое средство! Тихо на душе становится, светло... И сразу чертовски тянет работать! (*Садится за компьютер.*) Надо шефу план жизни составить, а то он что-то разбаловался у меня, эльф-трахаэльф... И про эту — тоже не забудем... Ананас она мне пришлет, лошадь блохастая! Я тебе сейчас таких ананасов накидаю...

8.

Входит Фей.

Секретарша. Судя по лицу, все успешно?

Фей. Ты даже не представляешь, насколько.

Секретарша. Почему? Могу представить. Выглядите, будто у Тыква товар его попробовали. Я так понимаю, карета есть? (*Фей кивает.*) Очень хорошо. Орки не встречались? (*Фей отрицательно мотает головой.*) Тролли?

Фей. Там — нет, а тут вот вижу одного. Что за скелет в приемной обожженный?

Секретарша. Шлимазл какой-то под горячую руку подвернулся.

Фей. Ты даешь... Как его хоть звали?

Секретарша. Да не парьтесь вы, проведем по отчету как оптимизацию.

Фей. Как он выглядел-то хоть? До оптимизации...

Секретарша. Хуже, чем сейчас. Мелкий такой, тощий, скрюченный.

Фей. Ты что наделала?

Секретарша. Стресс сняла! А виноваты вы! Сколько раз я предлагала — давайте устроим комнату для релаксации. Чтоб сауна, бассейн, музыка... А вы — «бюджет, бюджет»! И вот к чему пришли с вашей экономией! Ну и отвечайте теперь за все!

Фей. Это же полезный человек был...

Секретарша. Если он такой полезный, чего он такой мертвый? Мои полезные все живы. А вы о кадрах не заботитесь... (*Фей сокрушенно обхватывает голову руками.*) Чем это он вам так дорог-то был?

Фей. Надзирающий он был за всеми сказками! Смотрел и слушал, у всех ли помыслы чисты? Нет ли где экстремизма? Даже хотел совет по общественной нравственности создать — вот сколько креатива в нем было! Я без него теперь как?

Секретарша. И опять, выходит, я права. Мне бабушка рассказывала, что в старину было так: доносчику первый кнут.

Фей. При чем здесь старина? Старина-то при чем?

Секретарша. А я консерватор. И из консервативной семьи. Для меня обычаи предков — святы. Это вам, либералам, на традиции — тьфу, а я...

Фей. Что ты городишь?

Секретарша. На людей — тьфу! Пусть горят!

Фей. Молчать!

Секретарша. Вот! На меня — тьфу! Даже не спросите, почему у меня стресс...

Фей. Дай угадаю... Из-за меня?

Секретарша. Это само собой! А из-за чего именно? А именно из-за вашей кадровой политики. Нашли кого в «Аленький цветочек» назначать.

Фей. Ах вот в чем дело...

Секретарша. Да вот, представьте!

Фей. А начала-то городить черт-те что... Теперь понятно.

Секретарша. Наконец-то! А мне вот непонятно, как можно кадровые вопросы так решать?

Фей. Мне же тоже стресс снимать надо.

Секретарша. Думаете? Эта Алёнушка вам еще устроит! Со мной бы хоть посоветовались... Я же знаю всех этих Алёнушек, Настенек, Машенек и прочих синдерелл как облупленных — ищут, как бы им за принца или за царевича выскочить. За работягу ни одна еще не вышла. Даже Белоснежка, хоть работяги ее спасли... И вообще, пока вы там стресс снимали, я работала! (*Протягивает Фейю папку.*) Подписывайте быстро, у вас времени нет. Через пять минут — совещание с начальниками отделов по вопросу модернизации, потом — аппаратное по вопросу цифровизации, потом — коллегия по вопросу оптимизации цифровой модернизации. А завтра вы летите на пятидневный съезд сказочников-инноваторов.

Фей. А работать-то мне когда?

Секретарша. А это и есть ваша работа — думать о стратегических вопросах, о великих делах. А черновую работу я на себя возьму. Не впервой!

Уже и благодарности не жду... Меня-то вы на тропический остров никогда не отправите.

Фей. Если так уж хочешь, можно устроить тебе тропики.

Секретарша. Только и думаете, как от меня избавиться! Ну давайте-давайте, отправляйте на остров необитаемый. Или вообще — падчерицей к самой злой мачехе.

Фей. К злой мачехе я тебя никогда не отправлю.

Секретарша (*кокотливо*). Почему?

Фей. Потому что ни одна злая мачеха еще до такой степени не провинилась.

Секретарша. Вот так, да? Ладно, сама виновата... Безответная потому что... А у вас минута, между прочим, до совещания осталась.

Фей. А, черт! Скелет убери. (*Убегает.*)

Секретарша. Не по фэншую лежит, что ли? Уборщицу нашли... (*Берет телефон, набирает номер.*) Привет, Айболит! Узнал? Слушай, доктор, помнишь, ты спрашивал, где бы тебе скелет настоящий купить? Я тебе достала. Оплачивай и забирай. Самовывоз из моего кабинета. Конечно, прямо сейчас можно. Да не за что, не за что... (*Выключает телефон.*) Как же хорошо добрые дела делать! Что ни говори, а нам, добрым, жить хоть и тяжелее, но приятнее...

9.

Совещание. За столом — Фей и два чиновника.

Первый чиновник. Таким образом, на этом пленнинге мы наглядно видим, как имплементация интеркоучинговых моделей в данном кластере может привлечь средства инвесторов в том числе с помощью эндаумента. Этот кейс вам понятен?

Второй чиновник. Но не надо забывать, что конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоищущего духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания.

Фей. Может, на русский перейдем?

Первый чиновник. А мы на каком говорим?

Второй чиновник. Вам что-то непонятно?

Входит Секретарша.

Секретарша (*громким шепотом*). Шеф! Шеф! ЧП у нас, шеф!

Фей (*с облегчением*). Перерыв! (*Заметив недоуменный взгляд чиновников.*) Я хотел сказать — кофе-брейк.

Чиновники уходят.

Секретарша. Они у вас что, только пиджин-инглиш* понимают?

Фей. У них теперь вообще какой-то свой язык... Какое ЧП? Где?

* *Пиджин-инглиш* — упрощенный вариант английского языка, возникший в XVIII в. в британских колониях. По причинам, науке неизвестным, пиджин-инглиш обрел большую популярность в России XXI в. — *Примеч. авт.*

Секретарша. В «Золушке», конечно. (*Торжествующе.*) Вы эту овцу предупреждали, что ей до полуночи ускакать с бала надо?

Фей. Конечно!

Секретарша. Плохо предупреждали. Короче, часы полночь пробили, когда она на столе танцевала. На ней одни туфельки и остались.

Фей. Чего ее на стол-то понесло?

Секретарша. Говорят, она приехала уже хорошая. Из кареты вылезла — чуть не упала.

Фей. Сволочь!

Секретарша. А я говорила!

Фей. Я про карету! У нас каретой кто был? Забыла?

Секретарша. Думаете, он Синдерелле дурь толкнул по дороге? Круть, а не карета! Ни у кого такой нет...

Фей. Так! Хватит! Что со сказкой о вегетарианцах?

Секретарша. Черепанов говорит — все готово. Может уже рабочую модель показать.

Фей. Вызывай его немедленно! Пора прекращать этого Тыква.

Секретарша. Лучше сироток прекратите... Я про вашу Алёнушку распрекрасную что говорила?

Фей. Все говорила.

Секретарша. Я вам говорила, что еще отблагодарит она вас. (*Достает из папки несколько листов бумаги.*) Любуйтесь. Жалобу она накатала. Самой Крестной Фее!

Фей. А как жалоба у тебя оказалась?

Секретарша. Совсем порядков, что ли, не знаете? Жалоба же на вас — вот ее вам и переслали.

Фей. Хороший порядок. Правильный. Мне нравится.

Секретарша. А кто придумал? Я придумала. Стараешься-стараешься...

Фей. Что там в жалобе?

Секретарша. Что на тропическом острове ни принца, ни чудища она так и не нашла. И кроет вас по этому случаю последними словами.

Фей. А где чудище?

Секретарша. В запое.

Фей. Почему?

Секретарша. Потому что чудище.

Фей. Но он же еще и принц?

Секретарша. Это он до оптимизации был принц, а сейчас просто чудище. Вот он с горя и запил. Его теперь куда ни целуй — все та же страшная пьяная и останется.

Фей. Когда это мы его оптимизировали?

Секретарша. В тот самый день, когда вы эту крысу Алёнушкой назначили. Вот приказ. Подпись ваша?

Фей. Как это — был принц, стал чудище?

Секретарша. Принцев у нас полным-полно, от Калининграда до Владивостока раком не переставить. А годные чудища в наше время — редкость! Не то что ваша Алёнушка любимая. (*Подает Фее бумаги.*) Вы почитайте, что она пишет про вас.

Фей (*читает*). Ах, стерва! Вот дрянь! Уволить! Пиши приказ!

Секретарша. Чего сразу увольнять-то?

Фей. Она ведь и про тебя тут пишет. Вот: «Эта рогатая прости...»

Секретарша. Я читала. Но вот такая я добрая уродилась... Меня уже и бабушка, и матушка за доброту ругали-ругали, а я ничего с собой поделать не могу. Как представляю, что эта Алёнушка будет тут бродить — безработная, неприкаянная, постоянно у меня на глазах... И сразу так сильно простить ее хочется...

Фей. А вот в другом месте она, слушай, что про тебя пишет...

Секретарша. Да читала я, читала.

Фей. И прощаешь?

Секретарша. Изю всех сил! Давайте ее увольнять не будем, а просто из «Аленького цветочка» уберем. Чего ей там делать без принца?

Фей. Делай, как знаешь... А я снова в «Золушку», может, получится исправить... И чтоб к моему приходу сказочники с моделью сказки здесь были!

Фей выходит.

Секретарша. А они с утра здесь. Только не в приемной, а в баре. (*Садится за компьютер.*) Кому это в тропиках не работалось, а? Кто это шибко грамотный? И кто это, кстати говоря, так мне ананас и не прислал? (*Печатает текст.*) И кто это теперь поедет работать в сказку «Умка»? (*Напевает.*) «Спят твои соседи, белые медведи...»

10.

Входит Ангелочек.

Секретарша. А! Слушай меня, херувимчик...

Ангелочек. Серафимчик.

Секретарша. Плевать! Ты, если и дальше хочешь в секретариате работать, делай, что я говорю. Это что? (*Кидает пачку бумаг Ангелочку в лицо.*) Я сто раз тебя учила: нормальный документ — минимум десять страниц мелким шрифтом. Понакупят дипломов... Я на твои связи в верхах не посмотрю, ты у меня быстро из управления в сказку о Великом Маниту вылетишь! Там из таких, как ты, головные уборы делают! Быстро перышки расправил и улетел переделывать!

Ангелочек убегает. Входит довольный Фей.

Секретарша. Что, все опять прошло так хорошо, что я и представить не могу?

Фей. Не только ты — даже я представить себе такого не мог.

Секретарша. И она теперь не Золушка, а кто?

Фей. Принцесса!

Секретарша. С какой стати?

Фей. А жена принца — кто, по-твоему?

Секретарша. Овца кенийская.

Фей. Нет. Именно принцесса.

Секретарша. Это одно и то же. Значит, счастливый конец?

Фей. Принц сделал ей предложение. Прямо на балу.

Секретарша. Надеюсь, в столь торжественный момент на ней хоть что-нибудь кроме туфелек было?

Фей. Нет. Впрочем, на принце тоже. (*Смеется.*) Я его в той самой карете прокатил круга три, он выполз из нее и давай всем предложения делать! Сначала карете, потом статуе какой-то, а на третий раз — уже Золушке...

Секретарша. Самое время продолжение к «Золушке» заказать.

Фей. А какое там может быть продолжение?

Секретарша. Немецкое. С грифом «18+».

Фей. Нашему департаменту это не подойдет.

Секретарша (*притворно вздыхая*). Скрываем правду жизни от детей...

Фей. Кстати, где твой Черепанов с моделью сказки про вегетарианцев?

Секретарша. В приемной они вместе с Лёшей спят. Вы не заметили, что ли?

Фей. Я думал, это Вий после капремонта... Они другого места не нашли, чтоб дрыхнуть?

Секретарша. Они уснули-то в баре... Ждали-ждали, когда вы их вызовете, ну и устали. Я распорядилась их сюда перетащить. А то проснутся в баре — и опять устанут.

Фей. Буди! Зови!

11.

Секретарша уходит. За сценой слышен громкий хлопок и чьи-то дикие крики. Входит Секретарша, за ней бредет сильно поддатый Черепанов с большим ящиком под мышкой и тащит на себе еще более пьяного Лёшу.

Секретарша. Горностаюшка идет, бела соболя ведет...

Черепанов (*ставя ящик на стол перед Феем*). Привет кормильцам! Как заказывали — сказка о вегетарианцах. Действующая модель в масштабе один к... сколько-то там!

Лёша (*тянет руки к горлу Фее*). Че...

Черепанов. Лёша, не надо.

Фей (*вглядываясь в Лёшу*). А я этого узнал... Это же он нам создал дятла, который не долбит деревья, а сверлит?

Секретарша. Он, он. Укушается и творит. Творения.

Фей. А что это такое? Дятел, который строгаёт?

Лёша (*тянется к горлу Фее*). Че?

Черепанов. Не надо, Лёша. (*Фее*.) Это не дятел, это название нашей новой сказки.

Секретарша. Первый раз такое слово слышу.

Черепанов. Это потому, что ты темная.

Секретарша. Черепанов, ты у меня берега путать не начал, а?

Черепанов. Что ты, любовь моя! Как можно? Я ж хотел сказать: ты темная, как июльская полночь, — и такая же прекрасная!

Секретарша. Ох, Черепанов! Ох, змий райский!

Фей. Хватит любезничать! Покажи мне, что тут и где в вашей модели. А то там все мельтешат, орут...

Черепанов. За основу взята стандартная схема, к ней добавлено вегетарианство. Вот — кровавые тираны, народа угнетатели. Это — свирепая оппозиция, тиранов убиватели. Вот эти вот — злобный народ, на все забиватели. А вот там у нас кровожадные...

Фей. Тебе бы сказки писать не детям, а омовцам.

Секретарша. А мне нравится! Бодрая сказка получается. Прямо фэнтези про веганов...

Фей. У тебя все персонажи овощи и фрукты, что ли?

Черепанов. Ну.

Фей. И они же — одновременно вегетарианцы? А чем же они питаются-то?

Черепанов. А они — вегетарианцы-каннибалы.

Секретарша. Такого, Черепанов, я даже от тебя не ожидала.

Фей. Я, когда сказку заказывал, как-то иначе это представлял... Придется редактировать и редактировать, прежде чем детям показывать.

Лёша (*тянется к Фейю*). Че?!

Черепанов. Не надо, Лёша. Нешто мы с тобой не понимаем: сочиняют люди — редактируют боги.

Фей. То-то! (*Секретарше*.) Пиши распоряжение о вводе сказки в эксплуатацию.

Черепанов. Аванс бы с вас, кормилец...

Фей. У меня моды такой нет — авансы платить. Запустим проект, тогда всё и получите.

Черепанов отпускает Лёшу, и тот рушится на пол.

Черепанов. Не для себя прошу! Художник же гибнет, на ваших глазах!

Секретарша (*Фейю*). Эти ж упыри не отстанут...

Фей. Найдешь нашего финдиректора... (*Пишет записку и отдает ее Черепанову*.) Получишь свой аванс...

Фей и Секретарша спешно уходят. Черепанов поднимает Лёшу.

Лёша. Че?

Черепанов. Лёш, ты че весь вечер «че-че» да «че-че»?

Лёша. Черепанов, мы где, а?

Черепанов. Мы сказку продали. И аванс вырвали. Только финдиректора найти осталось.

Лёша (*оживляясь*). Черепанов, ты гений! А я?

Черепанов. Ты тоже. Мы с тобой, Лёш, два гения в поисках финдиректора...

Лёша. А вон не он в коридоре топчется?

Черепанов и Лёша уходят за кулисы; дальнейший диалог слышен из-за кулис.

Лёша. Ну и морда!

Черепанов. Уважаемый, а где у вас тут финдиректор?

Вий. Поднимите мне веки! Не вижу!

Черепанов. Лёша, раз-два, взяли!

Вий. Вот он! Хватайте его!

Выбегает Финдиректор, за ним гонятся Черепанов и Лёша.

Финдиректор. Отстаньте, бессмысленные!

Черепанов. Вправо, вправо его гони!

Лёша. Поймал! Черепанов, сюда!

Финдиректор. Люди! На помощь, люди!

Черепанов. За горло его, Лёшенька, за горло!

Финдиректор. Караул!

Черепанов. Покричи мне еще, покричи!

Финдиректор. Кара...

Черепанов. Покарай мне еще, покарай!

12.

В кабинете — Фей и Секретарша.

Фей. И пункт сто двадцатый, последний: «Считать на территории сказки “Чиполлино” книги “Радости вегетарианства” и “10 000 рецептов блюд из фруктов и овощей” экстремистской литературой. Хранение и распространение данных изданий влечет за собой направление на срок от трех до пяти лет в “Сказку о том, как пингвиненок искал свою маму”». (*Секретарша распечатывает приказ, Фей подписывает его.*) Устал чего-то я сегодня...

Секретарша. Езжайте домой, я уже и машину вызвала...

Фей. А ты?

Секретарша. Мне еще Вия Панночке отправить и по мелочам кое-что...

Фей уходит.

Секретарша (*закидывая ноги на стол*). Ой, как хорошо-то, когда весь муравейник расплзается! Ну-ка, посмотрим, что за товар у Тыква. (*Достает папиросу, закуривает.*) Смотри-ка, не обманул овощ, правильно жизнь понимает! (*Набирает номер на телефоне.*) Здравствуй, Алёнушка! Звоню вот узнать — тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная? Ой, Алёнушка, ты ругаешься прям как Иванушка! Но я не сержусь, я тебе даже ананас послала, своих денежек не пожалела... Покушай, а то когда ты теперь их увидишь? Куда-куда ты его засунешь?! Вот вы какие, фантазии девичьи! Ах, не себе... Грубая ты, Алёнушка... Уже не Алёнушка? И как же теперь тебя зовут? Какая-нибудь Алелекэ-итыган? (*Выплевывает папиросу и вскакивает.*) Снежная королева? Ты смотри — и там не сдохла! (*Швыряет телефон в стенку.*) Спокойней, спокойней... Тут с кондачка решать нельзя. Надо подумать, посоветоваться с товарищами, почитать литературу... Например, брошюрка есть хорошая — «История гильотины» называется. А шеф еще спрашивает, почему я днем и ночью в офисе? Потому, что сказка не сказывается сама по себе! Особенно в нашем департаменте...

Звучит музыка из передачи «В гостях у сказки».

Занавес.

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ГРЕЗЫ О ЗЕМЛЕ И НЕБЕ

*Размышления фантаста
о советской фантастике*

Я рос в провинции. На Енисее.

Таежные гари. Грунтовые дороги. ЗИСы, полуторки — весь транспорт. Железные дороги далеко. Зимой морозно, зато летом можно бродить под береговыми обрывами, выбивая молотком из камня доисторические раковины. А дома — читать. Книжек в селе Абалаково было немного, но были. Иногда замечательные.

«Я видел, как деревья вырастали и изменяли форму подобно клубам дыма...»

Как это можно было увидеть? Ну конечно, в движении! В движении сквозь время! В повести Герберта Уэллса «Машина времени» бесконечная история человечества укладывалась в какую-то сотню страниц, и даже я, малолетний, понимал, что нет в нашем мире ничего постоянного, даже от Золотого века останутся когда-нибудь одни руины, а люди в конце концов разделятся на два враждебных вида: эloi — праздные, разнеженные, и морлоки — серые, зверовидные.

Пораженный, я вглядывался в грядущий мир — там, на закате человеческой истории (по Уэллсу), до самого горизонта расстилалось пустынное холодное море. Ни прибоя, ни волн, ни малейшего дуновения ветерка, только пески, вода, розоватая соль; доносится писк мечущейся над берегом странной бабочки; красное солнце становится все огромнее, оно растет, тускнеет, с низкого неба сыпется снег.

Такие потрясающие книги, думал я, пишут сверхлюди. Такие потрясающие книги пишут в уютных кабинетах умные вдумчивые писатели, пользующиеся неизменным уважением всех окружающих. Прочсть в раннем детстве «Машины времени» — это ведь все равно что осознать (даже не понимая этого) научность мышления. Все должны, считал я, восхищаться фантастами. И был поражен невероятно, прочитав (разумеется, позже) в воспоминаниях самого Уэллса о том, в какой обстановке писалась знаменитая повесть.

«Я сидел за круглым столом в гостиной моей съёмной квартиры, и быстро строчил пером. На столе лежало светлое пятно от керосиновой лампы. За распахнутым окном — теплая августовская ночь. Лучшая часть моего сознания все еще убегала от злобных морлоков, но какие-то участки мозга замечали и другое.

Например, неприятный голос. Да, да, с улицы из летней теплой ночи доносился голос миссис... нет, не помню ее имени... В общем, наша домохозяйка отважилась на открытую вылазку. Она обращалась через ограду к охотно слушавшей соседке, а заодно (и главным образом) ко мне, ведь окно было открыто. «Он ляжет или нет? — кричала она. — Как мне дом запирать, если все окна до сих пор настежь? У меня таких жильцов сроду не было!»»

С берегов Енисея мои родители перебрались в Тайгу — есть такая железно-дорожная станция в Кемеровской области. Никакой реки, деревянные домики, палисадники и колодцы. Вечерами возвращались с пастбищ коровы, пахло парным молоком, жизнью, металась над стадом оводы. Огромная луна поднималась над длинной улицей. Я видел, слышал все это и одновременно вчитывался в очередную фантастическую книжку.

Это — как рок-н-ролл из середины пятидесятых прошлого века...

К тому времени я, как любой читатель с опытом, прекрасно представлял себе программу ближайших действий всех жителей станции Тайга — так же как и всех остальных жителей Советского Союза.

Вот они, эти первоочередные задачи:

- уничтожить болезни;
 - продлить жизнь людей ну хотя бы лет до ста;
 - заставить работать на человека энергию Солнца, ветра, подземного тепла, атома;
 - научиться передавать электроэнергию без всяких проводов даже в Кузель, даже в Таловку, в Яшкино, в Пихтач, в другие совсем уж заброшенные деревеньки Кемеровской области;
 - предсказывать ужасные наводнения, ураганы, вулканические извержения и землетрясения (мало ли, что на станции Тайга они пока не отмечены);
 - срочно вывести новые неприхотливые (мне нравилось это слово) породы животных и растений, чтобы вес набирали быстрее, чтобы шерстью обрастали гуще;
 - научиться, наконец-то, управлять погодой.
- Всех-то делов! Только не ленись, засучи рукава.

* * *

К пятому классу я перечитал все фантастические книжки, имевшиеся в нашей школьной и в двух городских библиотеках, и кое-что очень важное узнал о жизни — например, о бодрящих энергетических лучах из романа Сергея Розвала «Лучи жизни» (1949) и, наоборот, о смертельном излучении из романа Валентина Иванова «Энергия подвластна нам» (1951), о путешествиях вглубь земли на мощных машинах, придуманных Вадимом Охотниковым («Дороги вглубь», 1950) и Григорием Адамовым («Победители недр», 1937), о путешествии в загадочный мир, заселенный по воле академика В. А. Обручева доисторическими животными («Плутония», 1924), о воздействии на наш мозг радиолучей-убийц, описанных фантастами Александром Беляевым («Властелин мира», 1926) и Сергеем Беляевым («Радиомозг», 1927), и, наконец, о путешествиях в космос, которые, оказывается, можно совершать не только в артиллерийских снарядах и ракетах, как в удивительной книжке К. Э. Циолковского «Грезы о Земле и небе» (1938), но даже и в настоящей водяной гигантской капле из романа «Небесный гость» (1937) все того же Александра Беляева.

В этой повести двойная звезда, близко подошедшая к Солнечной системе, силой своего тяготения сорвала с нашей планеты часть Мирового океана — вот умные люди, которые заблаговременно позаботились о специальных аппаратах, и путешествуют теперь по мировому пространству внутри гигантской водяной капли.

Я балдел от открывающихся возможностей!

Вот летит обыкновенный инженер (даже фамилия у него — Лось) на красную планету Марс (Алексей Толстой, «Аэлита», 1923), а с ним боевой товарищ Гусев.

«Я грамотный, — так говорит он о себе. — Автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь».

Да, не простое это занятие — война... «По совести говоря, я бы сейчас полком должен командовать, — характер неуживчивый! — признавался товарищ Гусев. — Прекратятся военные действия, — не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне все. Отпрошусь в командировку или так убегу. Четыре республики учредил, — и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал сотни три ребят, — отправились Индию освобождать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, погулять захотелось... ну, с бандитами не ужился... ушел в Красную Армию... На Марсе пригожусь!»

Конечно, пригодился. Потому что и на Марсе — революция.

Правда, советский критик Георгий Горбачев (разумеется, об этом я узнал много-много позже) отнесся к моему любимчику из замечательного романа Алексея Толстого весьма жестко. «Гусев — не пролетарий, не коммунист, — так писал Горбачев, — он деклассированный империалистической и гражданской войнами крестьянин, бывший махновец, потом буденновец, типичнейший партизан, авантюрист, сочетающий революционный подъем с жаждою личного обогащения. Он загребает в свои руки... в первую голову золото и “камушки”. Гусев — националист, и первая его мысль по приезде на Марс — присоединить Марс к РСФСР, чтобы утереть нос Англии и Америке... Он бросает марсиан в прямой бой, не расспросив о силах врагов и друзей, об общей ситуации на Марсе. При всем его сочувствии угнетенным, — он, вернувшись на Землю, изолгался, захвастался, потом основал акционерное общество, правда, под предлогом освобождения Марса от олигархии. Не рабочий, не коммунист — взбунтовавшийся, деклассированный, жадный, мелкий собственник воплощает у Толстого русскую революцию».

Хорошо, что в детстве мы критику не читаем.

После «Аэлиты» я разыскивал все книжки Алексея Толстого.

«Путь, которым шел пароход, — (“Древний путь”, 1927), — был древней дорогой человечества из дубовых аттических роц в темные гиперборейские страны. Его называли Геллеспонтом в память несчастной Геллы, упавшей в море с золотого барана, на котором она вместе с братом бежала от гнева мачехи на восток. (Каждое слово в тексте Толстого казалось мне волшебным! — Г. П.) Несомненно, о мачехе и баране выдумали пелазги — пастухи, бродившие со стадами по ущельям Арголиды. Со скалистых побережий они глядели на море и видели паруса и корабли странных очертаний. В них плыли низенькие, жирные, большеносые люди. Они везли медное оружие, золотые украшения и ткани, пестрые, как цветы. Их обитые медью корабли бросали якорь у девственных берегов, и тогда к морю спускались со стадами пелазги, рослые, с белой кожей и голубыми глазами. Их деды еще помнили ледниковые равнины, бег оленей лунной ночью и пещеры, украшенные изображениями мамонтов. Пелазги обменивали на ме-

таллическое оружие животных, шерсть, сыр, вяленую рыбу. Они дивились на высокие корабли, украшенные на носу и корме медными гребнями. Из какой земли плыли эти низенькие, носатые купцы? Быть может, знали тогда, да забыли. Спустя много веков ходило предание, будто бы видели пастухи, как мимо берегов Элады проносились гонимые огненной бурей корабли с истерзанными парусами, и пловцы в них поднимали руки в отчаянии, и будто бы в те времена страна меди и золота погибла».

Понятно, страной этой была Атлантида. Я-то знал это, потому что жил в мире подобных книг. Да и вообще. Разве книги и окружающее — это не одно и то же? Все в природе связано и взаимосвязано...

Вот в классе шестом попала мне в руки книжка знаменитого английского биолога Вильяма К. Грегори «Эволюция лица от рыбы до человека» (1934). Из нее я наконец получил представление о сложнейшем пути, проделанном нами, людьми, за многие миллионы лет! От злобных доисторических акул, от мордастых сеймурий, от хищных иктидописцов до мускулистых волосатых обезьяночеловеков с острова Ява и совершенных «римских атлетов», завершающих эволюцию! То есть, наконец дошло до меня, — все мы, в том числе и обитатели станции Тайга, являемся представителями самой высшей эволюционной ступени: прекрасными «римскими атлетами», готовыми к любым испытаниям.

* * *

Но жизнь есть жизнь. Однажды в холодный день на ледяном катке (залитом, кстати, нами самими) некий хулиган Паюза (сосед по улице и, понятно, тоже «римский атлет») дал нам, катающимся рядом, понять, за что он скоро сядет. Тогда это словечко не требовало никаких пояснений. Ну сядет, что тут такого? Старшие братья Паюзы отправлялись в исправительные лагеря регулярно, как дежурные электрички, вот и младшему пришла пора. И сядет он не за что-то там такое особенное, а за меня. Ведь я один рассмеялся, когда Паюза споткнулся и упал. Такое бывает. Но рассмеялся я один.

Рассмеялся потому, что был твердо убежден, что и поэт Пушкин, и биолог Вильям К. Грегори, и машинист Петров с нашей улицы, и даже Паюза (урожденный хулиган) — действительно являются вершиной эволюции.

...До сих пор помню нездоровое лицо Паюзы. Имя забыл, но лицо помню — бледное, хмурое, никогда не меняющее выражения. Мы, послевоенные кузбасские заморыши («римские атлеты», по определению Вильяма К. Грегори), росли полуголодными, драчливыми, вечно нас томили любопытство и страсть к неясным приключениям, но вот ведь случилось: именно Паюза споткнулся и упал и именно я рассмеялся! Так что до всех сразу дошло, за что, точнее за кого, сядет Паюза. Никто ни слова не произнес, но все это знали. А Паюза молча поднялся и сунул руку в карман, правда, не за ножом или заточкой — просто рука замерзла. Потом отмотал обледенелые ремешки коньков и, по-взрослому сутулясь (видимо, ударился все же здорово), побрел домой.

И я побрел домой. Так же молча, так же сутулясь. Никто меня не преследовал, некоторые даже жалели. Хотя чего там жалеть, все равно Паюза меня зарежет. Ясно как день. И дома не было никого. Зато на столе лежала толстенная книга, видимо принесенная отцом.

Прижавшись спиной к обогревателю печи, я взвесил на руке книгу. «Происхождение видов» — так она называлась. А если совсем точно, то «Проис-

хождение видов путем естественного отбора, или Сохранение избранных пород в борьбе за существование». Толстая, надежная, добротная книга, несколько сотен страниц большого формата — с такой, подумал я, отсидеться можно хоть до весны.

«Моему уму присуща какая-то роковая особенность, побуждающая меня сначала предъявлять мое положение или изложение в неверной или неловкой форме...» — попалась мне на глаза случайная фраза, и я печально удивился: надо же, как точно сказано! Я ведь тоже вот так: сперва рассмеюсь, потом думаю.

«Не во власти человека изменить существенные условия своей жизни. Он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве, но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может дать им пищу, которой они не питались в своем естественном состоянии...»

Я был поражен верностью прочитанных мною слов!

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни». Истинная правда. Как мы можем изменить эти условия? Своим ходом, что ли, гнать животных в Китай или в Индию? Птицу пугни, та сама полетит, куда нужно, а вот корова или поросенок... Да и какой им смысл плестись до далекого Ганга, до далекой Хуанхэ?

Интереса ради взглянул я на портрет автора, и увидел... Паюзу! Не знаю уж, где Паюза раздобыл такую хорошую шерстяную куртку, хотя мало ли — стащил у кого-то, увел из товарного вагона... Борода тоже не удивила — трудно отрастить, что ли? — но вот подпись под портретом... «Чарльз Дарвин». Повезло мне родиться в эпоху «римских атлетов».

Почти месяц я ходил на уроки дальними снежными тропками, осторожно, скрывался, старался не отдаляться от спасительных стен дома или родной школы № 2, страшно боялся — зарежет меня Паюза. И был искренне счастлив, когда однажды дошла до меня благая весть: сел наконец Паюза! Уж не помню за что, но — сел!

Вот они, великие прозрения Чарльза Дарвина! Не во власти человека изменить климат страны, прибавить новые элементы к почве и все такое прочее, но можно, сами видите, можно даже Паюзу («римского атлета») перенести из одного климата в другой и дать ему пищу, которой он не питался в естественном своем состоянии. Короче, книга, как всегда, научила меня новому.

* * *

А вот «Страну Гонгури» (1922) Вивиана Итина я впервые прочел уже в библиотеке Томского университета (там имеется первое ее издание). Роман фантастический, но, в отличие от «Аэлиты», в книжке Итина расстилались родные пейзажи. У Толстого — красная планета Марс, пески, пауки, повстанцы, а у Итина — заснеженная Сибирь, колчаковцы, их союзники — англичане, чехи, французы. Союзники, кстати, держались бодрее всех, это сразу бросалось в глаза; они ведь приехали к нам не столько воевать, сколько *изучать* ужасную русскую революцию. Прокуренные злые солдаты пилят дрова, гребут снег деревянными лопатами, надо ведь накормить и напоить паровозы. В морозной звездной ночи, будто облитые мистическим сиянием, идут и идут на восток люди. Много людей. В форме и в штатском. В сапогах и в валенках. С оружием и с детьми.

Самые обыкновенные русские люди. От кого они бегут? — поражался я. От немцев? От французов? Да нет же! От своих, от русских, они бегут! Белые от красных. «Беженская тля!» — презрительно щурится чешский генерал Гайда.

Снежная мгла. Враждебные полустанки.

В вагоне-ресторане уходящего на восток адмиральского состава тучный министр финансов фон Гойер громко отчитывал нерадивых службистов, чешский генерал Сыровый (с повязкой на глазу) неумолимо тянул водку, штабс-капитан Василий Янчевецкий (В. Ян, будущий сталинский лауреат) спорил с другим будущим советским писателем — чиновником для особых поручений Валерием Язвицким. Все они — белые. Все они служат адмиралу Колчаку. И все бегут в сторону Китая.

Попавший в плен к колчаковцам юный партизан Гелий приговорен к расстрелу. Старый опытный врач Митчель, американец, тоже попавший в колчаковскую камеру, жалея Гелия, погрузил его в особенный гипнотический сон. Там, в этом сне, Гелий оказался в невероятно далеком будущем. И там, в этом своем невероятно далеком будущем, влюбился в красавицу Гонгури. Она умна, она — над всеми. Но что это для влюбленного? «Я поклялся звездному небу, что какой угодно ценой стану достойным хотя бы лучшего взгляда Гонгури». В замечательной стране Гонгури нет деления на классы и нации, там давно восторжествовал интернационал, коллективное творчество. Даже памятники там воздвигаются не людям, а событиям. Только иногда Гелий (в будущем он становится ученым) с помощью особого телескопа наблюдает за тем, что происходит на оставленной им Земле, — к сожалению, ничего нового: все так же дерутся друг с другом толпы одинаково одетых мужчин, горляничих, вооруженных.

«Страну Гонгури» Вивиан Итин написал в Канске, где служил (одновременно) завагитпропом, редактором местной газеты и председателем товарищеского дисциплинарного суда, а герои романа — томились в колчаковской тюрьме. Книжку напечатали в типографии на казенной бумаге, принадлежавшей газете «Канский крестьянин», указав (на всякий случай): «Государственное издательство». Впрочем, тираж разошелся мгновенно: бумага прекрасно годилась для курева.

* * *

К фантастике в 1920-е годы в Советской стране обращались многие, даже сугубые реалисты, такие, например, как Евгений Замятин. Роман «Мы» был написан им в 1920 году, но вышел в свет далеко не сразу, да и то — за рубежом. Понятно почему...

С глубочайшим разочарованием смотрел автор на строящийся мир, все в нем вызывало неприятие: «В наши дни, — писал он в статье, опубликованной в 1921 году в литературном альманахе “Дом искусств”, — в театральный отдел с портфелем бегал бы Гоголь; Тургенев во “Всемирной литературе”, несомненно, переводил бы Бальзака и Флобера; Герцен читал бы лекции в Балтфлоте; Чехов служил бы в Комздраве. Иначе, чтобы жить — жить так, как пять лет назад жил студент на сорок рублей, Гоголю пришлось бы писать в месяц по четыре “Ревизора”, Тургеневу каждые два месяца по трое “Отцов и детей”, Чехову — в месяц по сотне рассказов. Это кажется нелепой шуткой, но это, к несчастью, не шутка, а настоящие цифры. Труд художника слова и труд словоблуда, работа Чехова и работа Брешко-Брешковского теперь расцениваются одинаково: на

аршины, на листы. Перед писателем выбор: стать Брешко-Брешковским или замолчать...»

Тридцатый век, описанный Замятиным, по-настоящему пугал читателей — ничем это будущее не походило на обещанное казенными пропагандистами. В замятинском фантастическом романе человеческое я полностью исчезло из обихода, — осталось лишь коллективное понятие *мы*, остались лишь *нумера* — вместо имен человеческих. Понятно, что молодой советской республике такой взгляд на себя не нравился...

О другом талантливом писателе — Михаиле Булгакове, в те годы тоже не раз обращавшемся к фантастике, в «Литературной энциклопедии» (1930) говорилось совсем просто: «Не сумел ни оценить гибели старого, ни понять строительства нового... Его частые идейные переоценки не стали источником большого художественного творчества... Вошел в литературу с сознанием гибели своего класса... Принял победу народа не с радостью, а с великой болью покорности...»

Еще горше оказалась литературная судьба Александра Чаянова.

Писатель, крупный ученый-экономист, он вошел в литературу такими изысканными вещами, как «История парикмахерской куклы» (1918), «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей: Романтическая повесть, написанная Ботаником X., иллюстрированная фитопатологом Y.» (1923), «Венецианское зеркало, или Диковинные похождения стеклянного человека: Романтическая повесть, написанная Ботаником X., и на этот раз никем не иллюстрированная» (1923) и все такое прочее. Но свирепый (иначе не скажешь) гнев официальной критики вызвала фантастическая повесть Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920), в которой торжествовали не большевики, а эсеры! Позже, в годы репрессий, писателя обвинили в принадлежности к Трудовой крестьянской партии — совершенно мифической, поскольку выдумал ее не Чаянов, а читавшие его повесть следователи НКВД.

Впрочем, жизнь богата на чудеса, даже, скажем так, счастливые.

«В тридцатые годы, — рассказывал мне наш замечательный фантаст Михаил Петрович Михеев, — я работал монтером в электроцехе в городе Бийске, о литературе даже не мечтал, так, пописывал стихи. “В фабкоме встретились шофер и комсомола”. А однажды на свадьбу друга написал песню: “Есть по Чуйскому тракту дорога”. Ее почему-то запели. Сейчас ее даже считают народной, имени автора никто не знает, а тогда пришлось мне поволноваться. Городская газета напечатала статью о плохом состоянии алтайских дорог, о частых авариях, о плохой дисциплине среди шоферов, а какой может быть дисциплина у шоферов, спрашивала газета, если они поют подобные песни? И вот прихожу утром на работу, а мне кричат: “Михеев, в особый отдел!” Шел я туда, и ноги у меня дрожали. Из особого отдела в те годы проследовать можно было куда угодно, хоть до Магадана. Вошел, снял кепку. Особист в форме долго смотрел на мои красные оттопыренные уши и молчал. Ну и я молчал. О чем нам с ним говорить? Я же видел, перед особистом лежит тетрадный листок с текстом моей песни.

— Твоя работа?

— Моя.

Ждал чего угодно. А особист с силой хлопнул ладонью по столу:

— Михеев! Да ты у нас, оказывается, поэт! Может, отправить тебя учиться?»

...Вот и такие чудеса случались. Все жаждали чуда. Как выжить без чуда? В небольшой повести Александра Грина «Крысолов» (1924) действие вообще происходило в пустом, разграбленном, продутом сквозняками банке. Революция на своем пути рушила всё. Но даже в насквозь замороженных пустых руинах, заваленных бумагами всех видов, всех назначений, в неприметном, никем не замеченном шкафу героя ожидало нечто невероятное. «В одной корзине были сыры, коллекция сыров — от сухого зеленого до рочестера и бри. Вторая, не менее тяжеловесная, пахла колбасной лавкой; ее окорока, колбасы, копченые языки и фаршированные индейки теснились рядом с корзиной, уставленной шрапнелью консервов. Четвертую распирало горой яиц. Я встал на колени, так как теперь следовало смотреть ниже. Здесь я открыл восемь голов сахара, ящик с чаем; дубовый с медными обручами бочонок, полный кофе; корзины с печеньем, торты и сухари. Две нижние полки напоминали ресторанный буфет, так как их кладью были исключительно бутылки вина в порядке и тесноте сложенных дров. Их ярлыки называли все вкусы, все марки, все славы и ухищрения виноделов».

К сожалению, советская критика чудес не признавала.

«Нам нужна здоровая, занимательная приключенческая литература, но творческая продукция Грина не восполняет этот пробел», — писал критик в газете «Известия» (1928). «Творчество Грина чуждо нашей действительности. В своем творчестве Грин уходит в мир каких-то потусторонних теней. По своим настроениям и темам книги его непонятны, чужды рабочему классу», — вторил газете журнал «Книга и профсоюзы» (1928).

Да и как могла советская критика принять и понять мечты символиста Грина (себя он называл именно символистом, терпеть не мог определения — фантаст) или совсем уже парадоксальную философию другого писателя — Андрея Платонова?

Дванов («Чевенгур», 1927) «в душе любил неведение больше культуры: невежество — чистое поле, где еще может вырасти растение всякого знания, но культура — уже заросшее поле, где соли почвы взяты растениями и где ничего больше не вырастет. Поэтому Дванов был доволен, что в России революция вылола начисто те редкие места зарослей, где была культура, а народ как был, так и остался чистым полем, — не нивой, а порожним плодородным местом. И Дванов не спешил ничего сеять; он полагал, что хорошая почва не выдержит долго и разродится произвольно чем-нибудь небывшим и драгоценным, если только ветер войны не принесет из Западной Европы семена капиталистического бурьяна».

Ну, в самом деле, зачем мучиться? Работа — это уступка уничтоженному капитализму. Значит, любая работа опять и опять будет производить некий продукт, а продукт этот опять и опять будет приводить к эксплуатации. Хватит! Пусть Солнце работает.

«Тут тебе и звезды полетят к нам, и товарищи оттуда спустятся, и птицы могут заговорить, как отживевшие дети, — коммунизм дело не шуточное, он же светопредставление! <...> Организуем фонтаны, землю в сухой год намочим, бабы гусей заведут, будут у всех перо и пух, — цветущее дело! <...> Коммунизм же придет сам. Если в Чевенгуре нет никого, кроме пролетариев, — больше нечему быть».

Не случайно роман «Чевенгур» Андрея Платонова был напечатан только в 1972 году, и не в Москве, а в далеком Париже. Да и то! — кому нужны были все эти эсерские и меньшевистские фантазии, когда спокойно можно было писать о созданных своими руками тракторах (техники не хватает), о разведении

кок-сагыза (каучука тоже не хватает), о поисках и находках юных натуралистов (мало ли что могут найти эти пытливые советские юноши). Фантаст Владимир Немцов, к примеру, сам предупреждал читателей: «В моей книге («Последний полустанок», 1959) нет ни полетов в дальние галактики, ни выходов с других планет. Автор не берется угадывать, какой будет техника через много лет. Просто хочется помечтать о чистых сердцах и о том, как бы сделать всех хороших людей счастливыми».

Что же мешает всеобщему счастью? Да конечно классовые противоречия!

В Советском Союзе фантасты писали не о войне миров (как Уэллс), а о войне классов. Знаменитый писатель Илья Эренбург после своего философского романа «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» (1922) издал не менее вызывающую книгу «Трест Д. Е. История гибели Европы» (1923). Енс Боот, герой этого романа, — человек без национальности; для него быть голландцем в Италии — то же самое, что ходить по улицам летнего Неаполя в меховой куртке. «Европа утопает в пороках, лени и смутах. Если мы обратим ее в пустыню, это будет актом высокого человеколюбия. А потом... Потом мы откроем Европу! Заселим ее колонистами, хотя бы из той же Африки, и начнем выводить новые полезные породы людей, используя благоприятный, умеренный климат».

Удивительно, как это впоследствии перекликнулось с мечтами итальянского диктатора, создателя фашизма Бенито Муссолини — вот кто собирался кардинально (и вполне реально) изменить психологию своих безалаберных соотечественников. Вырастить новых итальянцев! — собранных, трудолюбивых, мужественных, чья радость подчинения воле вождя должна была преобладать над всеми другими радостями. Муссолини брал пример с римских императоров и даже собирался написать утопию под названием «Европа-2000».

В далеком от Муссолини XXI веке кому, как не нам, оценить «прозрения» дуче?

Ну да, Италия должна стать империей. Ну да, Италия должна получить в полное свое владение Средиземное море, Тунис и Корсику. Такие страны, как Ливия, Эфиопия, Сомали, должны были стать провинциями Италии, так же как часть Швейцарии, как острова Мальта и Кипр. Вообще, к концу XX века главенствовать в мире будут, считал дуче, страны самых сильных режимов — Германия, СССР, Япония и Италия. Третий мир? Да ну! Это же обыкновенные колонии! США? Да ну! Это же «страна негров и евреев, презренные отбросы цивилизации»! К счастью, не все мечты политиков сбываются...

А вот в фантастической, чрезвычайно лихо закрученной повести молодого советского писателя Сергея Буданцева «Эскадрилья Всемирной Коммуны» (1925) грядущая война описывалась как последняя. Кровавая и жестокая, зато именно последняя, освобождающая мир от всех других войн: «...красный флаг СССР алел на востоке; не шепот Циммервальда, а грозный голос Коминтерна гремел над миром; отрывистый язык его воззваний к восстающим народам навсегда останется памятником тех героических времен. Советская Россия втянута в войну не была, но ее границы тщательно охранялись воздушным флотом, и лишь революция сначала в Италии, а затем в Германии осенью 1936 года направила военную силу России на помощь пролетариату».

В итоге освобождена была вся Евразия — от Японии до Англии. («Чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя», — как мечтал прекрасный советский поэт Павел Коган. — Г. П.). Остатки «черного интернационала» укрепились

на африканском острове Мадагаскаре, превратив его в неприступную крепость, а последний правительственный кабинет мирового империализма возглавил не кто иной, как Бенито Муссолини.

Но нет таких крепостей, которых не взял бы восставший народ! Просто невероятное предвиденье! В 1925 году молодой советский писатель Сергей Буданцев описал в своей повести закономерный финал жизни последнего фашистского вождя: он был схвачен и убит восставшими! Почти как в реальном 1944 году, до которого было еще далеко!

Впрочем, писатели тоже не всегда оказываются провидцами. В повести П. Павленко «На Востоке» (1936) советские войска разгромили империалистическую Японию за несколько дней, а в «Первом ударе» (1939) Н. Шпанова мужественные авиаторы уничтожали нацистскую Германию буквально за считанные часы. И Павленко, и Шпанов писали обо всем этом не просто так, они прекрасно знали, что будут услышаны *главным читателем* страны: ведь еще в 1930 году Сталин в письме к Максиму Горькому прямо и ясно объяснил неизбежность войны с окружающим СССР капиталистическим миром. Конечно, победить должен коммунизм, он и победит, так что, указывал вождь, партия большевиков решительно возражает против желания некоторых писателей внушить своим читателям чувство отвращения к войне. Долой буржуазно-пацифистские придумки! Советские люди ждут романов и повестей, в которых с железной логикой преодолеваются устаревшие моральные условности. Мы против не *всякой* войны, указывал вождь. Мы против войны *империалистической*. Установку запомнили.

«...Когда фашисты посмеют нас тронуть, — писал в своей повести Н. Шпанов, — Красная армия сразу перейдет границы вражеской страны. Большевики не пацифисты. Мы — активные оборонцы. Наша оборона — наступление. Красная армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны. С того момента, как враг попытается нарушить наши границы, для нас перестанут существовать границы его страны...»

У Павленко получалось еще интереснее: «Английские моряки, свидетели боя под Майдзуру, подтверждали наблюдения норвежского капитана относительно непонятной тактики красных, а сам норвежец в конце разговора признался, что еще вчера ночью он встретил подлодку красных в заливе Чемульпо, но никому не сказал об этом из боязни за судьбу своего “Тромсэ”. Он будто бы крикнул советскому офицеру, стоявшему на мостике лодки: “Где вы намерены еще драться, черт вас возьми?” И тот ответил, пожимая плечами: “Это пограничное сражение, сэр...”» Что ж, люди, только что бомбившие столицу противника, имеют право говорить афоризмами...

Война, война, война.

Впрочем, до 1930-х годов советских фантастов интересовало многое, и сами названия книг говорят о разнообразии разрабатываемых тем — «Грядущий мир» (1923) Якова Окунева, «Побежденные боги» (1924) и «Остров Тасмир» (1927) Валерия Язвицкого, «Роковые яйца» (1925) и «Собачье сердце» (1925) Михаила Булгакова, «Психомашина» (1924) и «Век гигантов. История про то, как фабзавук Николка из-за фокусов ученого медика Скальпеля попал в гости к первобытному человеку» (1925) Виктора Гончарова, «Крушение республики Итль» (1925) Бориса Лавренева, «Гиперболоид инженера Гарина» (1925) Алексея Толстого, «Земля Санникова» (1926) академика

В. А. Обручева, «Конец здравого смысла» (1927) и «Аппетит микробов» (1927) Анатолия Шишко, «Я жгу Париж» (1928) Бруно Ясенского, «Бегущая по волнам» (1928) Александра Грина, «Бунт атомов» (1928) Владимира Орловского, «Радиомозг» (1927) Сергея Беляева, «Через тысячу лет» (1927) Вадима Никольского, «Человек-амфибия» (1928) и «Продавец воздуха» (1929) Александра Беляева и многие-многие другие...

Но молодая Советская страна окружена врагами! Зачем отвлекаться от главной темы? Пишите о новой технике, о воспитании мужества и патриотизма у молодых, именно сейчас, как никогда, нам нужна сильная армия! Рассказывайте о реальном оружии! И в редкой сейчас книжке «Война и стратегическое сырье» (1941) академик А. Е. Ферсман восторженно, как только он умел, описывает близкие военные сражения (с точки зрения ученого): «Летит эскадрилья бомбардировщиков и истребителей в темную осеннюю ночь — алюминиевые коршуны весом в несколько тонн из сплавов алюминия: дуралюминия или силумина. За ними — несколько тяжелых машин из специальной стали с хромом и никелем, с прочными спайками из лучшей ниобовой стали; ответственные части моторов — из бериллиевой бронзы, другие части машин — из электрона, особого сплава с легким металлом магнием. В баках или особая легкая нефть, или бензин, лучшие, чистейшие марки горючего, с самым высоким октановым числом, ибо оно обеспечивает скорость полета. У штурвала — летчик, вооруженный картой, покрытой листом слюды или специального борного стекла. Ториевые и радиевые светящиеся составы синеватым светом освещают многочисленные счетчики, а внизу, под машиной, — быстро отрывающиеся одним движением специального рычага авиационные бомбы из легко разрывающегося металла с детонаторами из гремучей ртути и целые гирлянды зажигательных бомб из металлического порошка алюминия и магния с окисью железа».

И далее: «Заговорили зенитки, следящие за пикирующим полетом коршуна. Шрапнели и осколки зенитных снарядов осыпают вражеский самолет, и снова хрупкая сталь, сурьма и взрывчатые вещества из угля и нефти вводят в действие разрушительную силу цепных химических реакций. Эти реакции, которые мы называем взрывом, протекают в периоды тысячных долей секунды, создавая колебательные волны и механические удары огромной силы. Но вот — удачный выстрел. Пробито крыло налетевшего коршуна, и тяжелым грузом, с остатками бомб, летит он на землю. Взрываются бензиновые и нефтяные баки, рвутся не сброшенные снаряды, сгорает и превращается в кучу бесформенного окисленного металла многотонный бомбардировщик из алюминия, созданный человеческим гением и человеческой злобой для уничтожения другого человека. «Фашистский самолет сбит», — гласит краткое сообщение прессы. «Сильнейшая химическая реакция закончена, и химическое равновесие восстановлено», — говорит химик. «Еще один удар по фашистской своре, по ее технике, живой силе и нервам», — говорим мы. *Свыше 46 элементов участвует в воздушном бою — больше чем половина всей Менделеевской таблицы».*

Настоящая военно-геохимическая поэма!

* * *

К сожалению, под мощным идеологическим давлением советская фантастическая (и не только) литература быстро выцветала. Белое и черное — одних этих красок недостаточно. Зато — чем примитивнее текст, тем легче он прохо-

дит цензуру. В итоге известные писатели начали оставлять нелюбимый властями жанр, а молодые пытались приспособиться. Почему бы, к примеру, не создать производственный фантастический роман? И описывался новый путь из СССР в Северную Америку — под полярными льдами; возводился ледяной барьер, способный изменить климат Арктики (Александр Казанцев, «Арктический мост», 1946, «Полярная мечта», 1956); выводились быстрорастущие породы растений для полезащитных полос (Георгий Гуревич, «Тополь стремительный», 1951). Разве не эффектно? Создатели-селекционеры мчатся вверх по течению прекрасного южного канала и видят, как прямо на их глазах только что засаженные борозды покрываются нежной порослью.

Случались и настоящие романтики!

Свой роман «Небесный гость» в 1940 году, по мере его написания, молодой писатель Ян Ларри высылал отдельными главами прямо в Кремль, прямо И. В. Сталину — единственному читателю, имеющему право читать всё. В романе Яна Ларри мироустройство Советской страны показывалось с точки зрения попавших на Землю инопланетян. Писатель видел многие и многие несовершенства и хотел указать на них вождю, он всё исправит!

Из понятной скромности свой обратный адрес писатель не указывал, но уже в апреле 1941 года, после семи отправленных вождю глав, Ларри был вычислен и арестован сотрудниками госбезопасности.

Типичной можно назвать и судьбу фантаста Сергея Снегова: окончив Одесский химико-физико-математический институт, он работал в Ленинграде на заводе «Пирометр», успешно занимался наукой, пока в июне 1936 года не попал на Соловки, а затем в Норильск, выйдя на волю только в 1945 году. Боясь нередкого тогда пятилетнего «привеска» к прошлому сроку, остался в том же Норильске — вольнонаемным. Рукопись первой своей повести («В полярной ночи») отправил в журнал «Новый мир»; никакой фантастики в повести не было, но в печать она не пошла: ведь бывший заключенный писал о таких же заключенных. Впрочем, чудеса бывают, мы уже говорили об этом, и в 1957 году новый главный редактор «Нового мира» Константин Симонов заинтересовался норильским автором: «А давайте всех ваших заключенных назовем просто эвакуированными. Умные люди поймут, что к чему...»

Известность Снегову принесла его фантастическая трилогия «Люди как боги»: «Галактическая разведка» (1966), «Вторжение в Персей» (1968), «Кольцо обратного времени» (1977). «Я решил изобразить такое будущее, — писал мне Сергей Александрович, — в котором мне самому хотелось бы жить». И название уэллсовского романа Снегов, конечно, тоже взял не просто так. «Да, люди будущего у Герберта Уэллса — прекрасные небожители, но быть прекрасным — это все-таки не главная акциденция божества. В моем романе человек бросает вызов мирозданию».

Первая часть романа вызвала бурный интерес — да и как иначе? Первая советская «космическая опера»! «...А я, как всегда, нуждался в деньгах, — писал мне Сергей Александрович, — поэтому написал вторую часть. Читатели снова потребовали продолжения. Я заколебался, но написал и третью часть. А чтобы дальше не просили, в третьей части взял и поубивал многих своих героев по примеру Шолохова, покончившего с главным героем “Поднятой целины”, когда понял, что ввести его в светлый колхозный рай не удастся...»

И далее писал Сергей Александрович: «В первом варианте второй части романа я собирался послать землян в Гиады (рассеянное звездное скопление в

созвездия Тельца. — Г. П.), проваливающиеся в другую вселенную, но выбрал Персей. В Гидах больше приключений, в Персее — больше философии. Главная идея была (кроме утверждения высшей человеческой, то есть божественной, морали) — схватка человека с энтропией, представленной разрушителями. Разрушители — это организация беспорядка, хаос, превращающийся в режим; разрушители — это слепая воля природы. А люди — разум той же самой природы, вступивший в сознательную борьбу со своей же волей...»

«...Мы очень разные, — так говорил герой снеговского романа инопланетному собеседнику. — Вы — мыслящая мертвая материя, мы — мыслящие организмы. По облику мы несравнимы! Огромное скопление материи, собрание планет и звезд, мыслящих единым разумом. <...> Вы надменно пренебрегли нами. Вы остро чувствуете страдание мертвой материи. Что вам наши особые муки и особые запросы! Камень на дороге и мы, шагающие по той же дороге, вам равноценны, вы не окажете нам предпочтения. Вы если и страдальцы, то за весь мир, за звезды и деревья, планеты и людей, скопления светил и скопления грибов и трав — одинаково. Вы равнодушные — так вас определил мой друг. Он все-таки ошибся: вы не равнодушны... Но наши особые интересы, запросы живых существ, требования индивидуализированного разума, вам безразличны. Вы равнодушны к живой жизни — вот ваше отношение к нам».

К сожалению (как часто в этой статье я повторяю это слово), официальная критика не желала принимать высокие размышления фантастов, она усиленно подталкивала их к так называемому «ближнему» прицелу. Социалистический реализм — вот основа советской литературы. Пожалуйста, у нас нет возражений, пишите свои фантастические повести, но пусть они рассказывают читателям не о каких-то там неведомых разрушителях, а о реальных врагах и друзьях нашей страны! И пусть это будут, прежде всего, конфликты только хорошего с лучшим!

«Мою книгу, — писал Сергей Снегов, — последовательно отвергли “Знание”, “Детская литература”, “Молодая гвардия”, Калининградское книжное издательство. Основание все то же: космическая опера, подражание американцам. Писали резкие рецензии Кирилл Андреев, Аркадий Стругацкий (потом он вроде переменял отношение). В общем, я решил про себя, что бросаю фантастику, здесь мне не светит...»

К счастью, не бросил: жизнь медленно, но менялась. Первый полет Ту-104... Атомный ледокол... Советские ученые в Антарктиде... Первый синхрофазотрон... Идет работа над искусственным спутником... И при этом в быту — папиросы «Север», китайский чай в узких бандерольках, резиновые калоши, простеганные телогрейки, полувоенные кители, «москвички», в окнах — двойные рамы... И вдруг на всем этом фоне в 1957 году журнал «Техника — молодежи» начал печатать научно-фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды»!

«Железная звезда», «Эпсилон Тукана», «Легенда синих звезд», «Симфония фа-минор цветовой тональности 4.750 мю»... Что за черт? Какие Туканы? Вон параллельно печатанию ефремовского романа в газетах массово идут отклики (специально подготовленные, конечно) неких «читателей», уныло и давно отвыкших от вселенского масштаба. Тональность одна: какой эпсилон? — мы грязные улицы никак не можем благоустроить! Какая симфония фа-минор? — у нас электричество подведено не ко всем домам! Какие новые модели общества?

В программе партии ясно и четко сказано: наше поколение будет жить при коммунизме! И почему это в научно-фантастическом романе описывается прекрасное бесклассовое общество и ни разу не упомянуты Октябрьская революция и ее великий вождь? Тут было над чем подумать...

* * *

Советская фантастика никогда не была однозначной. Читайте внимательно, вчитывайтесь — и легко увидите разницу между творениями Алексея Толстого и Александра Богданова, Михаила Розенфельда и Александра Беляева, Вадима Охотникова и Александра Казанцева, Сергея Беляева и Яна Ларри, Владимира Немцова и Лазаря Лагина, Юрия Долгушина и Владимира Обручева, Леонида Платова и Григория Адамова, Геннадия Гора и Ивана Ефремова, Сергея Снегова и братьев Стругацких...

Роман Ефремова «Туманность Андромеды» всколыхнул жанр, а в 1960-х началась новая фантастика. Совсем не обязательно вести отсчет с братьев Стругацких, но без них эта новая фантастика попросту непредставима. Книжки братьев в СССР полюбили сразу. Сам Аркадий Натанович, кстати, не сильно жаловал разговоры и споры о специфике жанра. Да и что там говорить, мы-то знали слова К. Э. Циолковского: «...я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни сил. Но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, в отдаленном будущем, — дадут обществу горы хлеба и бездну могущества». К тому же Аркадий Натанович был твердо уверен, что никакой, даже самый высоколобый, фантаст не может бежать впереди науки, указывать науке новые пути. Разве писатель первым додумался до теории относительности? Или фантаст указал на квазары, открыл пульсары, предложил теорию Большого взрыва? «Почему это электрические прожектора “Наутилуса” должны меня восхищать?» — спрашивал Аркадий и страшно дивился дотошности Георгия Иосифовича Гуревича: «Гиша, ну зачем вы тратите столько усилий на все эти ваши научные рассуждения? Все равно они спорны и вызывают возражения. Сажайте героев в изобретенный вами аппарат, и пусть они начинают действовать».

Фантастов, боявшихся заглянуть в будущее, Аркадий Натанович сравнивал с котами, нажравшимися паленой валерьянки. Пишите о своем! — требовал он. Пишите исключительно о своем, о том, что вы сами видели! Вот ты, Прашкевич, пиши не о какой-то там бразильской сельве, а о своих Курильских островах, не о наемниках Иностранного легиона, а о курильских богодулах. Столкни их с каким-нибудь загадочным океанским чудищем. Увидишь, что получится!

Получилась повесть «Великий Краббен» (1983). По выходе книга сразу была запрещена, тираж уничтожен.

К сожалению (опять это слово), не все так быстро менялось, как всем нам того хотелось. Практически все вещи братьев Стругацких встречались в штыхы — «Улитка на склоне» (1966), «Гадкие лебеди» (1967), «Сказка о тройке» (1968), «Пикник на обочине» (1972), «За миллиард лет до конца света» (1976) и многие другие незамедлительно вызвали резкий отпор у тех, кто требовал от писателей фантастики развлекательной, никуда не зовущей, пробавляющейся чисто техническими затеями.

«Писать фантастику мы начали потому, что любили (тогда) ее читать, а читать было нечего — сплошные “Семь цветов радуги”, — делился своими мыс-

лями Борис Натанович (август 1988). — Особенно раздражало абсолютное равнодушие литературной критики. После большой кампании по поводу “Туманности Андромеды” эти критики, видимо, решили, что связываться с фантастикой — все равно что живую свинью палить: вони и визгу много, а толку никакого».

Аркадий Натанович высказывался о фантастике еще определенной: «...Все эти вещи (кроме, конечно, “Туманности”) объединяют по крайней мере две слабости: а) их пишут не писатели — у них нет ни стиля, ни личностей, ни героев; их язык дубов и быстро приедается; сюжет примитивен и идея одна — дешевый казенный патриотизм, б) их писали специалисты-недоучки, до изумления ограниченные узкой полоской технических подробностей основной темы. <...> И еще одно — этого, по-моему, не учитываешь даже ты. Они (эти псевдописатели. — Г. П.) смертельно боятся... смешения жанров».

В том же письме к брату Аркадий Натанович даже наметил программу дальнейших действий. «Наши произведения должны быть занимательными не только и не столько по своей идее — пусть идея уже десять раз прежде обсасывалась дураками, — сколько по:

а) широте и легкости изложения научного материала; “долой жюльверновщину”, надо искать очень точные, короткие, умные формулировки, рассчитанные на развитого ученика десятого класса; б) по хорошему языку автора и разнообразному языку героев; в) по разумной смелости введения в повествование предположений “на грани возможного” в области природы и техники и по строжайшему реализму в поступках и поведении героев; г) по смелому, смелому и еще раз смелому обращению к любым жанрам, какие покажутся приемлемыми в ходе повести для лучшего изображения той или иной ситуации. Не бояться легкой сентиментальности в одном месте, грубого авантюризма в другом, небольшого философствования в третьем, любовного бесстыдства в четвертом и т. д. Такая смесь жанров должна придать вещи еще больший привкус необычайного».

Программа себя полностью оправдала — читатели с восторгом принимали книги братьев Стругацких. Но критика...

Критика, как всегда, следовала в литературном обозе.

«Анализируя эту повесть, надо говорить прежде всего о ее недостатках, а не о достоинствах, так как последних куда меньше, чем первых...»; «Так и тянет мистическим туманом. Поневоле задумаешься, откуда такое в нашей фантастике...»; «Надуманые “концепции” Стругацких, легко опровергаемые социологами, могут бросить тень на самоотверженную помощь нашего государства освободительным движениям в малоразвитых и колониальных странах...»; «Пора поговорить о “литературе”, которая существует рядом с литературой, — о книгах, которые будто бы ставят перед собой цель ни о чем не говорить всерьез, все, что можно (и даже то, что нельзя), измельчить, занизить...» — это всё критики писали о братьях Стругацких...

Был период чуть ли не в десять лет, когда новых книг у них просто не выходило, только несчастные переиздания. «...Борис, кажется, оправился от инфаркта, сегодня должен был отбыть из больницы в санаторий, — писал мне Аркадий Натанович в письме от 12 марта 1981 года, — еще месяц и, возможно, начнем снова встречаться для работы. Хотя где встречаться... Живу вчетвером с малышом в двухкомнатной, сам понимаешь, каково это... Но Бог милостив, что-нибудь придумаем. Главное, оба мы с Борисом уже старые больные клячи,

в доме творчества работать боязно — без жены, чтобы присматривала за здоровьем, насчет возможных приступов и т. д.»

При всем этом, при всех своих великих разочарованиях (писательских и житейских) незадолго до своей смерти Аркадий Натанович сказал мне в Москве: «Знаешь, Генка, все равно теории более светлой, чем коммунизм, люди еще не придумали». И в ответ уже на мои жалобы усмехнулся: «Да плюнь ты! Подумаешь, зарубили у тебя еще одну книгу. Не в первый раз и не в последний, наверное. Садись и пиши новую. Пока пишешь, один редактор сопьется, другого выгонят, Госкомитет по печати разгонят, цензуру отменят, сам режим изменится. Крикнут: где новые рукописи? Вот тут ты и объявишься».

...Так, в сущности, и получилось. Рухнула прежняя страна, рухнула прежняя фантастика.

Мгновенно были забыты казавшиеся такими важными вопросы: «Что, если изменится скорость света? Что, если исчезнет магнитное поле Земли? Что, если в один момент изменится направление океанских течений? (Ужас, как тогда мучили фантастов такие суперактуальные вопросы!) А если мы поймаем снежного человека, чему его обучать? А Несси, она приживется у нас в неволе? А если с Сириуса прилетят культурные жукоглазые со своими взглядами на живое?» И все такое прочее...

Понятно, в новой действительности зазвучали другие вопросы.

«Кто виноват? Что делать? (Не хочешь, а спросишь о таком.) Ой, а кто к нам пришел? Третьим будешь? Что же это делается, граждане? (Ну прямо до отчаяния.) За что боролись? Кто крайний? Куда ж нам плыть? (Получив свободу, все-таки ждали указаний.) Кто сочиняет анекдоты? Кому на Руси жить хорошо? Камо грядеши? Откуда есть пошла всеруська земля? Кто написал “Тихий Дон”? (Без этого вопроса вообще обойтись не могли.) Как нам обустроить Россию?» и т. д.

* * *

В конце 1980-х годов молодые советские фантасты стремились, прежде всего, на Всесоюзный семинар по фантастике и приключениям, собиравшийся в Дубултах, под Ригой, и на фестиваль фантастики «Аэлита», проводимый энтузиастами в Екатеринбурге. Только там можно было обсудить все поставленные выше вопросы. Помню, как горячо спорили мы в редакции журнала «Уральский следопыт», изучив стенограмму дискуссии американских фантастов, только что опубликованную в США неким Сэмом Московичем и уже бодро ходившую у нас по рукам.

«Неужели обязательно нужна какая-то страшная внешняя угроза, чтобы народы Земли объединились? — спрашивал знаменитый Говард Фаст. — Готовы ли мы встретиться с разумным инопланетным существом, строение которого, намерения которого будут кардинально отличаться от строения и намерений человека? Мы же топчемся на месте в важнейших областях морали, психологии, социологии».

И конечно, не могли не привлечь нашего внимания откровения американского резидента в Танжере Мак-Рейнолдса: «Если когда-нибудь советский режим будет свергнут, новая Россия завоюет весь мир. По-настоящему эффективный режим при известных всем потрясающих качествах русского народа приведет к экспансии, с которой можно сравнить только Римскую импе-

рию. ...Американские секретные службы должны делать все для того, чтобы укрепить советский строй... Мне кажется, сейчас борьба против коммунизма является антиамериканским делом».

Перестройка открыла двери всем. Ушло время силовых решений.

«Вы что, хотите монаху Менделю верить или мне, члену партии с 1895 года?» — искреннее удивление Ольги Борисовны Лепешинской никого больше не трогало, пусть цветут сто цветов. Вот он пришел, час расцвета — В. Бабенко, В. Покровский, Э. Геворкян, А. Силецкий, С. Лукьяненко, А. Фазылов, Л. Сеницына, В. Головачев, Х. Шайхов, И. Пидоренко, М. Веллер, Б. Штерн, С. Логинов, А. Кубатиев, Е. Лукин, Ю. Пригорницкий, Е. Носов, А. Етоев, Д. Клугер, А. Бачило, И. Ткаченко, В. Забирко, Е. Дрозд, В. Зеленский, А. Столяров, В. Звягинцев, А. Балабуха, А. Измайлов, В. Рыбаков, Н. Псурцев, Ю. Брайдер и Н. Чадович, Н. Астахова, Д. Трускинская, А. Лазарчук, Н. Романецкий, Л. Шувалов, А. Ярушкин, А. Щёголев, А. Щербак-Жуков, А. Мельников, П. Кузьменко, А. Молчанов, В. Петров, В. Шкаликов, Н. Курочкин, А. Рубан и многие-многие другие...

Есть о ком говорить — но создана ли *новая* научная фантастика?

«История человечества, — писал в одной из своих работ Герберт Уэллс, — это история обретения им внешней мощи. В самом начале земного пути мы видим, как человек овладевает жаром огня и силой грубых каменных орудий. Конечно, выпадали времена, когда человек был сыт, его не тревожили похоть и страх, а солнце согревало стоянку, тогда в глазах человека зажигались смутные проблески мысли. Он царапал резцом на кости и, уловив идею сходства, создавал искусство живописи; мял в кулаке мягкую теплую глину с берегового откоса и лепил из нее первый сосуд; смотрел на струящийся ручей и стремился постичь, что источает эту вкусную воду; щурился на солнце и мечтал поймать его в ловушку, заколоть копьем, и даже сообщал своему наивному собрату, что один раз ему такое уже удалось сделать».

Наши предки спасались на деревьях от хищников, но довольно скоро им это надоело — они почувствовали свою силу. Они резво спустились с деревьев и выпрямились: вот мы пришли, любуйтесь! Вот мы — гомо сапиенсы, люди разумные! Вот мы, «римские атлеты», венцы эволюции! Это ничего, что мы всё еще несколько преувеличиваем свою прямизну, свою разумность. Всё еще впереди!

К сожалению, желания наши далеко не всегда определяются тем, что мы хотим иметь и что мы уже имеем. Дочитываешь с восторгом новый талантливый фантастический роман (и такое бывает) и думаешь: все, тема закрыта!

Но в литературе, тем более в фантастической, так не бывает. Фантастика не указывает единственно верных путей. Она всего лишь намекает на предполагаемое. И тут главное — не мешать ей.

Новосибирскому государственному краеведческому музею — 100 лет

Андрей ШАПОВАЛОВ

ШАМАНСКИЙ КОСМОС В МУЗЕЙНОЙ ВИТРИНЕ

Особые музейные предметы

Меня часто спрашивают: какой ваш любимый предмет в музее? Это нечестный вопрос для музейного работника, а тем более — для директора, ведь мы по определению должны любить всё или хотя бы ровно относиться ко всему, что у нас хранится. И я всегда отвечаю, что у меня любимых предметов нет, хотя это только отчасти правда, потому что все-таки есть целый класс вещей, которые я выделяю особо. Наверное, это и есть любовь...

Я часто вожу гостей в залы, что-то показываю и рассказываю, и уже давно осознал, что у витрин, посвященных традиционным верованиям народов Сибири, я испытываю особенный подъем и вдохновенно говорю о шаманской коллекции. Сначала мне казалось, что это происходит потому, что я много лет изучал шаманизм и много о нем знаю, но постепенно понял, что мне просто нравятся сами предметы в витринах, я могу прочесть их тайные смыслы и понять истории, которые они рассказывают. Мне даже иногда кажется, что я тоже им небезразличен и они открывают мне гораздо больше, чем кому-то другому, — это ощущение создает между нами своеобразную доверительную близость. При этом речь идет не об отдельных вещах, а обо всем комплексе, ведь именно сочетание предметов в экспозиционном зале и есть особый музейный язык, который позволяет рассказать несколько разных историй через их отношение к подлинному свидетелю — музейному экспонату. Это обычно не цельное повествование, а некие фрагменты, привязанные к материальной культуре, отраженной в музейном собрании, — чем больше и разнообразнее коллекция, тем полнее и ярче воссоздается историческое (в данном случае — этнографическое) явление.

И в этом смысле Новосибирскому государственному краеведческому музею повезло — мы храним около 80 шаманских предметов, дополненных 50 фотографиями. Коллекция очень ценная и цельная, поскольку была сформирована в 1920-х и начале 1930-х годов — в период, когда на местном уровне в результате ослабления православия происходило бурное естественное возрождение ранних форм религии, а советская власть еще не начала процесс «расшаманивания»

сибирских народов. Материалы, собранные в то время, отражают реальное состояние «этнографического» шаманизма в чистом виде до изменений, произошедших в советский и постсоветский периоды. Основа коллекций скомплектована во время экспедиций, организованных Обществом изучения Сибири и ее производительных сил (ОИС), Российским отделением Красного Креста и самим новосибирским краеведческим музеем; предметы сдавались в музей сотрудниками этих экспедиций и музейными работниками, участвовавшими в них. Несмотря на то что у некоторых экспонатов нет данных о времени поступления и датчиках, можно предположить, что большая часть коллекции сформирована в экспедициях ОИС в Туруханский край и Нарым (1927) и Российского отделения Красного Креста в Карагасию (Тофаларию). Материалы хакасов и алтайцев приобрела соответственно в 1927 и 1928 годах в экспедициях художник музея Н. Н. Нагорская, этнограф музея Е. Н. Орлова привозила шаманские вещи из Южной Сибири и Нарымского края. В этой смысле единственным выделяющимся предметом коллекции является шаманский бубен, приобретенный в 1999 году этнографом музея Е. А. Кузнецовой на Алтае.

С точки зрения этнокультурной принадлежности коллекция чрезвычайно разнообразна — в нее входят предметы десяти коренных народов Сибири, проживающих на территории от Урала до Якутии и от низовьев Оби и Енисея до юга Алтая и Саян, в собрании представлено восемнадцать шаманских бубнов, семнадцать колотушек к бубнам, два чехла от бубнов, семь шаманских облачений, несколько шаманских головных уборов и других элементов шаманских костюмов, двадцать отдельных подвесок от различных шаманских костюмов, два шаманских посоха, шаманская сабля, шаманский топорик «худэ», три изображения духов и оберег.

Самая большая коллекция представляет шаманизм эвенков Енисея — ставшие уже классикой, хорошо известные и атрибутированные предметы: две шаманские парки с нагрудниками, перчатками и шапками, два шаманских бубна с чехлами, восемь колотушек, три деревянных идола, шаманский топорик и десять металлических подвесок. Эти предметы хорошо иллюстрируют классический среднесибирский шаманизм. Очень близки по типу к этой коллекции два

Шаманский топорик «худэ». Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

долганских и два якутских шаманских бубна. Якутский раздел коллекции кроме бубнов включает в себя роскошный шаманский костюм со множеством металлических подвесок (общий вес около 7 кг).

Классический тип южного шаманизма представлен коллекциями алтайцев, куда входят шаманский костюм и шапка алтай-кижи, два шаманских бубна (алтай-кижи и челканцы), четыре колотушки от бубна; предметы из этой коллекции (костюм, бубен, колотушка) давно стали классическими образцами шаманских принадлежностей, известных этнографам. Представление о шаманизме южносибирских народов расширяют костюм хакасского шамана (судя по качеству одежды и количеству деталей — невысокого ранга), а также шорский шаманский бубен и бубен челканцев с аниконической рукояткой.

Совершенно уникальной по количеству и составу является коллекция тофаларов — в нашем музее хранится один из немногих шаманских костюмов с полным набором подвесок и украшений (три шаманских головных убора, три шаманских бубна и колотушка), а также три комплекта матерчатых подвесок к другому шаманскому костюму. Шаманизм этого крайне малочисленного народа, насчитывающего около 300 человек (начиная с XVIII в.), известен весьма фрагментарно, но в нашей коллекции материальная сторона шаманизма тофаларов представлена достаточно подробно — мы располагаем по крайней мере одним полным комплектом принадлежностей шамана.

Комплекс религиозных представлений западносибирских народов представляют материалы хантов и селькупов — в основном это разрозненные, единичные и недостаточно полно атрибутированные материалы: бубен селькупского шамана, предположительно селькупская шаманская шапка, шаманские колотушки, шаманский посох, подвески к шаманскому костюму в виде антропоморфных фигурок и деревянных изображений идолов хантов, шаманская сабля.

К сожалению, в экспозиционных залах мы не можем показать все это богатство — коллекцию целиком можно увидеть только на специальной выставке «Говорящие с духами», которая чаще путешествует по городам России, чем представляется в Новосибирске. Но шаманский комплекс, который мы показываем в витринах экспозиции, все же вполне достаточен, чтобы представить сибирский шаманизм, — здесь можно увидеть самое лучшее из собрания: несколько полных шаманских костюмов разных народов, шаманские бубны с колотушками, подвески, изображающие различных духов, и другие шаманские атрибуты.

Железный скелет: смерть и перерождение

Полный шаманский костюм (а у нас выставлено пять разных комплектов) состоит из шаманского плаща (халата, кафтана), головного убора — шаманской шапки (короны) и сапог (на Севере — вместе с ноговицами); к этому иногда (довольно редко и только у отдельных народов) добавляются маска и рукавицы. В некоторых случаях там, где этническая традиция в одежде диктовала особые и необходимые добавочные элементы костюма, шаман обычно использовал и их, также приспособивая к своей социальной роли, — так, у эвенков шаман непременно носил нагрудник, который дополнял его кафтан, у нивхов шаманы имели особый шаманский пояс.

Основное плечевое одеяние шамана по названию и назначению редко отличалось от того, что носили обычные люди (у тюрков и монголов — халат, у эвенков — тунгусский фрак с нагрудником или кафтан, у самоедоязычных на-

**Костюм тофаларского шамана,
вид спереди.**

Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

**Костюм тофаларского шамана,
вид сзади.**

Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

родов — парка), лишь по цветовой гамме, необычному декору и символике, а также изредка по особому крою можно понять, что это одежда именно служителя культа. Считается, что в целом шаманское одеяние, снабженное множеством разных подвесок и украшений, должно символизировать сущность шамана не как человека, а как некоего медиатора, связующего мир людей и мир духов; это выражается в важных компонентах, которые очень легко увидеть.

Например, на костюме эвенкийского шамана металлические пластины на рукавах обозначают плечевые и локтевые кости, а вертикальная линия с отходящими лучами в центре нагрудника — это позвоночник с ребрами; на некоторых костюмах видны подвески, символизирующие важные внутренние органы (печень, сердце, легкие), а также мелкие детали скелета — пальцы или коленные чашечки. Обычно на рукавах плаща изображаются плечевые и локтевые кости, на груди — ребра и грудина (иногда отдельно — позвоночник и лопатки), на ноговицах или сапогах — кости ног. Все это не просто напоминает о человеческом скелете, а, наоборот, символизирует и сигнализирует, что шаман человеком не является — во всяком случае, надевая ритуальный костюм, он становится существом потусторонним, избранным духами и созданным (выкованным) заново.

Очень часто подвески, изображающие скелет, делаются из металла, они «железные», что означает в прямом смысле — очень прочные, почти вечные, не только не боящиеся человеческого тленного мира, но способные выдержать и другие, поистине космические нагрузки; при этом сакральное отношение к самому металлу, послужившему материалом для изготовления, добавляет шаману неземного могущества.

Символика головного убора дополняет основной мотив костюма — иная сущность шамана выражается в изображении магических глаз и ушей,

которые подчеркивают иные зрение и слух шамана, знание языка духов и способность видеть недоступное простым людям. Это элементы дара, возвышающие шамана над человеком. В отдельных случаях то же самое подчеркивалось наличием специальной маски, закрывавшей лицо и полностью преобразившей шамана во время обряда. Впрочем, гораздо чаще маски заменялись подвесками или длинной бахромой, нашитой по нижнему краю шапки и падавшей на глаза, — во время мистического полета шаман не использовал человеческие органы чувств, а только особые, шаманские.

Вся эта костюмная атрибутика рассказывает о перерождении шамана, о его мистической смерти в качестве человека и воскрешении как «другого» существа, но это отдельная история — о том, как вообще человек мог оказаться шаманом...

Шаманская шапка (корона).
Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

* * *

Считается, что шаманами становятся по избранию и велению духов, которые сами находят достойных людей и наделяют их особым даром. Но дар — это не только подарок духов, это еще и обязанность, от шаманского дара нельзя отказаться. Если на человека пал выбор духов, он подчиняется этому выбору безоговорочно, иного пути нет, ведь в случае отказа или сопротивления духи применяют самые жестокие методы, добиваясь своего.

Наделяя человека сверхспособностями, открывая перед ним возможности путешествия по мирам и прямого общения с иными сущностями, духи требуют взамен определенных обязательств: дальнейшая жизнь избранника будет подчинена необходимости осуществлять связь между этими мирами, в любое время его могут позвать как люди для выполнения определенных обрядов (и он должен выполнять их просьбы), так и духи — для исполнения своей воли.

Шаманами обычно становятся, пройдя через так называемую «шаманскую болезнь», которая и является переходом из человеческого состояния в статус иного существа. Чаще всего эту болезнь интерпретируют как расстройство психики или стрессовое состояние неясного генеза, тем более что для окружающих все так и выглядит — у человека бред и галлюцинации, он совершает бессмысленные поступки и действия, может несколько дней бродить по горам или в лесу, может даже нанести себе увечья, но совершенно не помнит, что и почему делал. Однако посвященные сразу понимают, что это такое — это духи терзают человека, зовут его и, по словам самих шаманов, «грызут сердце», «гложут кости» и «сжигают голову».

К такому больному приводят шамана, и если он действительно диагностирует «шаманскую болезнь», то нового избранника будет учить опытный наставник — это может быть шаман-родственник или специально приглашенный «большой шаман» издалека. Обучение проходит как совместные камлания, в ходе которых новичок учится входить в шаманский транс и путешествовать по мирам. Может быть одно или несколько камланий, которые осмысливаются как своеобразный инициационный переход — смерть человека и рождение шамана, именно тогда новый шаман получает «дар».

Видения избранника духов в ходе первого камлания либо в последний период «шаманской болезни» обычно сводятся к тому, что он летит в иные миры (чаще всего — на небо), где на священной горе или на вершине мирового древа духи умерщвляют его, разрывают тело, бросают в чан с кипятком, вываривая так, что мясо отстает от костей, а затем создают новые кости, как правило, выковывая их из металла (именно поэтому у эвенкийских или якутских шаманов подвески, символизирующие скелет, — металлические); кости облепляют мясом (глиной), вдыхают в тело шаманскую душу и определяют его шаманский путь (отмеряют жизнь). Затем это совершенно новое существо духи водят по разным мирам, знакомя с их правилами и обитателями, после чего возвращают на землю¹.

Вернувшись, неопит выздоравливает, начинает изготавливать или приобретать шаманские атрибуты и постепенно практиковать; часто — просто камлать для себя. Обычно силы шамана определены духами заранее, он может выполнять лишь отдельные функции, например, только лечить или только предсказывать, камлать с бубном или без него...

Но в любом случае становление шамана занимает достаточно длинный отрезок времени и по большому счету определяется двумя факторами: величиной полученного дара и степенью доверия социума к его индивидуальным способностям.

Фактически вся жизнь шамана проходит на границе миров и в переходах между ними, при этом необходимо учесть, что и социум до конца его не принимает и не признает своим, что окончательно делает шамана маргинальным элементом. Он действительно стоит вне социума, он просто присутствует на правах «чужого», что, естественно, делает его существование достаточно сложным с социальной точки зрения, невзирая на почитание, уважение и даже страх, которыми окружен шаман. К тому же переход границы миров, шаманский транс — труд весьма тяжелый как в физическом, так и в психическом плане, а если добавить еще, что в большинстве случаев он не оплачивается или оплачивается неадекватно затратам сил и времени, то становится ясно, что шаман часто проигрывает и в экономическом плане.

Путешествие в иные миры

После того как избранный получал «дар духов» и становился шаманом, он обретал способность перемещаться между мирами — и это тоже отражено в костюме: если развернуть любое шаманское одеяние, сразу можно увидеть птичью (реже — звериную) символику, которая обычно проста и хорошо заметна. Это, прежде всего, ряды матерчатых или кожаных подвесок (бахромы) по задним краям рукавов и подвески на спине, часто спускающиеся клином вниз, образуя

¹ Подробный свод рассказов о шаманской инициации см.: Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. — М., София, 1998. — С. 39—62.

своеобразный птичий хвост. Для усиления впечатления задняя часть кафтана также может быть отрезана в виде клина, как у костюмов эвенков и якутов. В развернутом виде шаманский кафтан или халат выглядят практически как птица с расправленными в полете крыльями; для пушного сходства иногда подвешивались или пришивались птичьи перья, мех или шкурки, а иногда даже части тела или косточки животных. На шаманских головных уборах также отражена способность к полету — практически на всех, даже на простых налобных повязках, мы видим пришитые перья хищных птиц. Все это символизирует способность во время обряда перевоплощаться в птицу и взлетать в верхние миры, где обитают основные духи.

Кстати, если вспомнить о редко встречающейся звериной символике, то ее использовали лишь некоторые эвенкийские и якутские шаманы, и при этом носили они не шапку, а металлическую шаманскую корону с оленьими рогами — олень тоже считался священным животным, обладающим способностью возноситься к самой кроне мирового дерева.

* * *

Шаманский полет или путешествие — это фактически и есть основа любого шаманского обряда. Внешне это действие, которое обычно называют «камланием» (от тюркоязычного названия шамана — «кам»), выглядит крайне загадочно, красочно, театрализованно и даже немного опасно, но как раз поэтому оно, наверное, и чрезвычайно привлекательно, особенно для постороннего человека. Большой шаманский обряд — целое представление, где шаман и автор, и главное действующее лицо, и режиссер...

А участвуют в представлении все присутствующие, причем не только как пассивные зрители, но и как исполнители небольших второстепенных, но крайне важных ролей, что помогает шаману, означая социальную поддержку и олицетворяя мир людей, для которых и вместо которых он осуществляет церемонию, — можно сказать, что люди общаются с иными мирами через шамана. Поэтому многие зрители выполняют либо определенные заранее функции, либо поручения шамана, а сам обряд, подобно хорошо поставленному шоу, скомпонован из нескольких самостоятельных частей.

Начинается все с подготовки — прежде всего назначается время и место: в зависимости от цели камлания может быть выбрано открытое пространство или жилище, день, вечер или ночь, но в любом случае это заранее определяется шаманом. Большое камлание на открытом воздухе проводится чаще всего днем или утром, оно предназначено для большого количества людей и, как правило, связано с календарными или общесоциальными (чаще всего — родовыми) праздниками; место для камлания специально обустраивается, в этом принимают участие все, кто будет присутствовать. Камлание в жилище обычно проводится в темное время суток, и в этом случае естественным центром обряда является очаг, рядом с которым для шамана освобождается место, которое обычно также известным образом обустраивают, а остальные участники располагаются вокруг.

Второй этап подготовки — перевоплощение шамана. Готовясь, он снимает обычную одежду и надевает специальную обрядовую — иногда это довольно длительная процедура, требующая специальных помощников, она может сопровождаться также ритуальным очищением себя, ритуальной одеждой и атрибутов. Во время подготовительных действий шаман общается с присутствующими,

дает отдельные указания, иногда расспрашивает или дает пояснения. И хотя все воспринимают происходящее лишь как подготовку к таинству, это таинство уже началось...

Простые и понятные действия шамана успокаивают и готовят собравшихся, незаметно втягивая их в сферу действия предстоящего обряда, а соответственно, и в сферу сакрального — созданное специальными действиями место и особое время прекрасно помогают шаману в этом; иногда присутствующих даже окуривают дымом слабонаркотических растений.

Переоблачившись, шаман вынимает ритуальные инструменты и аксессуары, берет их в руки или раскладывает рядом с собой (он может греть бубен над костром, настраивать струнный инструмент, пробовать звучание камуса или приводить в порядок другие атрибуты) — но в какой-то момент замирает: подготовительная часть обряда закончилась, перевоплощение завершено...

Разворачивается основное действие — шаман начинает тихонько бить в бубен (я потом подробнее расскажу о нем) и напевать, если же у него другой инструмент, он играет на нем, но может, в принципе, обойтись и без аккомпанемента. Постепенно звук нарастает, шаман начинает выкрикивать что-то, хохотать, плакать, свистеть, выть или подражать голосам животных — это шаманская песня, так он созывает своих духов-помощников. Тело его сначала раскачивается в такт мелодии, затем начинается танец (обычно вокруг костра), а скорость и ритмика танца зависят от личного темперамента и техники каждого шамана. Он может лишь слегка покачиваться и немного переступать ногами, а может начать бешено вращаться, скакать или совершать другие телодвижения, со стороны кажущиеся довольно странными и нелепыми, — в этом танце шаман часто имитирует птиц и зверей, их бег или полет. Обычно шаманская песня и танец соответствуют друг другу: шаман призывает духов, говорит на их нечеловеческом языке и встречает их подобающими в мире духов движениями.

Слова шаманского призывания могут быть понятны и просты, а могут оказаться и совершенно невняты даже для людей, не впервые видящих обряд, но главное, что эти действия в целом совершенно понятны духам. Духи приходят, прилетают, приползают, врываются... Их появление заметно — шаман говорит в песне отдельно с каждым и появление нового персонажа специально комментирует, а иногда просто акцентирует внимание на имени или обозначает рядом хорошо известных эпитетов.

...Теперь шаман полностью перевоплотился, он в любой момент может оказаться птицей или зверем, и начинается новая песня — танец-пантомима, в которой духам сообщается, зачем их собрали и какая нужна помощь. Обычно духи помочь готовы — и шаман вместе с ними отправляется в иной мир. Направление и длина пути, а соответственно, и продолжительность обряда зависят от того, чему он посвящен: это может быть короткое восхождение на ближайшую гору, а может быть и полет в самые верхние сферы мира с последующим стремительным спуском по подземной реке до самого царства мертвых. При этом все происходящее в путешествии: преграды, встречи с незнакомыми духами и богами, битвы с ними, просьбы и игры — шаман в своеобразном отчете для присутствующих не только описывает словами и звуками, но и выражает пластически, танцем. Перед глазами зрителей и участников обряда разворачивается настоящая мистерия, а сила созданных шаманом образов вкупе со светом, музыкой и общей атмосферой действия заставляет многих не только верить в происходящее, но даже видеть и слышать часть того, что происходит в иных мирах.

Закончив свои переговоры в мире духов, шаман возвращается, его музыка стихает или обрывается, сам он падает или опускается на место без сил. Наступает короткий перерыв. Присутствующие помогают шаману, которому нужен отдых. Он пьет воду (иногда — водку или другие напитки), курит, иногда ест, говорит с присутствующими, рассказывая, что узнал и видел, высказывается об исходе дела. Если путешествие не принесло желаемого результата, то через какое-то время шаман повторяет попытку и вновь начинается мистерия, но уже с другими мирами и другими персонажами. Таких полетов (шаманское путешествие чаще всего характеризуют именно этим словом) может быть несколько — особенно если дело, за которое взялся шаман, представляет большую трудность.

В ходе путешествия или непосредственно после него обычно проводится жертвоприношение, иногда — целая серия. Это может быть специально подготовленная жертва (бык, овца, олень), а может быть и чисто символическое кормление — кропление вином (молоком) или наделение кусочками пищи. Пища духам чаще всего передается через огонь — попросту сжигается или готовится и съедается самими участниками обряда, но могут быть и другие варианты. Заканчивается обряд прощением с духами, благодарностями и обещаниями — шаман как бы подтверждает существующий завет, снова исполняя песню-танец.

После прощания шаман наконец обращает внимание на присутствующих, и это заключительная часть обряда: вернувшись к людям, но еще не перевоплотившись в человека, он полон шаманской (духовной) силы и гадает для кого-то или предсказывает сразу всем, объясняет произошедшее, иногда демонстрирует чудеса или простые фокусы, то есть старается, чтобы не только духи были довольны его обрядом, но и люди почувствовали, что миссия шамана закончилась успешно. Это крайне важно, ибо многие пришли сюда именно затем, чтобы прикоснуться к сакральному, почувствовать, что их шаман вступил в контакт с иным миром, а через него и они, люди, приобщились к недоступному миру духов. Шаман вернулся — значит, он еще силен, он может отстаивать интересы людей, то есть определенное космическое равновесие сохраняется и можно возвращаться к повседневной жизни, которая будет идти своим чередом.

...Шаман уходит и переодевается, расходятся и остальные. Правда, иногда участники и зрители обряда остаются для продолжения праздника — это может быть поедание жертвенной пищи или просто застолье, в котором изредка принимает участие и шаман, но в этом застолье, сняв свой ритуальный костюм, он снова превращается в обычного человека...

Сила шамана

У разных народов и в разных сообществах шаманов могло быть достаточно много, но все они имели индивидуальные способности и силы, что выражалось обычно в том, какие обряды они могли проводить, существовали даже отдельные градации шаманов со специальными названиями для каждой категории. В случаях, когда сообщество было в значительной степени стратифицировано (например, у бурят и монголов), имелась определенная стратификация и у шаманов — шаманские ранги; переход в высший ранг производился посредством специального обряда посвящения.

Мощь и могущество шамана также символически передаются через костюм и специальные атрибуты; прежде всего это специальное шаманское (а значит — волшебное) оружие и изображения духов-помощников, выполняемые у разных

народов разными методами: в одних случаях — орнаментикой, вышивкой, аппликацией, в других — добавлением металлических деталей или подвесками из перьев и шкур животных. Шаманское оружие присутствует практически всегда, чаще всего это специально нашитые на одежду спереди и сзади металлические подвески разных форм; они не обязательно похожи на реальное оружие, но в отдельных случаях встречаются и настоящие наконечники стрел или подвески, достаточно точно имитирующие боевое снаряжение.

Мне в этом смысле больше всего нравится костюм якутского шамана: он очень небольшой, но на спине у него нашиты десятки металлических конусов и трубок из кованого металла — символы шаманских стрел, которых так много, что сам костюм кажется металлическим и весит соответственно — около семи килограммов. А на костюме тофаларского шамана есть специальный колчан со стрелами, что, возможно, для нас выглядит как детская игрушка, но во время шаманского полета эти стрелы могут поразить даже самых могучих мистических врагов!

Ряд ученых считает, что оружейная символика отражает реальное участие и сакральную роль шаманов в сражениях — согласно этой точке зрения, на ранних этапах истории, например в Средневековье, военная символика была более развита, чему якобы существуют археологические доказательства. Не исключено, что так и могло быть, однако вероятнее всего оружие — просто зримый образ могущества и силы, которую необходимо продемонстрировать сообществу. У некоторых шаманов кроме символического могло быть и реальное оружие — сабли, боевые плети, посохи и т. д., которые также использовались во время камлания и дополняли оружие символическое.

В Новосибирском государственном краеведческом музее тоже есть такая шаманская сабля, и на первый взгляд это просто неловко сделанная заготовка, но ведь шаман не только сам преобразается во время камлания — он легко трансформирует любые символы в реальность внутри своего обряда, поэтому подобная сабля при определенных обстоятельствах могла быть опасным и грозным оружием.

На шаманский костюм нашивались и другие магические предметы (символы), имевшие преимущественно личностный характер и выбиравшиеся самим шаманом в зависимости от его индивидуальных способностей или способностей и желаний его духов-помощников.

Вообще необходимо сказать, что практически все атрибуты костюма осязались как данные (продиктованные, одобренные) духами и появлялись

Шаманская сабля. Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

постепенно, по мере возникновения новых духов-помощников и новых возможностей шамана. Некоторые подвески изображали непосредственно самих духов-помощников — изготавливали их сородичи шамана по его просьбе после очередного полета, в котором он получал такое указание или разрешение. У нас в музее таких подвесок и отдельных деталей очень много, часть из них — изображения зверей, птиц и антропоморфных существ — также представлена в экспозиции. Кроме своей очевидной прямой символики подвески костюма и украшения служили еще и для другой цели — во время камлания они являлись своеобразными наместами, на которых рассаживались созванные шаманом помощники. Также необходимо отметить их аудиовизуальную роль, ведь большинство подвесок и нашивок крепилось к костюму только за верхний край, поэтому при движении в танце они развевались, создавая эффект птичьего полета и издавая металлический звук, который при определенном умении шамана выполнял функцию дополнительного шумового или музыкального сопровождения. Известна также вера большинства народов в магическую силу металла и способность его звона отгонять злых духов, что тоже учитывалось — так, например, с появлением в Сибири русских шаманы стали очень широко использовать в качестве подвесок поддужные колокольчики и различные бубенцы.

Шаманский костюм для простых людей олицетворял могущество шамана и способность перевоплощаться на время камлания, ведь, надев его, шаман превращался в сверхсущество, способное привлекать духов и самостоятельно путешествовать по другим мирам. Однако не все шаманы имели полный костюм — многие из них (особенно молодые или шаманы низового уровня) использовали более простые одеяния, которые могли вообще не иметь подвесок и практически не отличались от обычных носильных вещей. Тем не менее, это была не повседневная одежда, а все-таки специальная, — например, просто нарядный халат или головная повязка, которые надевались только во время камлания, потому что шаманы в полной мере осознавали, что даже такой нехитрый способ преображает их, создавая новую шаманскую личность.

В экспозиции нашего музея простых костюмов нет — если внимательно приглядеться к символике, посчитать подвески и разгадать значение каждой, легко понять, что каждый из представленных костюмов носил когда-то очень могущественный шаман с большим даром, пользовавшийся огромным доверием людей, шаман, умевший помогать людям и поддерживать равновесие между мирами.

Волшебная лодка, лук и зверь

Шаманский бубен (а их в залах нашего музея целых семь!) также является непременным атрибутом сильного шамана. Основная функция бубна — помочь шаману погрузиться в транс: звуки бубна, сопровождая шаманскую песню, позволяют достичь измененного состояния сознания; кроме того, четкий ритм и позвякивающие металлические подвески вовлекают в обряд и зрителей, гипнотически действуя на них — успокаивающе или, наоборот, возбуждающе — в зависимости от конкретной цели шамана.

Бубен обычно имеет овальную, яйцевидную или круглую форму и состоит из нескольких частей: обечайки — деревянного обода (основного каркаса), кожаной мембраны, туго натянутой на обечайку и связанной с внутренней стороны, и рукоятки, обычно сделанной в виде крестовины или перекладины внутри обечайки. К рукоятке и на внутреннюю сторону обечайки также крепили различные

(чаще всего — металлические) подвески, изображающие духов-помощников, а между обечайкой и кожаной мембраной с внешней стороны бубна устанавливались небольшие деревянные столбики — резонаторы.

Внешняя сторона мембраны иногда украшалась специальными рисунками, изображающими в схематической форме картину мира или шаманские дороги, а иногда — мифологические символы и знаки. Огромное значение всегда придавалось рукояти, на которой, например, тюрки Южной Сибири изображали личину, понимаемую как дух бубна или двойник самого шамана — дух-покровитель, а к перекрестью рукояти крепились специальные цветные ленточки — подношения благодарных пациентов шамана. У народов Севера рукоять могла быть сделана из металлических пластин в виде обручей, крепящихся кожаными ремешками к обечайке, и в данном случае не распирала каркас, поддерживая жесткость, а свободно висела внутри.

Бубен воспринимался как очень сложный полифункциональный атрибут, и по объему семантической нагрузки ему, пожалуй, трудно подобрать аналог в культуре. Во время камлания бубен — не только музыкальный инструмент, он, по шаманским представлениям, мог превратиться в лодку, на которой шаман путешествовал в подземном (подводном) мире, а мог стать и луком с волшебной стрелой-колотушкой, защищавшей от враждебных духов. Также бубен символизировал священное животное, из шкуры которого сделана мембрана, и, соответственно, легко принимал обличие коня или самца оленя — на таком скакуне можно подняться в самые высшие небесные сферы, а кроме того, священный олень рогами-резонаторами защищал хозяина от врагов в потустороннем мире, при необходимости трансформируясь в мать-оленуху, через сосцы (резонаторы бубна) подкармливающую шамана в далекой дороге.

В зависимости от этнической мифологии бубен мог превращаться и в птицу, и в рыбу, был самостоятельно связан с миром духов и вел собственное, отдельное от шамана существование, более того — считалось, что жизнь шамана напрямую зависела от его бубна и духов, заключенных в нем. То есть шаманская

Эвенкийско-кетский шаманский бубен. Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

жизнь измерялась не годами, а количеством бубнов — духи сообщали шаману, сколько бубнов он должен сменить, и считалось, что вместе с порчей (смертью) последнего умрет и он сам.

Последний бубен умершего шамана обычно рвали, надевая на острый сук дерева у его могилы, и этот разрыв символизировал освобождение духов, прекращение их связи с шаманом и земным миром. Вообще каждый шаман очень бережно относился к бубну и, несмотря на то что изготавливался он другими людьми (как правило, сородичами), после специального обряда оживления бубна трогать его не позволялось никому, кроме шамана, который хранил свой основной инструмент в специальном месте (часто в чехле), а перед каждым обрядом разогревал на костре.

...В нашем музее у каждого бубна своя история, но мне особенно нравятся два — это бубны среднесибирских контактных групп, интересные соединением разноэтнических характеристик. По форме и большей части конструктивных элементов они эвенкийские, но конструкция рукоятей, внешний вид и оформление декоративных деталей свидетельствуют об их другой этнической принадлежности: в одном случае — к кетам, в другом, скорее всего, — к хантам.

В случае с эвенкийско-кетским бубном зафиксирована и история его, так сказать, переиспользования — в 1923 году участники экспедиции И. В. Сусллова взяли бубен без подвесок и рукояты с могилы эвенкийского шамана, но во время шторма на реке Таз бубен выпал из экспедиционной лодки. А ниже по течению реки его поймал кетский шаман, который, естественно, решил, что это специальный дар духов лично для него! Он укрепил бубен, сделал новую рукоять и подвески, а затем несколько лет с ним шаманил, пока не встретился с теми же, ранее упустившими бубен, участниками экспедиции, — и в результате наш музей приобрел ценный экспонат.

Магия малых вещей

Колотушка, которой шаман стучит в бубен, не менее важна для обряда, и у нас в экспозиции представлено несколько самых разных видов. Вообще это небольшое деревянное изделие в виде лопатки с расширенным и уплощенным рабочим концом, обтянутым мягкой кожей или шкуркой, и короткой (по размеру ладони) рукоятью, а внешняя нерабочая сторона обычно украшена металлическими или костяными (чаще всего — шумящими) подвесками. Колотушка сама — как маленький бубен, и многие молодые шаманы до изготовления бубна сначала камлают только с колотушкой, которая также имеет своего хозяина и связана с духами, а во время обряда может быть и стрелой, и веслом, и просто дубиной.

Особое отдельное назначение колотушки — ее прорицательская функция. Считается, что именно шаманская колотушка все знает и может рассказать людям; так, у народов Южной Сибири камлание заканчивалось специальным гаданием на колотушке.

Звук вообще и музыка в частности имеют громадное значение для проведения обрядов, направленных на изменение или расширение сознания, не только в шаманизме — бубны и разные музыкальные инструменты, иногда заменяемые хоровым пением, задействуются во многих религиозных церемониях. Шаманы в некоторых случаях тоже играют на другом инструменте — на юге Сибири,

Шаманская колотушка. Западная Сибирь, конец XIX — нач. XX в.

к примеру, они нередко используют варган (кабус), у обских угров и еще у некоторых народов — струнные инструменты. При этом на все инструменты часто распространяется сложная семантика бубна, но, естественно, далеко не полностью, и в подавляющем большинстве случаев считается, что сильный шаман камлает непременно с бубном. Видимо, два очевидных преимущества — ритмика и семантическая нагруженность — еще в древности выделили бубен как приспособление, наиболее пригодное для достижения и поддержания экстатических состояний.

Среди остальных атрибутов шамана особо стоит выделить магические предметы, которые он всегда приносил для проведения обряда. Очень часто это могло быть зеркало, как, например, на юге Сибири и Дальнем Востоке — старинное (или выдаваемое за таковое) китайское бронзовое изделие, помогавшее шаману «видеть недоступное», символизировавшее свет и солнце, являвшееся дополнительным знаком могущества и связи со старыми временами.

У бурят и якутов часто использовались шаманские трости, шаманские плети, а в некоторых случаях шаманы прибегали к помощи специальных ножей, копий, сабель, посохов. Особенно часто в роли необходимых атрибутов выступали изображения духов и богов — деревянные, тряпичные или металлические куклы, а иногда — амулеты в виде фигурок зверей или даже их части тела и кусочки шкур. Во время проведения обрядов можно было также увидеть шаманские ковры и покрывала со священными изображениями, различного рода курильницы с благовонными травами и многие другие магические предметы, которых иногда у шамана было так много, что он хранил их в специальных мешках или сундуках. Многие из этих предметов были традиционными в той или иной культуре — например, трости у бурятских шаманов или курильницы у тувинских, но могли быть и личные специальные вещи, помогавшие шаману выполнять его персональные обряды и функции, указывавшие на индивидуальные свойства и навыки. В любом случае большинство шаманских предметов, так же как костюм и бубен, были полифункциональными и полисемантическими, они дополняли

социальный образ шамана, подчеркивая его отдельность и исключительность, укрепляя и обогащая его связь с потусторонним и одновременно служа необходимым рабочим инвентарем, без которого не могли проходить те или иные обрядовые и магические действия. Обычно магические предметы шаман не столько изготавливал и получал от соплеменников, сколько «обретал» в качестве дополнительного «дара» и символа новых навыков. Происходило это по мере становления его шаманских сил и роста уважения в обществе — как правило, чем старше и авторитетнее был шаман, тем больше ему принадлежало магических и священных предметов и атрибутов.

На границе миров

Любой мой рассказ о шаманских предметах непременно заканчивается вопросом от слушателей: действительно ли шаманы наделены сверхъестественными возможностями?

Я честно отвечаю, что точно не знаю, но верю в их огромную общественную значимость и совершенно выдающуюся роль в духовной культуре сибирских народов. Все, что делал шаман, по сути есть посредничество: конструктивный разговор между людьми, богами и духами, в которых эти люди верят. Шаман передает просьбы людей в мир духов и защищает социум от враждебности этого мира — именно так можно интерпретировать и лечение, и изменения погоды, и поиск пропавшего. Кроме того, шаман является еще и посланником, частью мира духов — он поддерживает порядок и правильное течение жизненного цикла и обрядов в социуме, санкционируя происходящее от имени духов, поддерживает равновесие и гармонию мира, он проводник через границу миров и наблюдатель внутри среднего мира за соблюдением космических правил. Жизненный цикл человека, общества и природы должен идти по своеобразному закону — завету, и шаман является охранителем этого завета...

Есть и еще одна важная роль, которую исполняет шаман и шаманский обряд вообще — это связующее звено между картиной мира как определенным комплексом верований и представлений и обрядовой практикой. Именно шаман является носителем и транслятором знаний о картине мира — и он же обычно вносит в нее новые элементы, корректирует ее в зависимости от изменений, происходящих в обществе.

В шаманской картине мира очень много личного, того, что привносит в нее сам шаман, но это не берется из ниоткуда, это элементы, которые шаман находит в современном ему мире и добавляет ко всеобщим верованиям. Если детали, добавленные шаманом к картине мира, необходимы и отражают состояние социума — они там удерживаются, если они сугубо личностны и не нужны социуму — они умирают вместе с самим шаманом.

Еще одна заслуга шаманов в том, что они постепенно трансформируют обрядовую практику, приводя ее в соответствие с новой картиной мира, то есть через новые практические опыты и рассказ об иных мирах передают знания об изменениях в картине мира и обряде снова в социум, с одной стороны, санкционируя их свыше, с другой — закрепляя в социуме путем многократных повторений. Так издавна сохранялась и обновлялась картина мира — основа духовной культуры многих бесписьменных народов, и шаманы действительно творили волшебство, каждый раз заново переписывая и создавая мир человека.

Михаил ХЛЕБНИКОВ

РЕАЛИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

Фантастика относится к тем жанрам литературы, которые достаточно точно отражают как состояние общества, так и его самоощущение. Судя по всему, мы уверенно вползли в очередной кризис, в котором «удачно» совпали несколько факторов. Для разговора о путях развития отечественной фантастики попытаюсь использовать старый марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному. Увеличивая масштаб, «наплывая» на день сегодняшний, детализируем связь между литературой и ее внешними, зачастую количественными, показателями.

Советская фантастика в 30-е годы — бодрая смесь социальной утопии, веры в научный прогресс, описание «великих строек» в духе старого доброго Жюль Верна и мобилизующей риторики: «Если завтра война». В памяти у нас остался в основном Александр Беляев, но он как раз «маршировал не в ногу». Типичными и показательными были другие авторы. Назову имя Николая Трублаини — автора романа «Глубинный путь». В нем повествуется о некоем гениальном подростке Тарасе Чуте, который предложил построить гигантское подземное метро от Бреста до Владивостока. Предложение пионера «вызвало понимание», работа закипела. Можно было бы усмехнуться над авторской наивностью, пропагандистскими штампами, но осенью 41-го военный журналист Трублаини встал за пулемет

и был смертельно ранен при отражении авиационного налета. При всем литературном несовершенстве своих произведений эти люди верили в то, о чем писали.

После войны был взят курс на «фантастику ближнего прицела», для которой характерен отказ от «дерзкой фантазии» в пользу решения конкретных народно-хозяйственных задач: от выведения новых видов тополей для эффективной снегозащиты полей («Тополь стремительный» Г. Гуревича) до создания ветросиловой электростанции на аэростате («Покорители вечных бурь» В. Сытина). Ведущий автор этого направления — Владимир Немцов уже в первых своих книгах иронически обыгрывает нездоровую мечтательность своих коллег по фантастическому цеху: «В это лето ни один межпланетный корабль не покидал Землю. По железным дорогам страны ходили обыкновенные поезда без атомных котлов. Арктика оставалась холодной. Человек еще не научился управлять погодой, добывать хлеб из воздуха и жить до трехсот лет. Марсиане не прилетали. Запись экскурсантов на Луну не объявлялась.

Ничего этого не было просто потому, что наш рассказ относится к событиям сегодняшнего дня, который нам дорог не меньше завтрашнего. И пусть читатели простят автора за то, что он не захотел оторваться от нашего времени и от нашей планеты».

Объяснение подобного сужения «горизонта мечты» сводится, как правило, к поминанию жесткой идеологической диктатуры, пресловутой кампании против космополитизма. На мой взгляд, причины следует искать в противоположном направлении. Трагический опыт войны показал, что голая идейность без правильно выстроенной логистики, техники, управляемой, прежде всего, грамотными специалистами, — слишком дорогой путь к победе. Естественно, что говорить вслух об этом было нельзя, но готовить общественное сознание к другой модели поведения представлялось необходимым. Обратимся к статье С. Иванова «Фантастика и действительность» в № 1 журнала «Октябрь» за 1950 год, в которой критикуются шапкозакидательские настроения. В частности, достается Льву Успенскому, которого трудно упрекнуть в принадлежности к космополитам: «В рассказе “Потертость” политрук тяжело ранен в ногу. От раны нога опухла и стала темно-синей (несомненная гангрена). Четыре раза в течение трех суток он делает вылазки в тыл противника, совершая каждый раз путешествие по соткам километров. Или скобарь Журавлев, “старой закалки мужик, битый, мятый, вареный в семи водах, с тысячами суеверий и предрассудков”, никогда не прыгавший ранее с парашютом и даже, в сущности, не знающий, что такое парашют, не только великолепно прыгает с самолета, но и на высоте в двести метров одной рукой отстегивает лямку парашюта, другой рукой достает “из-за плеча” старый карабин, убивает наповал двух немцев, находящихся на земле, затем выхватывает гранату и мечет ее в третьего немца».

Любопытно, что в следующем, 1951-м, году в журнале «Наука и жизнь» появляется коллективная статья «О фантастике и достоверности». Схожесть заголовка с названием прошлогодней статьи Иванова была неслучайной. Критику серьезно достается за те же грехи, которые

он отмечал в произведениях других авторов: легкость и небрежность по отношению к деталям, антинаучность. «Например, в рецензии на книгу В. Немцова “Семь цветов радуги” С. Иванов приписал героям романа выведение морозоустойчивых растений... в теплицах!» Желание «приземлить» авторов и их героев, «мелочное внимание» к деталям привело к необходимости «обрезать крылья мечте», говорить о том, что будет нужным и реальным уже завтра.

Ситуация изменилась в конце 50-х годов после XX съезда партии и космического прорыва. Тема покорения Вселенной вместе с близкими, как тогда думали, перспективами лунных экскурсий была реабилитирована более чем наглядным образом. Правилom хорошего тона теперь стало ироническое отрицание «фантастики ближнего прицела», которую укоряли в психологической примитивности, унылой приземленности. А. Ф. Бритиков в книге «Русский советский научно-фантастический роман», говоря о романе В. Немцова «Последний полустанок», разоблачает недалекого автора и его невзрачных, не космического масштаба героев: «...писатель поручает исследовательской лаборатории, стоящей миллионы и миллионы, заряжать в космическом пространстве... колхозные аккумуляторы. В обоснование этого практицизма автор изобрел для своих героев философию неизбежности. Когда Багрецов спрашивают, не влечет ли его в космос и романтика, он с жаром принимается доказывать, что ничего такого нет, что надо же кому-то работать и “в пустоте, в самой отвратительной среде”. Спускается же, мол, шахтер в шахту, хотя сидеть, скажем, за рулем трактора, на свежем воздухе не в пример приятней. Багрецову и невдомек, что шахтер рискует заболеть силикозом, потому что любит свое дело. И, между прочим, потому и отдает больше, чем тот, кто полез бы в “отвратительную среду” без романтического воодушевления трудной профессией. Устами инфан-

тивно-положительных багрецовых писатель по сути развенчал высший смысл того самого рядового труда, который так шумно защищал. Ведь практицизм, понуждаемый унылой неизбежностью, не способен быть чем-либо, кроме бесплодного делячества».

Кто пришел на смену певцам «бесплодного делячества»? Здесь можно назвать двух главных авторов тогдашней «актуальной фантастики». Иван Ефремов своим романом «Туманность Андромеды», вышедшим в 1957 году, вернул в жанр не только космическую тему, но и создал интересно проработанную картину человечества XXXIII века. Естественно, что к этому времени победа коммунизма будет безусловной. Технические аспекты будущего даны эскизно и вряд ли способны удивить нас спустя шестьдесят лет после выхода романа. В мире «Туманности Андромеды» присутствуют «скоростные» поезда, выжимающие 200 км/ч, космические корабли управляются переключением рычагов и кнопок. При этом этические и социальные проблемы, которые поднял Ефремов, не потеряли своей актуальности до настоящего времени и, думаю, будут предметом обсуждения еще долгое время. Понимал важность «человеческого фактора» и сам автор, высказавшийся о перспективах развития жанра в следующих словах: «Не популяризация, а социально-психологическая деятельность науки в жизни и психике людей — вот сущность научной фантастики настоящего времени». Это говорит о том, что «научность» фантастики является важным, но всего лишь компонентом ее успеха. В следующей книге — «Лезвие бритвы» — писатель попытался сформулировать медицинские, психологические, эстетические основания для появления того типа человека, который будет разгадывать тайны Вселенной в том самом XXXIII столетии.

Вторая знаковая фамилия — братья Стругацкие, создатели «Мира Полудня»,

в котором рисовалась картина всего лишь XXII века. И в ней будущее также за победившим коммунизмом. В отличие от линейных романов Ефремова, Стругацкие используют мозаичный принцип: рассказы и повести, составляющие цикл, дополняя друг друга, постепенно детализируют счастливый, гармоничный мир будущего. То, что у автора «Туманности» дается широкими мазками, приобретает у авторов «Полудня» силу и противоречия конкретности. Противоречия нарастали синхронно с изменениями в общественном сознании, произошедшими в годы так называемого «застоя». Реализация коммунистических перспектив откладывалась на срок, может быть, даже дальше эпохи Дара Ветра. Сомнениями успел поделиться и сам Ефремов в романе «Час Быка». Семидесятые — время нарастания скептицизма не только в творчестве Стругацких, но и у их читателей. Влияние было взаимным. Кто-то назовет это взрослением, которое очень быстро перешло в нигилизм и растерянность. Вопрос был не в крушении общества, а в его сроке. При этом формально советская фантастика процветала, немногочисленным авторам, сумевшим пробиться в печать, было трудно жаловаться на отсутствие читателя. В условиях книжного дефицита покупался не отдельный автор, покупался жанр как таковой.

Гибель советского общества совпала с кризисом отечественной фантастики. Можно сказать, что они исчезли одновременно. Никто не был интересен. Полные и самые полные собрания сочинений братьев Стругацких, включающие то, что раньше было запрещено или «исковеркано» цензурой, покупали больше из уважения, на рефлексе. Примерно на десятилетие, до начала 2000-х, рынок захватила зарубежная фантастика. И этому были свои объективные предпосылки. Во-первых, за полвека накопился чрезвычайно мощный пласт непереуловленной фантастики действительно очень высокого уровня. В советское время зарубежные

авторы проходили жесткий отбор. Отбраковывались вещи с сомнительной идеологической составляющей (Джордж Оруэлл), воспевающие милитаризм (Роберт Хайнлайн), слишком много внимания уделяющие сексу (Филип Хосе Фармер), поднимающие мистико-религиозные темы с позиций, отличных от правильного атеистического подхода (Филип Дик). Интерес к зарубежной фантастике был настолько велик, что возник феномен многотомных собраний сочинений классиков жанра в твердых обложках. Упомянутый выше апологет военщины Хайнлайн издается в 25 томах, на пике тиражи отдельных томов достигали трудно представимой сегодня отметки в сто тысяч экземпляров. «Безыдейный развлекатель» Пол Андерсон вышел в 22 томах, стартовавших тиражом в двадцать пять тысяч экземпляров. Для зарубежных писателей, которые дожили до того времени, наступили «золотые годы». Например, к началу 90-х Роберт Шекли переживал затянувшийся творческий кризис, приведший к тому, что читательская публика его фактически забыла. Перемены в нашем обществе подарили ему не только скромный восьмитомник, но и сделали желанным гостем в стране — участником конференций, конвентов, просто встреч с благодарными читателями. Напомню, что вся эта издательская вакханалия развертывалась на фоне непрекращающихся социально-экономических, политических катастроф первой половины 90-х годов.

С этим связана вторая причина популярности зарубежных фантастов. Отечественные авторы в силу формального доминирования идеологии должны были «подгружать» свои тексты дополнительными опциями: от осуждения империализма и исторического пессимизма до пропаганды интернационализма, «науки на службе человечества» и других «светлых горизонтов». Дополнительная смысловая нагрузка не только подавляла, но и позволяла советским фантастам чувство-

вать себя серьезными, настоящими писателями, которые «остро ставят проблему», «заставляют задуматься», «поднимают широкий круг вопросов». Закономерно, что развлекательность воспринималась как опасный признак безыдейности. Но в наступившие смутные времена читатели искали забвения, пытались словами отгородиться от страшноватого незнакомого мира. Все это давала переводная фантастика, массовый сегмент которой как раз был нацелен на зрелищность и занимательность. Кроме того, в пользу зарубежной развлекательной фантастики работал и первый фактор: серийные романы выкачивались читателю сразу, в законченном виде, без утомительного ожидания следующей части полюбившегося цикла.

Профессия отечественного писателя-фантаста сравнялась по востребованности с должностью секретаря райкома комсомола. Но если последние могли найти себя в бурном море предпринимательства, криминала или пойти служить молодому демократическому государству с реальной возможностью совмещения названных занятий, то перспективы российских фантастов выглядели и были куда более мрачными. Некоторые из них пытались пробиться к читателям, издавая свои книги под англоязычными псевдонимами. Например, Елена Хаецкая пришла в литературу в 1993 году с фэнтезийным романом «Меч и радуга». На обложке значилась некая Мэделайн Симонс. Публике роман понравился, книга наглядно подтвердила высокий статус англо-американской фантастики. Несмотря на публичное саморазоблачение автора, тень его литературного фантама не желала растворяться. Хотя на обложке романа «Вавилонские хроники», выпущенного в 1997 году, стояла правильная фамилия писателя, сразу под ней в качестве пояснения и рекламы было напечатано: «Известная также под псевдонимом Мэделайн Симонс».

Интересно, что Е. Хаецкая — участник еще одного «иноязычного» проекта

в отечественной фантастике. Речь идет о «кониановском» цикле. Еще в эпоху Советского Союза хитами видеосалонов стали фильмы «Конан-варвар» и «Конан-разрушитель». Скромные художественные достоинства искупались присутствием в картинах сверхпопулярного тогда Арнольда Шварценеггера. Фильмы являлись вольной экранизацией сочинений Роберта И. Говарда. Оригинальный книжный материал быстро исчерпался, тем более что перу собственно Говарда принадлежал «всего лишь» 21 текст. Из них к крупной форме относится роман и три повести. Объем мизерный, учитывая запрос и потенциальную емкость читательского рынка. Работа закипела. У Мэделайн Симонс неожиданно нашелся брат, нареченный Дугласом Брайаном. Поклонники Конана получили первый роман «Песня снегов» (привет Джорджу Мартину) в том же 1993 году тиражом в сто тысяч экземпляров. Об успехе серии можно судить по следующему показателю. Сборник «Конан и меч колдуна» вышел действительно фантастическим тиражом в триста тысяч экземпляров. Кроме Е. Хаецкой в серии отметились такие известные российские фантасты, как М. Ахманов, Н. Перумов, А. Мартыанов. В будущем все они начнут с разной степенью успешности сольную карьеру, но таких тиражей в их «белой» писательской биографии не будет никогда. «Кониановское проклятие» витало и над первыми шагами русского славянского фэнтези. Роман Марины Семеновой «Волкодав» в первом издании привлекал внимание читателей сакраментальной заманухой на обложке: «Долгожданный русский Конан!»

Также предпринимались в те годы попытки «цивилизованной» совместной работы с зарубежными мастерами. Наши читатели получили неожиданный подарок — продолжение «Мира смерти», легендарного цикла Гарри Гаррисона (21 том, и снова стотысячным тиражом).

Сам американский фантаст имел к привлекательности опосредованное, заключающееся в присутствии его имени на обложке. Соавтором его выступил некий Ант Скаландис (в миру Антон Молчанов). Репутация американского фантаста пострадала слабо, так как за пределы России, за исключением Польши, продолжение, к счастью, не просочилось. Реакция поклонников Гаррисона была дружной и однозначной: «Большинству читателей я бы не рекомендовал знакомство с данным произведением, даже если очень хочется снова встретиться с любимыми героями — только впечатление испортите, лучше в очередной раз перечитать оригинальную трилогию».

Ситуация в отечественной фантастике начала меняться в конце 90-х годов. Об этом периоде «бурного цветения» жанра элегически высказался известный критик С. Чупринин: «...остается возможность перечитывать то, что было написано русскими фантастами в 90-е годы и на самой заре 2000-х. Золотое, скажу я вам по секрету, десятилетие, ну полутора-десятилетие в истории отечественных небывальщин! Как хорош был Олег Дивов, как изобретательны Сергей Лукьяненко и Александр Громов, как крупен Михаил Глебович Успенский, как стилистически ярок Александр Зорич, какие надежды подавали Михаил Харитонов и Кирилл Бенедиктов, а роман Марины и Сергея Дяченко “Vita Nostra” не получил, на мой взгляд, премии “Русский Букер” или “Большая книга” лишь потому, что не был на них номинирован». Нельзя не согласиться с общей оценкой маститого автора, приведенный им персональный ряд также не вызывает вопросов. Но следует проговорить факторы, благодаря которым у русской фантастики открылось второе дыхание.

Названные мною причины, определившие тотальное превосходство зарубежных авторов на книжном рынке, попросту исчерпали себя. Во-первых,

за десять лет на русский язык практически полностью перевели то, что по праву считается классикой фантастики. Но, сняв сливки с классики, издатели вынужденно перешли к тем зарубежным фантастам, которых обтекаемо именовали «набирающими популярность». Во-вторых, оказалось, что качественные циклы создаются и пополняются очень небыстро (еще один привет Джорджу Мартину, точнее его страдальцам-поклонникам). Не будем забывать и про элементарную пресыщенность англо-американской фантастикой.

К этому же времени российские фантасты — те, кто, презрев мольбы и угрозы близких, не ушел из профессии, — накопили материал, который не был опубликован или не привлек должного внимания в эпоху «беззастенчивого разгула космополитизма». Теперь, зацепив внимание публики, они могли оперативно выдавать уже готовые продолжения того или иного цикла. Так, например, случилось со «Сварогом» Александра Бушкова.

Кроме того, вынужденная пауза дала возможность попытаться оценить социальные и политические изменения в стране не только публицистически прямолинейным «шершавым языком плаката», но и с помощью куда более тонких и интересных литературных ходов и концептов. Здесь на первом месте, безусловно, роман Олега Дивова «Выбраковка». Вышедший в 1999 году, он через десять лет был переиздан восемь раз в разных сериях и даже, что необычно для фантастики, редакциях. В острой, провокативной форме Дивов предложил читателю вариант очищения общества от позора 90-х. Возможен ли в нашей стране вариант «мягкого тоталитаризма» или избирательные, морально оправданные репрессии неизбежно перерастут в слепой, «бессмысленный и беспощадный» социальный террор? Насколько реален сплав утопии и антиутопии? Не могу сказать, что мы и сейчас знаем ответы, но заслуга

автора «Выбраковки» в том, что он нашел наиболее удачную форму вопроса.

Вторым крупным достижением отечественной фантастики следует считать ее прорыв на большой экран в середине нулевых. Речь идет, конечно, о «Дозорах» Сергея Лукьяненко, которые снял Тимур Бекмамбетов. Вышедшие на большой экран в 2004 и 2006 годах «Ночной дозор» и «Дневной дозор» не просто собрали «фантастическую» кассу в семьдесят с лишним миллионов долларов. Они продемонстрировали внутренние изменения в обществе, в его настроении. Говоря высоким, но, надеюсь, осмысленным языком, мы стали интересны себе. На волне успеха «Дозоры» не только издавались и переиздавались в стране, но и вышли на международный рынок. Последовали три издания на английском, два на немецком, французском и китайском языке. В Польше за десять лет вышли четыре издания. Конечно, это не полноценный «наш ответ Сапковскому», но в любом случае очень достойно. Если использовать экономические термины — капитализация бренда «Лукьяненко» резко выросла, «отрасль» в целом воспринималась как развивающаяся и перспективная.

Третьим крупным достижением российской фантастики следует считать запуск серии «S.T.A.L.K.E.R.». Стартовавшая в 2007 году межавторская серия концептуально развивала идеи повести Стругацких «Пикник на обочине», сеттинг был взят из игры «S.T.A.L.K.E.R.: Тень Чернобыля», выпущенной украинской компанией GSC Game World в том же 2007 году. Игра киевских разработчиков оказалась успешной, продажи составили два миллиона копий. Создатели серии поставили на молодых авторов, неизвестных широкой публике. Ставка оказалась выигрышной: отдельные удачные книги выходили тиражами в сто тысяч экземпляров. Средний показатель книг серии — около пятидесяти тысяч. Учитывая высокий темп выхода книг, можно говорить

о стопроцентном попадании в целевую аудиторию, которую можно разделить на два сегмента. К старшему поколению относились читатели Стругацких, к младшему — поколение хотя и не знающих про «Счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный!», но зато со знанием дела обсуждающих тему выбора оружия для грамотного выноса мутантов. Отмечу, что в проекте «S.T.A.L.K.E.R.» отметились и писатели с именем, такие как М. Успенский и А. Зорич. Впрочем, они не определяли лицо серии, смысл которой был как раз в «отсутствии лица», в грамотном использовании предложенного сериального мира. Перед авторами ставилась четкая производственная задача, которую они должны были выполнить в оговоренные сроки.

Успех проекта привел к тому, что многие пытались использовать его алгоритм для запуска собственных долгоиграющих книжных продуктов. Так, Д. Силлов, один из авторов серии, решил расширить «зону отчуждения» в проекте «Кремль 2222», эксплуатируя тему выживания в условиях апокалипсиса. Несмотря на все старания, серия не смогла выжить. Но и она выглядит относительно удачной на радиоактивном фоне таких мертворожденных проектов, как «А.Н.О.М.А.Л.И.Я.», «Технотьма»... С другой стороны, не буду излишне строгим, изменившаяся общая ситуация в российской фантастике, для которой понятия «выживание» и «апокалипсис» приобрели мрачные черты действительности, попросту не оставляла им шанса. Вот и мы подошли ко дню сегодняшнему, когда настала пора озвучить классические вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Отвечая на первый вопрос, буду двигаться от общих причин к частным. Самое очевидное объяснение — в падении интереса к чтению как таковому. Относится это и к эстетическим, развлекательным, познавательным сторонам — ядерным для фантастики. Социальные сети, теле-

видение, игровая индустрия продолжают неумолимо прорезивать читательские ряды. Названная тенденция имеет мировой характер. В нашей стране, которую мы еще по привычке называем литературоцентричной, проблема усугублена отсутствием системной политики воспитания и пропаганды чтения. Еще одну из причин научно-технического свойства я подробно раскрою ниже.

Вторая причина связана с особенностью организации издательского и книжного рынка внутри России. В лучшие для писателей годы издательское поле делили два крупных и несколько локальных, но серьезных игроков. Основные сражения велись между издательствами «АСТ» и «Эксмо». Частью этой борьбы было переманивание популярных авторов, раскручивание похожих серий и направлений. Так, долго велась борьба за титул «главного фантаста России». На руках «АСТ» был такой мощный козырь, как Сергей Лукьяненко. «Эксмо» продвигало Василия Головачева. Но для молодого читателя романы последнего были слишком архаичными. Условием относительно адекватного понимания относительного смысла их сюжетов выступало знание патриотической публицистики конца 80-х годов прошлого века. Борьба темных и светлых сил в романе «Беспощадный, или Искатели смерти» оживляется с помощью введения такой загадочной структуры, как Тайный Кнессет Галактической империи. Отрицательные персонажи раскрывают свою мрачную сущность при правильном — справа налево — прочтении их имен: Арот, Ди-Ж, Тивел. С ними ведет зримую и незримую войну Русская Вечевая Служба. Автор пытался объяснить читателю, а может быть, и самому себе глубинный смысл конфликта, что лишь запутывало еще больше: «Дел невпроворот, — усмехнулся Гостомысл. — О конкретике вам сообщит витязь Бран, защитник Рода. К примеру, надобно ослабить и нейтрализовать влияние на

Россию Синедриона, центра Союза тайных орденов, руководит которым Великий Отец лорд Акум. Впоследствии придется выйти на Криптосистему, называемую еще Геократором, управляет которым жрец-бессмертный Тивел. Центр этой тайной жреческой структуры располагается ныне в Америке, в Аризоне. Конечная же наша цель — Экзократор, мировой центр стратегического управления человечеством, ставленники которого контролируют все национальные властные структуры. Владыкой Экзократора является нечеловек Арот, называющий себя Превышним».

«Беспощадные», прежде всего для сознания читателя, романы Головачева, издававшиеся в серии со скромным названием «Шедевры отечественной фантастики», закономерно проигрывали войну «Дозорам» Лукьяненко. Попытка повторить экранный прорыв конкурента — фильм «Запрещенная реальность» (2009), снятый по роману «Смерш-2», могла обрадовать только поклонников книжного слова Головачева. Создатели фильма добились лишь одного, хотя и непростого в исполнении, эффекта — «Запрещенная реальность» была хуже книги.

В итоге «Эксмо», сменив тактику, решило повторить успех городских фэнтези Лукьяненко, раскручивая серию «Тайный город» Вадима Панова. Серия получила определенную известность и стала основой уже межавторского цикла, который, впрочем, не смог достичь популярности того же «S.T.A.L.K.E.R.», принадлежавшего «АСТ». Но в любом случае, пусть и усеченные до двух участников, издательские битвы работали на жанр в целом. Книжки печатались, велись поиски новых имен, публика с интересом наблюдала. Жизнь шла. Пришла она к тому, что в 2012—14 годах «Эксмо» полностью поглотило «АСТ», допустившее ряд серьезных экономических просчетов.

Издательская монополизация совпала с кризисом книжной розничной тор-

говли. В 2012 году исчезла «Топ-книга» — одна из крупнейших независимых сетей книжных магазинов в стране, которой принадлежало более 500 магазинов. Оставшиеся на рынке серьезные книжные сетевые магазины — «Буква», «Новый книжный» («Читай-город» сегодня) — принадлежали как раз «АСТ» и «Эксмо». После поглощения «АСТ» «Буква» также ушла в вечность. «Читай-город» остался единственной федеральной сетью. Все это привело к тому, что для значительного числа авторов путь к изданию книги, а потом к читателю был замкнут на «Эксмо» и его дочерних структурах. Зачем стремиться к монополизации рынка? Чтобы воспользоваться исключительным положением.

Падение читательского спроса, то есть тиражей, было решено компенсировать увеличением количества продукта. От автора требовалось больше текста за меньший гонорар. Понятно, что это было ударом по авторам, которые «имели имя», писали качественные книги, но не входили при этом в число «звезд» жанра. Так, любителям фантастики хорошо знакомо имя Александра Громова. С середины 90-х он активно работает в жанре «твердой» научной фантастики. Романы «Нарботка на отказ», «Мягкая посадка», «Властелин пустоты», «Год лемминга» не только получили высокие оценки со стороны профессионального сообщества, но и пользовались широкой популярностью у читателей. Например, роман «Год лемминга», увидевший свет в 1997 году, за 12 лет переиздавался пять раз. Суммарный тираж — 48 тысяч. Совсем неплохо. Сегодня Громов, как и большинство его коллег, переживающих не лучшие времена, не просто сетует на неприглядную действительность, но и пытается «концептуализировать» ситуацию.

В начале 2018 года автор в своем ЖЖ формулирует три причины падения спроса на фантастические книги. Первая причина: «Общий кризис перепро-

изводства информации. Действует на все виды литературы». Вторая причина: «Чрезвычайное распространение пиратства. Действует преимущественно на жанровую литературу». И последняя причина: «Снижение покупательной способности населения». Выход из кризиса писатель видит в полном отказе от творчества: «Увы, только одно: перестать писать фантастику. Или хотя бы перестать предлагать ее издателям. Начать писать нетленку “в стол” и/или поискать себе другое занятие. До той поры, пока в обществе вновь не возникнет острое желание читать новье».

К радости своих поклонников сам Громов не последовал собственной рекомендации, чему зримое подтверждение — выход в прошлом году его романа «Звездная пирамида» тиражом в астрономические две тысячи экземпляров...

Первую названную Громовым причину я уже упоминал выше, теперь настало время ответить на вопрос: почему книжное пиратство так сильно ударило по фантастике? О нем я и обещал сказать, когда рассматривал общие причины кризиса в отечественной фантастике. Существенно урезав продажи бумажных книг и легальное распространение электронных версий, незаконное копирование не убило беллетристику, серьезную литературу, нон-фикшен. Последний жанр даже демонстрирует некоторый рост.

Ответ скрывается в описанной выше издательской политике «заливания» читателя фантастики потоком серий, авторов, различие между которыми сводится лишь к названиям и именам на обложках. Казалось, что исключительное положение нескольких издательств на рынке не оставит читателю выбора. Все мы помним строгое родительское: «Ешь, что дают». И так было бы еще лет пятнадцать тому назад. Но ситуация изменилась с появлением электронных книг. Парадокс в том, что нелегальное распространение книг разных жанров приводит к разным

последствиям. Если условный «серьезный роман» писателя N попадает в сеть, то вполне возможно, что продажи его бумажных версий возрастут. Читатель, «ознакомившись» с ним благодаря пиратской библиотеке и сочтя, что роман представляет собой определенную эстетическую ценность, «компенсирует» покупкой в «бумаге» потери от пиратства. Обладание бумажной книгой, которую можно показать или подарить, становится маркером статуса, что немаловажно для «носителя духовности». Иная ситуация с фантастическими книгами. Даже удачный роман писателя S не означает, что его книги будут легально покупать. Пользователь пиратского контента будет рад своей удаче: тому, что он случайно «выдернул» из потока «серийной» в худшем смысле слова литературы интересную, оригинальную книгу. Скорее всего, он поделится своей счастливой находкой с ближайшим социальным окружением. Стимула идти в ближайший книжный или заказывать в интернет-магазине понравившийся роман нет. Читатель резонно воспринимает книгу в контексте серии, которая в целом ему неинтересна и не нужна.

Что мы видим в целом? Написавший талантливый текст писатель-фантаст может издать его лишь минимальным тиражом. Тираж при самом благоприятном раскладе тихо, незаметно разойдется — страна большая — без особых приятных последствий для автора. Велика вероятность, что настоящий автор просто утонет в потоке сопутствующих «никаких» текстов. Сказанному мною есть печальные подтверждения. В последние годы широкую популярность приобрело такое направление в отечественной фантастике, как альтернативная история. С разной степенью успешности авторы забрасывают своих героев в те или иные эпохи. Быстро придя в себя, используя базовые школьные знания физики или химии, приемы восточных единоборств,

помня наизусть песни Высоцкого, «выкидыши» из нашего времени начинают труд по правке истории. Жанр размашистый, требующий от творцов беззастенчивой уверенности в своей интеллектуальной мощи и художественном таланте, которые позволяют глубоко замыслить и красочно отобразить задуманное.

Но попадаются нетривиальные варианты. К ним я отношу цикл «Жизнь и деяния графа Александра Читтанова» Константина Радова. Кстати, он относится к альтернативной истории, но без попаданца, что труднее в исполнении. Выходец из Венеции Алессандро Читтано — изобретатель, воин, авантюрист — в поисках лучшей судьбы отправляется в страну почти неограниченных возможностей для просвещенных и деятельных людей — петровскую Россию... «Жизнь и деяния» написаны на высоком историческом и художественном уровне, приключенческая часть органично соединяется с нетривиальными историософскими взглядами автора. Первые части цикла, выложенные на «Самиздате» — электронном ресурсе для авторов разной степени самостоятельности, привлекли благодарное внимание читателей. Издательство «Эксмо» решило порадовать любителей альтернативной истории бумажной версией приключений Читтано. Вроде бы все хорошо. Но... Три книги цикла включили в состав серии «В вихре времен», радуя своей поклонников книгами, одни названия которых заставляют вспомнить слово «лубок»: «Переход Суворова через Гималаи. Чудо-богатыри “попаданца”», «Десантник на престоле. Из будущего — в бой!». Для «Читтанова» были нарисованы соответствующие обложки и придуманы оригинальные, «завлекательные» названия для отдельных томов. От просто безликого наименования первого тома «Оружейник. Винтовки для Петра Первого» (2014) мостик перебрасывался к горячечному «Миноносец. ГРУ Петра Великого» (2015), а далее к политиче-

ски актуальному, но не менее далекому от текста «Новоросс. Секретные гаубицы Петра Великого» (2015).

Понятно, что книги элементарно не заметили. Для типового читателя серии в книгах было мало побед и мочилова. Потенциальный же читатель «Читтанова» вряд ли подходит к полкам в магазине, на которых выставлены издания серии. Он же и остался в проигрыше. Радов продолжает неторопливо выкладывать на «Самиздате» следующие части о непростой судьбе венецианца в России XVIII века. К настоящему времени практически завершён пятый том цикла. Обидно, что незаурядные книги, которые могли бы стать событием не только для любителей фантастики, оказались незамеченными в силу особенностей организации издательского процесса.

Приведенная «история неуспеха», увы, типична и для других объективно сильных и перспективных авторов. К ним относится Надежда Попова — создатель цикла «Конгрегация», повествующего о жизни и приключениях Курта Гесса. У Гесса интересная ответственная работа — он инквизитор, расследующий дела, в которых наряду с «нормальными» преступниками (фальшивомонетчиками, грабителями, растлителями) фигурируют ведьмы, маги, колдуны. Время и место действия — конец XIV века в альтернативной Германии. Альтернативность заключается в том, что инквизиция возникает здесь раньше в силу явной необходимости: малефики обнаглели, стрыги распоясались. «Молот ведьм» в этой непростой ситуации — не плод досужих теоретических измышлений, а пособие по расследованию достаточно рядовых, привычных, хотя и опасных дел. Автор щедро сдабривает романы отсылками не только к европейской истории. Беспризорника Курта в детстве инквизиция спасает от дурного влияния улицы и отправляет учиться в академию имени святого Макария. Подобные сближения с нашей

историей рождают интересные параллели, касающиеся природы инквизиции, ее целей и задач.

К сожалению, бумажный выход «Конгрегации» не стал событием для читателей. Первые книги серии появились в 2013 году. Издательство «Астрель» проявило похвальную осторожность, ограничив тираж всего двумя тысячами экземпляров. Учитывая качество издания (обложку, шрифт), не будем удивляться подобной скромности. После выхода четырех книг была предпринята попытка перезапустить цикл. Теперь «Конгрегацию» прописали в серии «Легендарные фантастические сериалы». Последствия не заставили себя ждать. Тираж изменился. Две тысячи превратились в полторы. Понятно, что такие тиражи означают гарантированный провал. И не только для автора, но и для жанра фантастики как такового.

В том же 2013 году произошло знаковое событие для отечественной фантастики: прекратил свое существование журнал «Если». Он занимал исключительное положение, являясь единственным толстым ежемесячным литературным журналом на русском языке, посвященным фантастике. Возникший в 1991 году, «Если» первоначально отвечал духу времени и знакомил читателей с зарубежными авторами. Однако к середине 90-х журнал все больше внимания начал уделять русскоязычным писателям, которые не просто потеснили своих иностранных коллег. Постепенно издание стало обрастать контентом, связанным с отечественной фантастикой: печатались рецензии на новые книги, выходили жанровые обзоры, воспоминания. Сама форма ежемесячного общения с читателями задавала определенный ритм, позволяла вести постоянный диалог и структурировала читательское сообщество, что для жанра фантастики является необходимостью.

На пике своей популярности журнал выпускался тиражом в 14 тысяч экземпляров, изрядную долю читателей он

«добирал» в пиратском сегменте Интернета. Последний фактор стал внешним поводом для закрытия «Если», хотя причин для этого явно больше. К ним относится, прежде всего, общее падение интереса к русской фантастике у читателей. Засилье штампованной серийности, отсутствие пусть спорных, но свежих ярких имен и, как следствие, невозможность живой полемики, обсуждения сделали журнал элементарно ненужным, избыточным. Попытка возродить журнал два года спустя, в 2015—16 годах, напомнила процесс гальванизации с заранее известным финалом.

Ответственность за нежелание «инвестировать» в автора не следует стопроцентно перекладывать на алчных издателей и «общие негативные тенденции». Есть и субъективные причины.

Как помнит читатель, яркий, но краткий период расцвета отечественной фантастики связан во многом с индивидуальным взлетом Сергея Лукьяненко и его серией «Дозоров». Писатель получил не только славу, издания, тиражи, но и определенный литературный капитал. Он мог рискнуть и «вложиться» в текст, выходящий за жанровые рамки, или, как вариант, поэкспериментировать с базовыми фантастическими сюжетами, героями. Но писатель выбрал безопасный для себя путь переписывания своих же «звездных» романов. С середины нулевых его «новые» романы «Черновик», «Чистовик», «Конкуренты» радовали лишь его преданных поклонников, отмечавших, что мастер по-прежнему силен. Вот взятый практически наугад типовой положительный отзыв на роман «Застава»: «Доступный язык, нормально, увлекательно. Похоже на “Черновик” по сюжету, но “Черновик” — то, что мне больше всего нравится у Лукьяненко». Не знаю, нужно ли радоваться подобным похвалам, если «Черновик» в свою очередь пробуждал у читателей еще один уровень «книжной памяти»: «Ощущение

“дежавю” не отпускает. Книга слишком похожа на “Спектр”. И сюжетом — в “Черновике” сплелись воедино несколько необычных миров, и персонажами — главный герой выступает, по сути, в роли “спектровского” Ключника, и структурой — каждая глава начинается лирическим отступлением».

Есть в современной русской фантастике и пример автора, рискнувшего выйти за границы жанра. Речь идет о Дмитрии Глуховском, прославившемся романами из постапокалиптического цикла «Метро», успех которого был закреплен удачными компьютерными играми по вселенной серии. Спустя некоторое время амбициозный автор решил показать весь спектр своего писательского дарования в романах «Будущее» и «Текст». В плюс автору то, что эти книги, действительно, не похожи на «Метро». Все остальное идет в минус. Оказалось, что показать Глуховскому особенно и нечего: слабое владение писательской техникой привело к тому, что текст того же «Текста» элементарно разваливается, «богатые» идеи про «опасность жить не своей жизнью» и «нищую коррумпированную Россию» молодецки выпирают, все остальное безжизненно провисает. Экранизация книги, претендовавшая на звание «блокбастер года», показала несостоятельность, прежде всего, истории, придуманной автором, что для автора фантастики — знак фатальной писательской несостоятельности. Знакомая ситуация: тот, кто может, увы, не делает, а тот, кто не может, еще к большему сожалению, показывает, как именно он не может.

В завершение разговора «обозначу перспективы» жанра, который все-таки жив, несмотря на все удары судьбы. Что позволяет проявить сдержанный оптимизм? Прежде всего решение проблемы книжного пиратства обозначилось в новом способе коммуникации автора с читателем. Речь идет о развитии таких виртуальных площадок как Author.Today,

Litnet, Litmarket. Писатели и до этого пытались наладить связь с читателями через систему личных страниц в Сети. Эти попытки, как правило, проваливались. Было трудно удержать внимание читателя на длительный срок, а тем более сподвигнуть его на регулярную финансовую помощь. Широко известный «Литрес» представляет собой просто магазин электронных книг. Площадки нового типа удачно сочетают в себе «писательскую биржу» и социальную сеть. Авторы не только выставляют свои произведения с ценником, но и общаются с читателями, которые их критикуют, хвалят, дают советы разной ценности. Многие писатели прислушиваются к мнению аудитории, сохраняя, например, в живых полюбившегося читателям героя или корректируя сюжетные повороты. Поэтому участники не просто покупают электронный вариант книги, но и чувствуют себя в известной мере ее соавторами.

Успех нового формата подтверждается интересом к нему многих писателей, уже получивших известность в «бумаге»: Г. Л. Олди, С. Логинова, Н. Перумова. Они не только выкладывают свои старые тексты для дополнительного заработка, но и пытаются «обкатать» новые вещи на живых читателях. Так, С. Лукьяненко под скромным псевдонимом «Мастер Романов» опубликовал на Author.Today отрывок из романа «Маг без времени». И хотя многие читатели отметили, что мэтр излишне кокетлив и «время Романовых» в России закончилось более ста лет тому назад, само появление писателя на платформе, конечно, неслучайно.

Естественно, я не хочу объявить развитие названных площадок решением всех проблем русской фантастики. Ее кризисное положение — следствие, как я пытался показать, наложения многих факторов. Соответственно, выход из него не представляется линейным. Но при всех «отягощающих» она сумела сохранить главный ресурс: авторов и читателей.

Филипп ХОРВАТ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА: СМЕНА КУРСА ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

...В конце октября 2019 года на тематической встрече в Санкт-Петербурге писатели и представители издательства «Астрель-СПб» обсуждали перспективы жанра хоррор в России и в мире. В ходе полемики я задал уважаемым экспертам вопрос о наблюдаемом мной снобизме авторов «большой российской литературы» по отношению к литературе жанровой (в том числе и хоррору).

В ответ прозвучали достаточно общие фразы — да, мол, такое явление, действительно, имеет место быть, однако сейчас, вот прямо в наши дни, ситуация меняется в силу общей гибридизации жанров, смешения условно высокого и низкого в литературе. Мол, и за примерами далеко ходить не надо: «славянское фэнтези» Андрея Рубанова «Финист — ясный сокол» стало лауреатом «Нацбеста-2019», «магический реализм» Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» — в шорте «Большой книги», на типичный хоррор-роман «Вьюрки» Дарьи Бобылёвой пишет вполне себе доброжелательную рецензию известный литературный критик Галина Юзефович и т. д.

На этой же встрече Александр Прокорович, главный редактор «Астрель-СПб», вскользь упомянул о том, что институциональной закрытости (в том числе и от проникновения других жанров) у премиальной «боллитры» нет хотя бы потому, что на самом деле написать большой русский роман сегодня способны от силы человек десять-пятнадцать, чьи

имена хорошо известны, и оттого со стороны складывается впечатление ложной закрытости и тусовочности...

Что бы конкретно ни подразумевали эксперты и книгоиздатели под определением «большой русский роман», понятно одно — имеется в виду нечто, относящееся к современной интеллектуальной (или выглядящей таковой) прозе крупной формы. Людей, работающих в этом жанре, у нас, действительно, не так уж много; но и книги их на российском рынке не особо заметны, что обусловлено, кажется, тем, что группа крупных прозаиков, претендующих в будущем на место классиков, на самом деле работает с темами явно мелкими, никак не отражающими тенденции общероссийских реалий. Так ли это на самом деле? Если так, то в чем причина качественного сужения тематического поля большого русского романа? Возможен ли он вообще в условиях новой высокотехнологичной интернет-реальности?

Попробуем разобраться в этих вопросах, заодно рассмотрев возможные причины падения интереса к большому русскому роману.

Современная российская интеллектуальная проза никому не интересна

Это довольно расхожий тезис, активно тиражируемый следящими за литературным процессом неравнодушными

людьми; давайте для начала посмотрим, подтверждается ли он цифрами статистических исследований.

В России уже не первый год закрываются книжные магазины¹, а количество потребителей массовой низкосортной «литературы» интернет-порталов наподобие Litnet постепенно растет². Впрочем, читателей электронной литературы (не только самиздата) вообще становится больше — эксперты холдинга «Эксмо-АСТ» прогнозируют, что к 2022 году обороты российского книжного рынка вырастут до 88 млрд рублей, а основными драйверами продаж станут как раз электронные и аудиокниги³.

Очевидно, что у нас аудитория условно качественной интеллектуальной литературы сравнительно невелика — по данным опроса ВЦИОМ, современная российская художественная проза не входит в топ жанровых предпочтений читателей⁴.

А прошлогодний вциомовский опрос показал, что художественную литературу вообще читает треть всех респондентов, но это в целом, — статистику же по сознательному выбору книг из разряда отечественной «большой литературы» найти не удалось. В топовой десятке книг с наиболее крупными тиражами не присутствует ни один писатель из интеллектуально-премиального сегмента — об этом говорят все те же цифры доклада Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (зато вот уже который год в топе лидирует Дарья Донцова). Если честно, довольно грустная картина...

¹ Согласно отраслевому докладу Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям «Книжный рынок России» в период с 2008 по 2017 год книготорговая сеть страны сократилась примерно с 3 000 до 1 500 магазинов.

² В интервью электронному медиа RusBase основатели платформы Litnet уверенно заявляют о ежемесячном приросте читателей в пределах от 5 % до 11 % от основной аудитории — <https://rb.ru/longread/litnet/#rec116271464>

³ Данные из аналитической статьи о состоянии книжного рынка на Retail.ru — <https://www.retail.ru/news/rynok-elektronnykh-i-audioknig-budet-rasti-na-7-v-god/>

⁴ Актуальные цифры социологического исследования на август 2019 года здесь — <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9841>

В чем же причина отсутствия интереса читателя к хорошей современной русской прозе? Каких-либо глобальных опросов, затрагивающих эту тему, отыскать опять же не удалось, однако мне показались весьма любопытными и симптоматичными мнения активных пользователей портала Livelib семилетней давности (с тех пор, согласитесь, мало что изменилось в целом, а тенденции, наметившиеся в то время, сейчас продолжают развиваться).

Дальше я просто приведу несколько показательных цитат из обсуждения, озаглавленного «Русская литература сегодня, или почему мы мало читаем отечественных авторов?»⁵.

Пользователь Medulla: «Понимаете, для меня в литературе очень важно, какие темы поднимаются, насколько они перекликаются с моим внутренним миром, насколько автор желает разговаривать со мной как с читателем, какие вопросы современности поднимаются, насколько полно отображается тот мир, в котором я живу. И, как оказалось, именно зарубежные авторы наиболее полно отражают те процессы в обществе, что сейчас происходят, предлагая вместе с ними поразмышлять об этом, то есть включают читателя в процесс постижения современности и себя самого. А вот русская литература, увы, многое утратила, превратившись либо в дешевку, либо в пошлость. Так вот, современная русская литература утратила:

1. Свои литературные традиции, то есть корни.

2. Утратила внутренний диалог с читателем.

3. Те вопросы, которые она поднимает, абсолютно не интересны в свете нового времени.

4. Самое главное, что она утратила — искренность, человечность и умение смеяться над собой. Потому как берешь в руки Лескова или Гончарова — душа же отдыхает, да и вопросы бытия поднимаются вечные».

⁵ Цитаты в авторской стилистике и орфографии здесь — <https://www.livelib.ru/group/183/post/2867/comments-russkaya-literatura-segodnya-ili-pochemu-my-malo-chitaem-otechestvennyh-avtorov#comments>

Пользователь Flegmaticchka: «В наших современных книгах все всегда плохо, скучно и нудно; авторы часто стремятся эпатировать читателя за счет каких-либо бессмысленных гадостей, любят истерики и соплежуйство, но при этом жутко оторваны от реальности».

Пользователь Victory81: «У меня, к огромному сожалению, есть некое предубеждение в плане современных отечественных авторов. Мне иногда кажется, что если русская классика вышла из “Шинели” Гоголя, то многие современные авторы вышли из “Москва — Петушки” Венечки Ерофеева. А я эту книгу не переносу... Но не переносу, как не переносу запах перегара. И в современных текстах мне часто мерещится тот же привкус местечковости, коммуналки, нестираного белья, водки и безнадёги.

Плюс каждая вторая аннотация к современным русским авторам начинается со слова “постмодернизм”. Для меня это — как красная тряпка для быка. И сигнал, что сейчас будет та же местечковость, коммуналка и водка, только приправленная сексом, доморощенной похмельной философией и игрой с красивыми словесами. А истории не будет. Совсем».

...Подчеркну — по теме высказываются люди, привыкшие читать не ширпотреб, а мировую классику, и современная русская литература для них — это «плохо, скучно и нудно», это «привкус местечковости, коммуналки, нестираного белья, водки и безнадёги», и это литература, утратившая корни и забывшая традиции. В связи с последним, кстати, примечателен еще один комментарий, автор которого пытается объяснить специфику современной русской прозы влиянием советских идеологических тисков.

Пользователь Mavka_lisova: «Советская литература, при всех ее плюсах, сделала одну огромную “бляку” — она жестко табуировала не только многие темы, но и регламентировала жанры, отсекала “неправильные”, с ее точки зрения, стили и т. д. (взять, к примеру, того же Кима).

То есть мы не отрывались от корней, это те самые корни, но они прошли через советскую почву и видоизменились. Что мы имеем в итоге? Страшную “вторичность” того, что сейчас пишут. Мы пытаемся навестать упущенное, и потому, возможно, и поднимаются темы не вполне актуальные».

...Конечно, приведенные высказывания хоть и активных, но явно непрофессиональных читателей (и уж тем более — не признанных экспертов литературного процесса!) нельзя представлять в качестве трендообразующих, однако и в такой выборке преобладает негатив по отношению к современным авторам, сигнализируя, что проблема имеет место быть.

Подытожить я хочу собственными впечатлениями от прозы, прочитанной в русских толстых литературных журналах за прошлый год: подавляющее большинство произведений окрашено в сумрачно-депрессивные тона страдания и беспросветной хтони, а редкие примеры более-менее нейтральных по настроению текстов пропитаны тем не менее «благодатным» духом тоскливого быта условно маленьких людей, постоянно употребляющих наркотики и алкоголь (не хочется разводить излишнее моралите по этому поводу, но — доколе?).

Как бы в оправдание выбираемой эстетике безотрадности некоторые писатели в интервью рассказывают о том, что драма питает саму атмосферу большой русской литературы. Положим, что так, — но именно драма! А банальная чернуха, детальное смакование насилия, бесконечные описания алкогольных и наркотических опьянений, сексуальных извращений — это что, необходимые и обязательные признаки драмы? Как-то сомнительно...

Зацикленность на откровенной безысходности, атмосфера вечной депрессии и безнадёги, отсутствие вразумительного сюжета — все то, что писатели и критики считают определяющими признаками большого современного русского романа, на самом деле и отвращает людей от чтения этого самого романа. Причина

вполне понятна: нелегкая жизнь средне-статистического российского обывателя не располагает к тому, чтобы дополнительно окунаться в «черные миры» большой литературы. Поэтому даже любители чтения, привыкшие отдыхать с книгой, выбирают что-то попроще — легкое детективное чтиво, непритязательную фантастику, сопливо-розовую женскую сентиментальщину, а молодежь так и вовсе живет в низкосортных мирах LitRPG-порталов наподобие Author.Today и т. д.

Современная российская интеллектуальная проза в силу своей специфичности действительно не интересна широкому кругу читателей...

Современность в литературе: как объять необъятное?

В последние годы в среде литературных блогеров все чаще говорят, что интерес к хорошей интеллектуальной российской прозе можно вернуть, если писатели обратят пристальное внимание на социальное осмысление окружающей нас реальности.

Всю проблематику, связанную с трудностями написания остросоциального романа, неплохо препарировал в своей небольшой статье Полина Бояркина, главный редактор литературного журнала «Прочтение»⁶.

Выделяя в качестве основного вопрос понимания современности, Полина верно говорит об изменении темпа жизни и человеческого самоощущения в ней — все актуальные новости люди получают в течение пары минут после того, как случилось то или иное важное событие, а писателю для того, чтобы разложить это на смыслообразующей полочке, потребуется не меньше года, поэтому вышедший роман уже сразу будет устаревшим, он потеряется в информационных волнах, ежедневно накрывающих нас.

⁶ «Роман-памфлет, герой своего времени и спекуляции на больших темах: продолжение разговора о лонг-листе премии ФИКСН35», журнал «Прочтение» — <https://prochtenie.org/texts/29991>

Я ни в коем случае не антрополог и не социолог, но видятся мне в этом изменении способов потребления информации через Интернет поистине эволюционные сдвиги, влияющие на мозг физиологически. И кто знает, к чему это приведет? Как с учетом находящегося в непрерывном развитии технического прогресса будет выглядеть человек лет через сто, какими способами будет получать информацию? И будет ли вообще существовать в привычном нам виде литература — любая?

А Полина Бояркина проблему осмысления литературой реальности в итоге связывает с невозможностью определения ощущения современности, и это действительно так, поскольку современность как явление, данное нам в ощущениях, перестала казаться чем-то более-менее однородным, одинаковым для сколь угодно больших социальных групп. Если взять новостную ленту любого пользователя любой социальной сети, то мы получим уникальный информационный пузырь, который даже мировоззрение самого пользователя выражает лишь отчасти (но так или иначе эта лента формируется из вкусов и пристрастий конкретного индивида).

По сути, Интернет впервые в истории человечества дал наглядное представление о том, насколько мозаичен и сугубо субъективен в глазах смотрящего, казалось бы, общий для всех, одинаковый мир. Всё иллюзия — нет ничего общего, есть около восьми миллиардов точек зрения на всё-всё-всё, и нельзя сказать, что какая-то из них важнее и объективнее другой. У всех свое представление о прошлом, о будущем — что уж тут говорить о современности?

И в свете этой прикладной теории относительности роль литературы как сколь угодно объединяющего, объясняющего, систематизирующего гуманитарного явления, скорее всего, утрачена. Это А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой могли своими произведениями формиро-

вать представления о современности, поскольку вокруг них лежали тысячи километров пространств, до которых письма, документы и газеты добирались неделями, — в таких условиях некое представление об общей российской действительности могло держаться годами, если не десятилетиями (застывшая в консервативно-охранительском болоте николаевская Россия никуда не двигалась из «современности» именно десятилетиями). А попробуй сформировать (и удержать хоть на пять минут!) что-то незыблемое в то время, как у тебя в соцсетях и мессенджерах одна за другой выскакивают новости, постоянно корректирующие, дополняющие или вообще меняющие картину мира...

Стоит ли удивляться, что среднестатистического россиянина сегодня несколько не волнует переработанная большим романом современность? У каждого она своя, особенная, и менять ее под влиянием книги (которую еще нужно прочитать!) он не будет, ему достаточно залезть в новости на Яндексe или в блог любимого автора, чтобы все про все понять — за пять минут, как говорится, без СМС и регистрации, дешево и сердито.

Наблюдения за актуальными трендами околосредств массовой информации последних лет выявляют периодические всплески рассуждений на темы личных и социальных травм, переосмысления трагических страниц прошлого (литература условного направления «памяти памяти») — обо всем этом так или иначе говорят именно современные интеллектуальные романы, большая литература. Но насколько далеко эти рассуждения выходят за рамки того же писательского Facebook или Telegram? Интересны ли эти разговоры обычному, массовому читателю?

Вопрос хороший — но ответ на него, боюсь, не понравится ни писателям, ни тем, кто рассуждает о них во время открытых встреч, круглых столов, обсуждений премиальной литературы и прочих ток-шоу.

О чем рассказывают книги премии «Большая книга»

К слову, о премиальной литературе. Казалось бы, именно в списках произведений, номинированных на «Нацбест», «НОС», «Большую книгу», должны присутствовать тексты, действительно осмысляющие нашу современность, рассказывающие о чем-то важном для нас. Так ли это на самом деле?

Попробую коротко проанализировать шорт-лист «Большой книги — 2019» исключительно ради того, чтобы вместе с вами попытаться оценить масштаб и глобальность текстов, которые засветились в рамках премии. Итак!

Сухбат Афлатуни, «Рай земной» — история о судьбах двух не очень-то счастливых женщин. Хотя в романе и затрагивается тема репрессий, судеб польского народа (то самое «памяти памяти»), но все это как-то урывками, без глубокого погружения и, скорее, ради передачи специфической атмосферы.

Ольгерд Бахаревич, «Собаки Европы» — белорусский взгляд на «имперские поползновения российского Райха» (так по тексту, не я придумал) в сторону маленького гордого соседа. Тема вроде глобальная, но подача — с оттенком провинциальных боязливых комплексов, местами к тому же присутствуют элементы индивидуальной авторской прогностической фантастики.

Евгений Водолазкин, «Брисбен» — вот книга, в которой мелькает немало значимых вроде бы деталей из прошлого и почти настоящего: события августа 1991 года, киевский майдан, аллегорические символы судеб двух братских народов, — и все бы хорошо, но как-то мелко, если честно, впроброс, скромно и будто конфузливо, масштабности в романе нет и близко...

Александр Гоноровский, «Собачий лес» — это просто легкий хоррор в рамках советского мира начала 1960-х, без претензий на актуальное высказывание и

глубину проработки хотя бы всплывающей в тексте темы тех же лагерей.

Линор Горалик, «Все, способные дышать дыхание» — история, происходящая в мире постапокалипсиса, где животные заговорили и, видимо, обрели немного разума. Попытки некоторых критиков вычитать в книге Горалик проблему выходцев из стран третьего мира мне кажутся несостоятельными — Линор просто искренне любит писать про животных вообще.

Олег Лекманов, Михаил Свердлов, Илья Симановский, «Венедикт Ерофеев: посторонний» — исключительно биографический non-fiction с попыткой описания и осмысления малейших подробностей жизни писателя. Очевидно, что это и близко не про современность, не про актуальность, хотя именно вокруг данной книги и самой личности героя среди пользователей соцсетей возникают наиболее бурные дискуссии.

Евгения Некрасова, «Калечина-Малечина» — жизнеописание школьницы, перекраивающей свою нелепую и грустную жизнь с помощью магии кикиморы, возникшей из-за печки; всего лишь частная история, которая в лучшем случае поднимает вопрос школьной травли, еще одной модной темы в литблогерской среде.

Алексей Сальников, «Опосредованно» — роман о судьбе вроде бы небездарной поэтессы, зарывающей свой талант в чулане под спудом семейно-бытовой круговерти; локальная вещь без попытки вырваться на простор где бы то ни было.

Роман Сенчин, «Дождь в Париже» — еще одна сугубо субъективная история об откровенном неудачнике, живущем под кайфом непрерывной рефлексии по поводу дурацкой своей жизни.

Григорий Служитель, «Дни Савелия» — легкий котяшный трип по улочкам современной нам Москвы, и все бы хорошо, но коты как-то пока не умеют особо задумываться о важном и масштабном в

системе общечеловеческих взаимоотношений...

Вячеслав Ставецкий, «Жизнь А. Г.» — книга, полная магически-пространственного реализма из параллельной вселенной, где испанского диктатора катают в клетке по улицам городов. Книга хорошая, но бесконечно далекая от российских реалий (разве что на секундочку увидеть аллюзии на нашего, доморощенного как бы диктатора — но это совсем уж притянутая за уши ерунда).

Гузель Яхина, «Дети мои» — горестная повесть о судьбе поволжского немца в суровые сталинские времена бесконечной коллективизации-индустриализации и завинчивания гаек перед войной с нацистами; мне кажется, довольно слабое произведение, местами превращающееся в откровенно неудачную сказку.

...Что же получается? Двенадцать лучших (видимо) на сегодня русских книг — и ни одна из них даже не пытается более-менее полноценно отразить современность или хотя бы притвориться важным высказыванием. И это — в премиальном топе, это, так сказать, самая сочная выжимка из большой литературы. Да, про личные и исторические травмы есть (сплошная радость для литблогеров), а вот так чтобы рассказать нам все про нас же самих здесь и сейчас — не получается ни у кого. Видимо, и правда нет на это внешнего спроса у читателей, нет внутреннего запроса и у самих писателей — здесь какой-то полный и абсолютный компромисс...

Взгляд оптимиста: в ожидании новой большой литературы

Неужели же все так грустно и большому интеллектуальному русскому роману можно сказать «до свиданья»? На данном этапе исторического развития страны, при сегодняшнем неровном литературном движении и стремительной

эволюции интернет-технологий — скорее всего, да. Нет нынче в Отечестве пророков, которые смогли бы охватить ясным взором нечеткую картинку современности и припечатать ее точным диагнозом, сразу указав дальнейший путь к выздоровлению... Что же есть и будет вместо этого?

Попробую погадать на кофейной гуще, вернувшись к тому, с чего мы начали разговор: к абсолютной гибридации жанров с уклоном в бытовую фантастику и магический реализм — это то, что заметнее всего в текстах писателей моего поколения, хотя тут, на самом деле, обозначать конкретные возрастные пределы сложно в силу определенной условности прозы 20—30-летних.

Анализом текстов молодых авторов занимаются многие книжные блогеры и критики, интересующиеся современной русской литературой. По инициативе литобозревателя Владимира Панкратова в прошлом году была организована премия ФИКШН35, имеющая основной целью, так сказать, подсветку имен молодых авторов, — и первый сезон премии вызвал большой интерес среди активных представителей писательского сообщества.

Дебатируя во время составления шорт-листа, члены жюри попробовали выделить основные черты, присущие произведениям авторов, чей возраст — до 35 лет; так, Сергей Лебеденко, книжный блогер и начинающий писатель, утверждает, что «миллениалы перепридумали литературу», что, в отличие от глобального нарратива, присущего произведениям более зрелых авторов, миллениалы занимаются локальным картографированием окружающей реальности, и микроуровень в молодежной литсреде сегодня более востребован, чем что-то обобщающее, крупное и оттого — схематичное, шаблонное.

Второй, сугубо субъективный тезис Сергея о том, что женщины пишут лучше мужчин, сразу опустим и обозначим третий — важный, имеющий непосредственное отношение к теме этой статьи: молодые не боятся эксперимента, в том числе и жанрового заимствования. Наблюдается гибридация жанров на уровне смешения даже fiction с non-fiction — получаются довольно любопытные образцы работы с документальной прозой (в качестве примера приведена повесть Ольги Брейнингер «Visitation»). Сергей Лебеденко также предполагает, что появление большого количества фантастических книг российских авторов-миллениалов неслучайно: писатели через отказ от реальности пытаются осмыслить микроистории на фрагментарном уровне, увидеть через фантастическую призму мало-го что-то большое, имеющее значение для определенной социальной группы⁷.

Собственно, эти тезисы вполне согласуются с моими выводами — думаю, мы стоим на пороге чего-то действительно нового, интересного и прорывного в русской литературе. Эта самая молодежь, мне кажется, скоро подвинет плечом мэтров с их суровым, но набившим оскомину трешево-чернушным реализмом и даст такого яркого, неповторимого кислотного джазу, который, возможно, станет новой вехой и зарождением какой-то особой литературной традиции.

Вырастет ли из этой прозы что-то большое, монументальное, актуальное, несмотря на необычную, во многом экспериментальную форму с элементами бытовой, метафорической и магически-реалистической фантастики? Иными словами, возродится ли тот самый большой интеллектуальный роман в новейших условиях?

Как говорится, будем посмотреть, но есть предчувствие, что да.

⁷ Полноценную расшифровку дебатов премии ФИКШН35 можно посмотреть на странице журнала «Прочтение» — <https://prochtenie.org/texts/30014>

Андрей КУЗНЕЦОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК ЮРИЙ АРТЮШКИН

Изобразительное искусство и литература — плоды творчества Человека Воображающего, автора, создающего бытие из ничего. Древнегреческое слово «фантастикэ» (источник привычного нам термина) обозначает, прежде всего, фантазию, искусство воображения, то есть способность представить непредставимое, что и помогает автору создать мир, где возможно все, а нам, зрителям и читателям, позволяет принять этот мир, сделать своим.

Конечно, есть известная граница, отделяющая «большую литературу» от sci-fi в узком жанровом смысле, но XX век придал фантастическому началу новый, невиданно высокий статус, и фантастика в разных ипостасях (от мрачных антиутопий до science fiction) давно стала классикой, ведь и платоновский «Котлован», и «Сто лет одиночества» колумбийца Маркеса, в сущности, фантастические произведения.

В чем же суть фантастики? Возможно ли описать специфический прием ее оптики, так часто меняющей наше собственное мировосприятие?

Фантастика — жанр парадоксальный. Творя возможные миры, чистую фикцию, писатели-фантасты убедительно комбинируют правдоподобные детали, скрупулезно создают пространство иллюзии, в котором натурализм и вымысел неразрывно связаны.

Истинная фантастика всегда правдоподобна, она напоминает естественно-на-

учный эксперимент, в котором из известных компонентов при заданных условиях получается нечто абсолютно новое.

Возьмем риторику и практику социальных экспериментов начала XX века, доведем их до логического предела, добавим вполне возможную технологию тотального наблюдения за индивидом — и вот перед нами декорации оруэлловского «1984», осуществляющегося буквально на наших глазах!

То, что еще недавно было фантастикой, стало обыденностью, и в этом известная прогностическая сила science fiction. Основная тема фантастической литературы и живописи — проективная утопия, вероятное будущее.

Будущее всегда нас волнует и пугает, и именно его горизонты пытается сконструировать значительная часть фантастических произведений, чаще всего повествуя об эпохе технологического расцвета, о невиданном могуществе человечества, о времени всеобщего оптимизма и гармонии, но и не менее часто — о мрачном времени постапокалипсиса, о человечестве, не справившемся с технологиями, о регрессе к элементарной дикости. Кстати, очень часто бывает и так, что картина грядущего вышита по канве архаического мифа. Обращение к эпохе «золотого века», к легендам и преданиям — основа фэнтези, жанра, воссоздающего воображаемое прошлое.

Научная фантастика обращена к будущему, фэнтези — к минувшему, но самым утонченным мне кажется опыт фантастического преломления современной обыденности, то, что называют «магическим реализмом». В способности видеть в привычном и обыденном небывалое и чудесное — огромная сила «фантастики повседневности». Художнику этот метод позволяет максимально глубоко осмыслить актуальную окружающую жизненную среду, и суть его «в отыскании в реальности того, что есть в ней странного, лирического и даже фантастического — тех элементов, благодаря которым повседневная жизнь становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям» (Эдмон Жалу).

Но все, что связано с фантастикой научной, с текстами, созданными в 1960—80-х годах, принадлежит к особому сорту литературы. Все мы так или иначе выросли на фантастике — кто в детстве и юности не открывал книги Стругацких и не зачитывался Ефремовым?

При этом научная фантастика — традиционно результат синтеза текста и изображения, труда писателя и усилий художника; мир мечты визуален, он основан на зримых образах пространства, поэтому трудно найти издание в жанре *science fiction* (в СССР его называли — «научная фантастика»), лишенное иллюстраций. Кстати, в Советском Союзе при практически полном отсутствии комиксов, столь популярных на Западе, совершенно не случайно всеобщим любимцем читателей стал художник-иллюстратор Ю. Макаров, эстетика работ которого максимально напоминает запретную — комиксную.

В советских массовых изданиях научной фантастики постепенно сформировался собственный стиль иллюстраций, очень характерный и часто лишенный художественности и выразительности. Но иллюстрация, как и переводы, —

область, привлекавшая и талантливых художников, способных прочувствовать оригинальный текст, создать нечто, сопоставимое с иллюстрируемой литературой, в том числе переводной (в какой-то мере иллюстрация и есть перевод, она требует тонкого понимания источника).

Работа над оформлением фантастических произведений давала авторам в условиях фактической цензуры невиданную свободу самовыражения, и вовсе не случайно то, что взлет отечественного искусства графики в 1960—80-х годах совпал с массовым изданием научно-фантастических произведений. Начало было положено в 60-х, во время обновления и «оттепели», — острый и аскетичный стиль графики этого периода до сих пор не только не устаревает, но и становится все более привлекательным. Художники массово становились иллюстраторами в таких журналах, как «Химия и жизнь», «Искатель», «Техника — молодежи»; с издательством «Знание — сила» работали шестидесятники-нонконформисты, разгромленные некогда Н. Хрущевым, а великолепные обложки и фронтисписы Ю. Соостера к книгам западных фантастов (в том числе и к романам Г. Гаррисона и М. Крайтона) были вполне самостоятельными графическими шедеврами, стиль которых можно сопоставить с сюрреалистическими экспериментами западных художников.

Всем хорошо известны Ю. Шпаков и М. Михеев, новосибирские писатели-фантасты, активно публиковавшиеся с 60-х годов, но художники, обращавшиеся к фантастическим темам, оказались в некоторой тени, и до сих пор мало кто знает о хранящемся в Городском Центре истории Новосибирской книги им. Н. П. Литвинова великолепном собрании оригиналов работ художников-иллюстраторов... А ведь новосибирские издания оформляли художники первой величины!

В конце 60-х многие издания фантастического жанра были проиллюстриро-

ваны Ю. Макаровым и В. Авдеевым, а несколько позже, в 80-е, фантастику стали иллюстрировать и графики-экспериментаторы, среди которых такие мастера, как А. Шуриц и тандем архитекторов «бумажников» — А. Чернова и С. Гребенникова.

Сибирские художники увлеченно создавали мир фантазмагории, особого пространства между сном и явью, в котором механизмы сплавляются с человеческими фигурами и, подобно миражу, вырастают фантастические города. И творчество Шурица, и графика Чернова с Гребенниковым, конечно, заслуживают отдельного разговора, ведь труд этих замечательных художников, как и многих других, в Западно-Сибирском книжном издательстве повлиял на формирование вкуса весьма широкой аудитории — в Советском Союзе фантастика была самым популярным чтением, а наше сибирское издательство имело возможность выпускать ее громадными тиражами. И в результате возникла интересная ситуация — «изобразительная эстетика» книжных изданий начала формировать визуальную культуру широких масс, ведь благодаря именно этим иллюстрациям читатели фактически познакомились с современным искусством, с эстетикой коллажа и сюрреалистических образов; вообще, книжная и журнальная иллюстрация, искусство плаката в позднесоветское время в значительной степени определяли визуальный образ эпохи.

Нужно сказать, что художникам, работавшим с фантастикой в качестве иллюстраторов, подобные темы были близки и вне практических задач книжного искусства: в своем живописном и графическом творчестве они часто создавали воображаемые фантастические миры и самостоятельно, без оглядки на текст.

На сломе эпох, в 90-е годы, издательская деятельность постепенно трансформировалась: исчезли большие тиражи и в целом интерес к традиционной фантасти-

ке упал. Перестройка сделала доступной и литературу иного рода (то, что можно условно назвать «мистической фантастикой») — от Майринка и Лавкрафта до Кастанеды. Кстати, в девяностые весьма запоминающимися были книги киевского издательства «София» — в первую очередь благодаря превосходным иллюстрациям Владислава Ерко. Для мистической фантастики особенно характерно обращение к темным сторонам реальности, к миру бессознательного, к той границе, за которой явь переходит в мистический сумрак. Литература и искусство такого рода вбирают в себя частицы экзотических культур и верований, окруженных таинственной аурой. Эстетика магического реализма и «мистической фантастики» обращается с повседневностью жизни как с кулисой, за которой действуют подлинные силы, обладающие действительным бытием. Настоящий герой таких произведений — отважный исследователь своего внутреннего опыта, духовный экспериментатор, обнаруживающий скрытые истины в банальной рутине.

«Магический реализм» приобрел особенную популярность в жесткие и прагматичные девяностые — время, когда бегство от реальности помогало выживать и сохранять своего рода «духовный гомеостаз» многим. Тогда же возможность открыто демонстрировать свое творчество помогла выйти из подполья и многим творцам-любителям — тем, кого искусствоведы называют аутсайдерами.

* * *

Погружение в поэтические аспекты реальности, бегство от современности, поиск «философского камня» среди бумажников мостовой, охота за «странными объектами и городскими сумасшедшими» — ремесло Юрия Артюшкина, более известного как Неизвестный Художник.

Кстати, наш Неизвестный Художник, как ни странно, — личность публич-

ная и даже в какой-то степени популярная. Его остроумные и ностальгические фото смешных и жутких артефактов Новосибирска распространены в Сети, он — музыкант и мастер, изготавливающий экзотические музыкальные инструменты, путешественник, живописец. И вот именно в последнем амплуа Юрий Артюшкин предстает как фантаст и сюрреалист, создающий на своих холстах «пространство сновидения» — его можно назвать одним из немногих в Новосибирске художников-фантастов, близких к теме «магического реализма».

...Ностальгия по «сказочному утерянному детству», по укромным уголкам родного города, исчезающим на нашем веку, по гармонии и смыслу — главный мотив романтических холстов Неизвестного Художника. На этих картинах, далеких от жесткого профессионального стандарта и тяготеющих скорее к так называемому «искусству аутсайдеров», мы можем увидеть родной и знакомый Новосибирск другими глазами: нетронутые бездушной современностью старые районы со скромными домами, соразмерными человеку («Трехлетний мир»), детство, сны, мистические видения и, конечно, осень — особенное время года в Сибири, момент волшебного преобразования реальности. Излюбленная тема Неизвестного Художника — осенний город, залитый чудесным мягким светом низкого солнца.

Художника Юрия Артюшкина одинаково привлекает и повседневная реальность, и нечто, стоящее позади нее, — совершенно не случайно многие его полотна кажутся театральными задниками, декорациями, за которыми мелькают картины подлинного мира («Мимолетное

видение»). Такое столкновение реального и иллюзорного в высшей степени характерно для сюрреализма и «магического реализма».

Сюрреалистические коллажи («Детство Мебиуса») — особый жанр, в котором работает Неизвестный Художник. Его пристальный взгляд, его одержимость желанием сохранить и донести до нас мельчайшие детали реальности, детская старательность в работе с краской совсем не похожи на овеществленную точку зрения банального реалиста. Одержимость деталями — черта искусства многих мастеров-реалистов, близких к «магическому направлению» (Э. Уайет) и примитивизму. В творчестве подобных художников обилие подробностей — симптом чудесного преобразования видимого, перехода к детскому видению, от которого ничто не ускользает.

Подобно сну (концентрированному образу яви), мир, изображенный на картинах Юрия Артюшкина, глубоко символичен — личная мифология превращает эту живопись в сюрреалистический путеводитель по «местам силы», в которые превращаются узнаваемые переулки и дома Новониколаевска-Новосибирска. Ностальгия и наивная фантазия Неизвестного Художника способна пробудить в каждом взрослом неутомимую детскую страсть к переживанию чудесного, которую все мы давно потеряли.

Мистические и фантастические холсты Артюшкина («Тело сновидения», «Последний костер», «Декорации сна») в своей «поэтике» соединяют несоединимое — загадку и юмор, натурализм и абстракцию; это результат погружения в глубины бессознательного, путешествия на границу реальности...

АВТОРЫ НОМЕРА

Алтухова Ольга родилась в 1993 г. в Москве. Окончила филологический факультет Московского государственного университета. Работает преподавателем английского языка. Публиковалась в журнале «Стержень», в сетевых изданиях «Полутона», TextOnly. Автор сборника стихов «Кожа и душа». Живет в Москве.

Блейза Татьяна Евгеньевна родилась в 1974 г. в Барнауле. Окончила Алтайский государственный технический университет. Публиковалась в журнале «Фантастическая среда», в альманахе фантастики «Астра Нова», в международном литературном сборнике «Брест — Барнаул». Живет в Барнауле.

Витченко Евгений родился в 1983 г. в Караганде. Окончил факультет истории и политических наук Тюменского государственного университета. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Нева», «Нижний Новгород». Живет в Тюмени.

Гербер Денис Владимирович родился в 1977 г. в Ангарске. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Работает журналистом. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новый берег». Автор двух романов. Живет в Ангарске.

Домрачева Ольга Николаевна родилась в 1971 г. в Куйбышеве Новосибирской области. По образованию бухгалтер. Победитель межрегионального конкурса на соискание премии им. И. Д. Рождественского (Красноярск, 2016), лауреат премии журнала «Сибирские огни» (2017). Живет в р. п. Большеречье Омской области.

Костюкевич Анна Анатольевна родилась в 1970 г. в г. Фрунзе. Окончила архитектурное отделение Фрунзенского строительного техникума. Работает художником в Краснозерском художественно-краеведческом музее и преподавателем детской школы искусств. Победитель конкурса фантастических рассказов «Метро ХХХ». Живет в Новосибирской области.

Кудлач Ярослав Юрьевич родился в 1973 г. в Петрозаводске. Учился в Ганноверском университете. Видеооператор и монтажер. Автор более полутора десятков литературных произведений. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Живет в Ганновере.

Кузнецов Андрей Александрович родился в 1975 г. в Новосибирске. Учился на филологическом факультете НГПИ, затем — в Новосибирской архитектурно-художественной академии. Преподаватель Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, автор статей о новосибирских художниках. Живет в Новосибирске.

Назаров Игорь Владимирович родился в 1970 г. в Киселевске Кемеровской области. Окончил Кемеровский государственный университет по специальности «правоведение». Работает юристом. Публиковался в журнале «Сибирские огни». Живет в Киселевске.

Правиков Александр Анатольевич родился в 1974 г. в Москве. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Знамя» и др. Автор книги стихов «Внутри картины» (2013). Живет в Химках.

Прашкевич Геннадий Мартович родился в 1941 г. в с. Пировском Красноярского края. Прозаик, поэт, переводчик. Автор романов «Секретный дьяк», «Носорукий», «Теория прогресса», биографических книг о Жюлье Верне, Уэллсе, Брэдли и др. Заслуженный работник культуры РФ, лауреат ряда литературных премий. Живет в новосибирском Академгородке.

Ревкова Наталья Михайловна родилась в 1969 г. в р. п. Белоярске Алтайского края. Окончила Алтайский государственный университет по специальностям «филология» и «журналистика». Работает редактором. Член Российского союза писателей. Публиковалась в журналах «Барнаул», «Мир фантастики» и др. Живет в Барнауле.

Тарасова Наталья Николаевна родилась в 1977 г. в Новосибирске. Окончила Новосибирский государственный педагогический университет. Работает товарным аналитиком. Живет в Новосибирске.

Федоткин Андрей Эсгатьевич родился в 1986 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет. Работает инженером. Публиковался в журнале «Огни Кузбасса». Победитель ряда литературных конкурсов. Живет в Новосибирске.

Хлебников Михаил Владимирович родился в 1974 г. Кандидат философских наук. Автор книг «Теория заговора. Опыт социокультурного исследования» и «Теория заговора. Историко-философский очерк». Публиковался в журнале «Подъем», газете «Литературная Россия». Живет в Новосибирске.

Хорват Филипп родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил Санкт-Петербургский государственный политехнический университет. Публиковался в журналах «Новый мир», «Бельские просторы», «Полутона» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Шапалов Андрей Валерьевич — директор Новосибирского государственного краеведческого музея, кандидат исторических наук. Занимается археологией, культурной антропологией, музееведением и экономикой культуры. Автор книг и статей по истории и этнографии Сибири, разработчик и куратор музейных экспозиций и выставочных проектов. Живет в Новосибирске.

Щетинина Елена Витальевна родилась в 1981 г. в Омске. Окончила Омский государственный университет. Преподаватель, журналист, литературный и театральный критик. Публиковалась в изданиях «Мир фантастики», «Наука и жизнь» и др. Автор двух сборников рассказов и романа. Лауреат ряда литературных конкурсов. Живет в Омске.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: sibirskieogni.pf

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.pf>

Сдано в набор 19.03.2020. Дата выхода № 4 за 2020 г. в свет 24.04.2020.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.